Н. Богданов

Легенда о московском Гавроше

ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ

Всё началось из-за того, что слишком близко очутился Андрейка возле царя. Вот он, русский царь, Николай II, при всех орденах и регалиях, при золотых эполетах и в сверкающих сапогах. А вот он, Андрейка, в худом пиджачишке и в дырявых ботинках.

Такая честь выпала ему недаром: не кто другой, а именно он притащил этот громадный портрет в школу в день объявления войны царской Россией германскому кайзеру Вильгельму. Прямо с манифестации в честь русского царя.

Школяров вёл учитель. Рядом благородные чиновники и богатые купцы пешком шли. А их жены и дочки в колясках ехали, кто на своих рысаках, кто на извозчиках. Охраняли шествие мордатые приказчики, трактирщики, переодетые городовые: «чёрная сотня».

После пения «Боже, царя храни» и «Славься, наш царь в Сионе» манифестанты, подойдя к городской думе, стали кричать: «Долой Вильгельма!», «Бей немчуру!». А над московскими улицами, над торговыми рядами сплошные немцы на вывесках магазинов красуются: циндели, циммерманы, зингеры.

Кто-то из бойких трактирщиков «догадался».

– Бей их, братцы! – Да как трахнул камнем по витрине.

Зазвенели стекла.

Андрейка в первую минуту растерялся. А знаменитый замоскворецкий кулачный боец Васька-мясник, тащивший самый большой царский портрет, прислонил его к Андрейке: «Что рот разинул? Побереги!» – и бросился бить-громить.

И началось такое, что только раз в жизни увидишь. Рояли и пианино Беккера, Бютнера, Шредера летели со вторых этажей на мостовую. Стонали струны, раскалывалось дорогое полированное дерево, а мордатые охотнорядские приказчики и купеческие сынки только посмеивались.

Мальчишки-посыльные, ученики, подмастерья подхватывали трубы, кларнеты, барабаны. Под их отчаянную музыку плясали в витринах манекены. Роскошные дамские шляпы с перьями, как птицы, над людьми летали.

Иные ловкачи стали растаскивать добро. Васька-мясник взвалил на спину огромную штуку сукна и исчез в суете погрома.

Когда всё кончилось и уставшие погромщики разошлись, Андрейка так и остался при царском портрете. Не смея его бросить, он и притащил этот портрет, себе на беду, в школу. Поначалу он этим отличился. Учитель истории и географии Никодим Петрович Фивейский его перед всем классом похвалил. Такой царский портрет и в гимназии не в каждой.

Неисправимых озорников Фивейский стал на первую парту сажать перед портретом. И ребята под взглядом царя робели, меньше вертелись.

А Андрейка обращался с царем по-свойски: пыль с него стирал, мух сгонял. Учитель его хвалил да похваливал. Но выхваливаться, известно, дело плохое, добром не кончится.

Случилось так, что в школу должна была приехать известная московская богачка, купчиха Морозова. Она объезжала бедные школы, где учились дети рабочих, выбирая себе подопечную.

Учитель Фивейский, желая заполучить богатую попечительницу, решил показать, что его ученики, хотя и дети рабочих, все за царя и отечество. Он сам сколько раз наблюдал, как они полосуют деревянными саблями крапиву да лопухи на школьном пустыре и орут как оглашённые: «Ура! Бей австрияков! Руби немчуру!» И среди них резвей всех мальчик, спасший в сумятице погрома царский портрет. Вот на нём-то учитель и решил сыграть перед купчихой. Шутка ли! Бедняк, одежонка в заплатках, в худых ботинках, синий от недоедания, а с царя пыль сдувает. Значит, любит!

…В начале войны Андрейка крепко стоял за русского царя и ненавидел его врага – германского кайзера Вильгельма. Даже собирался на войну бежать, жизнь за царя положить.

Он повесил у себя дома красочную картинку ценой три копейки. На ней был изображен чубатый русский казак, который, зажав между колен голову германского кайзера, лупил Вильгельма нагайкой. Под картинкой был напечатан стишок:

Немец-перец колбаса,
Не ерошь ты волоса,
Не крути ты, Виля, ус,
Не ходи войной на Русь.
Как почнет тебя казак

И вот эдак и вот так,
Вот тогда ты будешь знать,
Как с Россией воевать!

Полюбовавшись этой картинкой, отец велел повесить её на стену, сказав:

– Пусть все видят, как их надо отделывать… Вот бы и нашему царю так всыпать, чтобы войны не затевал!

Учитель и не знал, что ученик его сильно в царе разочаровался. И помог этому тот самый Васька-мясник, кулачный боец, который ему царский портрет так щедро подарил.

Он вернулся с войны, опухший от ревматизма, с негнущимися коленками, скрюченными пальцами. Ни в кулачные бои на Москве-реке, ни в мясные рубщики он больше не годился. Купец-лабазник Крестьянинов взял его из жалости сидельцем в лабаз с овсом и сеном.

– Как же ты, Вася, такой богатырь, оплошал-то? – допытывались у него.

– Это не я, а наш Николашка наплошал. Нешто так воюют? Мы стрельнём малой пулькой, а в нас аж целый чемодан летит: рванет – роту побьёт. Вот и отвоевался… Ни одного германа вблизи не видал, а инвалидом стал… Нет, при таком царе, который сам без царя в голове, худо нам будет. Где уж ему войском управлять, когда им его жена, немка Алиска, командует…

Самыми горячими слушателями Васьки были мальчишки.

Насчёт худа Васька правильно напророчил. Вскоре голодные беженцы, безрукие, безногие, безглазые солдаты заполнили Замоскворечье. Многим даже хлеба не хватать стало.

Но замоскворецкие мальчишки народ сметливый, быстро догадались, где достать лишний кусок. Недалеко окружная железная дорога, а по ней и день и ночь бегут и бегут поезда: коней и людей на войну везут в обход Москвы. В приоткрытых дверях гривастые конские морды мелькают, лохматые бороды пожилых мужиков, испуганные

лица безусых парней. Завидев церкви белокаменной столицы, иные торопливо закрестятся.

Мальчишкам зевать некогда, припустятся рядом с вагонами и жалобно кричат: «Солдатики, киньте хлебца!»

Сжалятся служивые, вспомнив своих сирот, оставшихся в деревнях, и кинут кто ломоть, а кто и полковриги ржаного хлеба, испеченного в дорогу матерями да женами. И умчатся помирать в окопы.

А ребята разбегутся по домам поделиться с родными солдатским хлебцем, а со всей улицей – залихватскими песнями. И конечно, Андрейка вместе с ребятами и куски эти жевал, и лихие песни подхватывал.

Но об этом не знал учитель Фивейский.

…Купчиха приехала на паре вороных, в коляске с дутыми шинами. Она была в чёерных шелках, в ушах сверкали бриллиантики. Лицом бела, полна, пухлые пальцы все в кольцах. Когда вошла – повеяло душисто, как от цветочной клумбы.

Следом за ней – важный господин в сюртуке с золотыми пуговицами.

– Павлов Андрей! – позвал голос учителя.

Андрейка вскочил и чихнул. Раздались приглушенные смешки, Морозова милостиво улыбнулась.

– Вот мальчик, про которого я вам говорил, – изогнулся Фивейский. – Расскажите, Павлов Андрей, про Ивана Сусанина.

Накануне учитель сводил школяров в кинотеатр «Великан» на картину «Жизнь за царя» и заставлял ребят пересказывать содержание.

Андрейка начал без запинки:

– Русские люди, купцы и бояре, устав жить без царя, спасая Русь, избрали на царство молодого Михаила Романова. А злые ляхи решили его убить. И пошли искать его терем. Бродили, бродили по темным лесам, найти не могут… А Иван Сусанин: идёмте, мол, покажу. Да и завёл так, что не выйти. Изрубили его ляхи с досады, да и сами помёрзли, как воробьи. А царь всё-таки воцарился. И пошли от него: Алексей тишайший, Петр Первый, Екатерина Вторая, Александр благословенный.

Купчиха улыбалась всё шире, поглядывая на сопровождающего её важного господина.

– А знаете ли вы, Андрей Павлов, полный титул ныне царствующего императора?

Титул царя был такой длинный, что не сразу выговоришь, – царь польский, великий князь финляндский, герцог лифляндский и прочая и прочая. Для краткости Андрейка лихо отчеканил:

– Николай Второй, кровавый!

У важного господина золотые очки с носа-крюка слетели и повисли на цепочке. Фивейский вытянулся и застыл, как покойник. У купчихи глаза округлились.

– Это где ты такое слышал? – спросил наконец чиновник.

– А там! – махнул рукой Андрейка в сторону окружной, где гугукнул очередной паровоз. И, заложив ладонь на затылок, как это делали солдаты, запел:

Миколай вином торгует,

Сашка булки продаеёт…

– Молчать! – вскричал, как хриплый петух, чиновник.

Богачка Морозова укатила, откинувшись в коляске. Учитель Фивейский не вернулся в класс. Вместо него в класс вошел протоиерей Воздвиженской церкви, которой принадлежала школа, отец Исай, самый грозный поп из всех замоскворецких.

Он не стал допытывать, «откуда взял Андрей эти слова да кто его родители», он только сказал:

– Возмутитель благонравия, изыди!

Никто не пошевелился. Ребята Андрея не выдавали. Но тут высунулся Фивейский, держа у виска белый платочек, и указал возмутителя.

Поп вытянул виновника из-за парты за ухо и заорал:

– Вон отсюда! Чтобы духу твоего здесь не было! – И, протащив по коридору, наподдал ему на крыльце пониже спины сапогом с ловкостью, достойной вышибалы в трактире Полякова.

Завертевшись, как кручёный мяч, Андрейка расслышал вдогонку:

– Пришли родителя… Вы ответите за оскорбление величества! Жизнью!

Андрейка как настоящий замоскворецкий мальчишка ответил на это:

– За такого царя жизнь! А этого не хотите? – И похлопал себя по заду.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

По обычаю замоскворецких мальчишек Андрейка в беде не унывал. Чем ему хуже, тем он веселей. Вот и теперь, перескакивая с булыжной мостовой на пыльные тротуары, он развлекался: читал вывески наоборот, дергал за хвосты дремлющих вместе с извозчиками кляч, запряженных в старомодные пролетки, и хохотал, отскакивая от злого кнута.

Огромную вывеску над лабазом – «Продажа овса и сена Крестьянинова и К°» – он прогорланил по-своему: «Продажа отца и сына крестьянинова и хо-хо-хо!» И был отпугнут метлой Васьки-сидельца.

– Ты чего это веселишься, Арбуз, когда школяры за партами? Из школы выгнали? Да с тебя отец шкуру спустит!

– Одну спустит – другая нарастёт!

– Бабушка есть не даст!

– Были бы зубы, чего-нибудь покусаю!

– Ночевать домой не пустят!

– В собачьей будке переночую.

– Наш прокурат всем бедам рад! – пропищала тонконогая девчонка с пачкой нераспроданных газет под мышкой. Это была единственная девчонка среди мальчишек – продавцов газет, по прозвищу Стенька Разин.

Стенька, Дарвалдай, Керимбай, Чумазей – таковы были уличные клички приятелей Арбуза.

Враги его тоже имели клички. Вот проехал на извозчике гимназист Вячик-мячик; вот важно прошагал из лефортовских кадетских корпусов в сопровождении дядьки кадетик Котик. По тротуару спешил в начищенных до блеска сапогах парень в офицерской шинели до пят, с лицом нежным и пухлым, как у хорошенькой горничной из богатого дома.

Лукашка-лакей,
Служи барину ловчей,
Подавай, принимай,
Оплеухи получай! –

не утерпел подразниться Андрей, хотя родители Лукашки приходились дальней роднёй: не то его бабушки, не то дедушки их были из одной деревни.

Лукашка возмутился:

– Я тебе не лакей! Я вестовой генерала Мрозовского, дурак!

За дурака Андрейка оглушил Лукашку таким заливистым свистом, что новоиспечённый вестовой бросился наутёк, грозясь отомстить своему дальнему родственнику.

Позабавившись тем и сем, Андрейка очутился в толпе любопытствующих у подъезда Гоппнеров, управляющих заводом Михельсона, где его отец работал кузнецом.

Зеваки смотрели, как к Гоппнерам съезжались гости.

Со змеиным шипением подкатывали на дутых шинах пролетки и коляски московских богачей. Бородатый швейцар в расшитой золотой одежде с поклоном отворял тяжёлые двери.

«Городской голова Челноков…», «Фабрикант Рукавишников…», «Купец Елисеев…», «Миллионщик Рябушинский», – передавалось в толпе.

Здоровенный, толстый городовой по прозвищу Пузо шикал на любопытствующих, отодвигая их подальше. Мешал ему наводить порядок Гриша Чайник, известный в Замоскворечье чудак и гуляка, любитель покуражиться. Вот и сейчас он вздумал обниматься с городовым. Низенький, коренастый, длиннорукий, лез к нему с такими словами:

– Благодетель улицы! Опора трона! Слуга царю, отец прохожим! Дай я тебя облобызаю… Бог на небе, царь на земле, ты в Замоскворечье столп нерушимый.

За такие слова и в морду не дашь, и в участок не сведёшь.

В толпе хихикали, посмеивались солидные прохожие, забавлялся и Андрейка.

Вдруг раздался музыкальный звук автомобильного рожка, и на машине подъехал сам хозяин завода.

«Михельсон! Михельсон! Михельсон!» – понеслось по толпе. Это был известный в Москве адвокат, любимец богачей, а теперь и сам стал владельцем завода – разбогател. Не у каждого миллионера такой автомобиль.

Андрейка притерся к машине и попытался надавить на резиновую грушу, но шофёр погрозил огромным кулаком в кожаной перчатке, и он изобразил смирение.

Михельсон быстро взошёл по ступеням, бросив на руки встречавших лакеев меховую доху, швейцар плотно закрыл двери, и на этом представление у парадного Гоппнеров окончилось.

– Ишь слетелось воронье на пир!

– Насосались нашей крови, теперь вино лакают!

– Они шампанское ведрами пьют, а у нас дети с голоду мрут.

– Кому война, а им мать родна!

Услышав, как поносят богачей, городовой Пузин стал разгонять толпу.

Андрейке захотелось развеселить людей. Он подлез к будке сторожевого пса Гоппнеров и ну с ним обниматься. Это был номер! Гоппнеровский Кусай славился своей свирепостью. Сами хозяева его боялись. Лакеи еду бросали издалека. Послышались тревожные охи и ахи. Но Андрейка только посмеивался, лаская грозного волкодава. Секрет заключался в том, что Кусай был приятелем его Альмы.

Частенько поздним вечером, когда хозяева спят, а дворники дремлют, Андрейка, отодвинув доску забора, пускал свою Альму в сад Гоппнеров, где гулял спущенный с цепи Кусай. Собаки бегали и играли, веселились. И конечно, Кусай любил Андрейку и позволить ему мог всё.

Позабавившись лихостью мальчишки, прохожие разошлись. Но куда было деваться Андрею? И домой явиться страшно: отец в гневе суров. А есть хочется, спасения нет!

– Эй, Арбузик! Пойдём вместе, найдём двести. Посвищу, поищу, чем-нибудь угощу. Желаешь, пойдем в ресторан? – Стенька Разин, распродав газеты, позванивала в кармане медяками.

В ресторанах Андрейка не бывал, только в окна посматривал. И хотя не поверил, что Стенька разбогатела, всё же отправился за ней, подозревая уготованную ею шутку.

Так оно и случилось. У вращающихся дверей роскошного ресторана стоял важный швейцар. Андрейка и Стенька Разин пристроились у решётки, ограждающей огромные окна ресторана, и стали «заказывать» себе различные блюда и «угощаться» ими, подражая жестам господ и дам, сидящих за ресторанными столиками.

На это представление стали собираться прохожие. Швейцар заметил непорядок, и пришлось Андрейке с его подружкой ретироваться, не закончив «роскошного обеда». Они весело посмеялись, но голод не тётка, и Стенька пригласила Андрейку к себе домой поесть печёной картошки.

ДОБРАЯ ВОЛШЕБНИЦА

Сидят у жаркой печки Андрей и Стеша, вынимают из углей горячую картошку и лакомятся, обжигая губы, вкусно похрустывая пригорелыми корочками. Стешина мать смотрит на них добрыми глазами, отодвинув занавеску, за которой стоит её кровать.

Стешина каморка мала, тесна – не повернуться.

Прежде, когда Стешины отец и мать работали на фабрике, они жили в небольшой квартирке. Когда отца забрали на войну, пришлось поселиться в комнате под самой крышей, а когда мать слегла и её уволили с фабрики, спуститься в полуподвал. Хозяйка всё повышала и повышала плату за квартиру, а денег было – лишь Стешины пятачки от продажи газет.

– Мама, покушай картошки, – предложила Стеша.

– Не идёт в душу, дочка! Если бы к ней селёдочки…

Стеша смутилась. Сколько она ни экономила, на квартиру, на свет, на воду, на лекарства кое-как натягивала, а на еду вот не хватало.

Купцы каждый день повышали цены и на продукты. Почему? Это было для Стеши загадкой. Знающие люди говорили, что всё это из-за войны, из-за дурости царя Николашки, изменницы царицы, лихоимства царских министров и божьего попустительства…

Однако до царя далеко, до бога высоко, а до хозяйки дома близко. Она неожиданно открыла без стука дверь и пробасила:

– Про должок за квартиру не забыли? Не то завтра к околоточному и выселю!

– Да ведь сироты мы! Неужели подождать нельзя? – взмолилась мать.

– Я сама сирота. Мой тоже на войне. Продайте что-нибудь и расплатитесь… Шаль вон с каймою…

Хозяйка закрыла дверь, а Стешина мама заплакала. Старинная шаль была единственной ценной вещью, что осталось у неё. Она была получена в подарок от отцовой бабушки, когда Стешина мама была ещё невестой. Вытканная розами, с белыми шёлковыми кистями и такая большая, что Стеша могла вся в неё завернуться. А мама, когда ей было особенно грустно, накинув на плечи шаль и любуясь в осколок зеркальца, напевала тихим голосом песню:

На прощанье шаль с каймою

Ты на мне узлом стяни…

От этой песни хотелось плакать. Но Стеша сдерживалась.

– Тает она у меня, как льдинка… Уж и не знаю, додержу ли до возвращения папани, – прошептала Стеша Андрейке.

У Стешиной мамы была мечта: прежде чем умереть, увидеться с мужем. И ради этого последнего свидания Стеша и трудилась изо всех сил.

С тяжёлым сердцем покинул Андрейка Стешину каморку. А дома его ждала добрая волшебница.

Её появлению Андрейка не очень удивился – в Замоскворечье волшебниц да колдуний было полно, жители общались с ними запросто. Война их откуда-то словно метлой намела. Куда ни глянь, всюду шуршат широкими юбками. И все настойчиво предлагают погадать на картах, на бобах, на стручках, велят показать ладонь или посмотреть в воду. И всем надо «ручку позолотить» – тогда судьба сбудется.

Андрейка всем им не очень доверял. Как они могут другим помочь, если сами бегают обтрёпанные, попрошайничают, сами вечно полуголодные?

У семейства Павловых была волшебница понадёжней. И главное, своя, замоскворецкая. Да ещё приходилась родственницей.

Тётя Феня Филонова была обыкновенная салопница, каких немало шныряло по Замоскворечью из одного богатого дома в другой. Там купчихе погадать, там купеческой дочке жениха подыскать, а бывало, и купцу про дешёвые товары нашептать, чтобы выгодно перепродал. В одном доме тётю Феню кофейком побалуют, в другом чайком, а где и рюмочкой наливки подсластят.

Салопницы были незаметны, привычны, вездесущи и хотя и не всегда всемогущи, но иной раз за небольшие награды помогали в бедах.

Поскольку Филониха приходилась Павловым роднёй, хотя и дальней, она за свои благодеяния никакого вознаграждения не требовала и помогала им бесплатно.

Вот и сейчас, важно сидя за столом, дуя на блюдечко с чаем, она пристально рассматривала Андрейку и шепеляво говорила:

– Ежели в казачки, так не на что и казакинчик надеть… Ежели в мальчики при дверях, так совсем не такая физиомордия нужна…

Андрейка смущённо отворачивался, пряча глаза: «Откуда узнала, что с ним в школе произошло?»

Бабушка смотрела в рот Филонихе с такой надеждой, будто от слов, выпавших из него, всё решится в лучшую сторону.

– А и то сказать, в кого же ему и быть? Отец мужлан неотёсанный. Скуластый, головастый, ручищи – клешни рачьи… То ли дело я вышла за моего, есть на что посмотреть. Личико умильное, с усиками. Не мужчина, а шоколад. Ну и я в долгу не осталась. Что ни деточка ему, то конфеточка. Одно заглядение. Что личиками, что характерами. Утешеньица наши! Подумать только. Лукаша всего годик в подлакеях и походил. А теперь полный лакей. И не простой, а генеральский. Да и Глаша разве простая горничная? Без пяти минут полная компаньёнка у баронессы фон Таксис. Никакой чёрной работы, одни только барынины капризы исполняет.

– Повезло вам, – вздыхает бабушка.

– А почему повезло? Потому что понятие имеем… Богатые не тех любят, кто на них работает, а тех, кто им угождает. Тому и барская похвала и пища с барского стола. Вот мой-то Филонушка теперь любого царского кушанья может отведать, любого царского вина испить. Шутка ли! Лакей в царском поезде. А всё потому, что

прислуживать умеет… Ну да ладно, устрою вам, постараюсь по-родственному… Кричать ты сильно можешь?

Андрейка даже поперхнулся от неожиданного вопроса. Но бабушка так его ущипнула, что он издал громкий вопль.

– Подойдёт! – кивнула Филониха. – Крикуном в балаган Трушечкина пристрою. Он к рождественским гуляньям горластых мальчишек набирает, публику зазывать… Сначала на рождество покричит, потом на масленице, а там, глядишь… Постой, постой, кума… Беловат парень, а то вот еще барышням Сакс-Воротынским мальчишечка при конях требуется – грумом прислуживать. В таких ролях, конечно, нужно быть чёрным, потому арапская это должность. Ну да в военное время и белый арапчонок сгодится…

Кончилось дело тем, что Андрейка пулей помчался к Глаше разузнать, свободно ли место грума у барышень Сакс-Воротынских.

КЕМ БЫТЬ АНДРЕЙКЕ?

Выбежать к Крымскому мосту, проехать его, прицепившись сзади к трамваю, скатиться на Остоженку и очутиться перед воротами ограды дома фон Таксис было для Андрейки недолгим делом.

Важный привратник с холодно-льдистыми глазами не страшил его: вся дворня любила Глашу, стоило сказать, что ты её родственник, даже привратник становился приветлив и глаза его оттаивали.

Андрейка увидел Глашу сквозь ажурную железную ограду, окружавшую сад баронессы. Он хотел было уже крикнуть: «Наше вам с кисточкой», как заметил в саду военного. Тот выцеливал ворону, сидевшую на высоком дереве. Прищурившись, стрелок глядел в стёклышко на месте прицельной рамки. Таких винтовок Андрейка ещё не видал.

Раздался сухой треск выстрела, и ворона свалилась.

– Ах, зачем вы это?! – испугалась Глаша.

– А затем, что я снайпер, милочка. Сверхметкий стрелок. Моя профессия – убивать. И я должен, чтобы не потерять меткости, стрелять, стрелять, стрелять. В ворон, в людей, в лошадей и одинаково метко. Понимаешь?

Глаша молча слушала, испуганно взмахивая длинными ресницами, словно бабочка крыльями.

Фон Таксис снова вскинул винтовку, прицелился: щёлк! трах! – и ещеё одна ворона свалилась с дерева.

Андрейка восхищённо глядел на офицера.

– Что ты на меня уставился, мальчик? Ты меня узнал? Я поручик Лермонтов со школьной картинки, да?

– Ага! – кивнул Андрейка.

Офицер фон Таксис был курнос, с округлым лицом и усиками над пухлыми губами. Он самодовольно улыбнулся.

– На вот на память, – офицер протянул Андрейке стреляные гильзы. И в тот же миг схватил его ухо пальцами, словно клещами.

– Невежа! Не забывай в другой раз говорить спасибо.

Андрейка чуть не завопил от боли, но сдержался и процедил сквозь зубы:

– Спасибо.

Глаша зарделась, не сказав, однако, что Андрейка её родня. Что с неё спросишь? Она только что родного брата не признала – младшего, Фильку.

Надо же было так случиться, что после двух миловидных детей третий народился у Филоновых словно в насмешку. Лицо скуластое, нос приплюснут, глаза как плошки, рот до ушей. И кроме всего этого, его голову венчала шапка огненно-рыжих волос, завитых в такие крутые кудри, что железным гребешком не расчешешь.

Если про Лукашку говорили, что его в цветущих лугах нашли, про Глашу сказывали, будто она среди роз в барском саду отыскалась, то про Фильку злословили, что его из крапивы вытащили.

И брат и сестра избегали его, а Филька так их любил, что иногда прокрадывался, чтобы посмотреть на сестру хоть издали. Вот и сейчас, притаившись за железной кованой оградой, он любовался сестрой и оказался свидетелем того, как офицер обидел Андрейку.

– Ты не сердись на него. Это он так, шутейно. Для Глаши… Он ей конфеты и духи дарит, – говорил Филька, подбежав к Андрейке, когда офицер и сестра ушли. – Это хозяйки племянник любимый. С войны на побывку прибыл. Так что… ничего! А у тебя к Глаше дело какое?

Андрейка рассказал.

– Верно! – подтвердил Филька. – Сакс-Воротынские желают нанять грума к своим лошадям. Пойдём, я тебя проведу к ним. Это рядом. У меня там привратник знакомый, я ему за нюхательным табаком в лавку бегаю…

Привратник, нарядный старик, давно обезножевший, сидел под аркой ворот богатого особняка, видневшегося в саду. Узнав от мальчишек, чем они интересуются, он позвал конюшенного. Тот позвал нарядно одетого лакея. Лакей, выслушав их, удалился в дом, и вскоре на балкончике дома появились хозяйки усадьбы барышни Сакс-Воротынские. Все три. Высокие, большеглазые, золотоволосые. Красавицы!

Барышни взглянули на мальчишек и весело рассмеялись. Особенно насмешил их Филька.

– Прелестный уродец! – вдоволь насмеявшись, сказала одна сестра.

– Красный арапчик! – подхватила другая. – Очаровательно!

– С таким грумом всю Москву можно насмешить! – сказала третья.

Сёстры удалились, не сказав ребятам ни здравствуй, ни прощай, и конюшенный выпроводил мальчишек…

Когда Андрейка понуро приплелся домой, Филониха всё ещё распивала чай. Узнав, как обернулось дело, она перекрестилась.

– Ну и слава богу! Ещё одно моё гадание сбылось. Я тут раскидывала карты, не выходила тебе должность в богатом доме, при трёх важных кралях. А вышло идти в трефовый дом к трефовому королю. Там за параличным барином надо горшки выносить. Должность, конечно, душная, барин залежалый, но платить будут хорошо и при ихнем столе и чае…

Бабушка принялась уже доставать чистую одежду для внука, но в это время дверь открылась, и в неурочное время вошел отец. Андрейка быстро спрятался за бабушкину спину.

– Тьфу, опять забастовка! – Ни с кем не здороваясь, отец шмякнул кепку о колено. – Срочные заказы, хорошие заработки, а наши опять за своё. «Останавливай станки, кончай работу». Мало им прибавки, из-за которой в тот раз бушевали, так теперь царь помешал. «Долой самодержавие!», «Кончай войну!».

– Да уж теперь это модно, царя ругать, – поджав губы, Филониха метнула глаза на Андрейку.

– А ты, Лиса Патрикеевна, чего тут хвостом метешь? Чего вынюхиваешь? – отец недолюбливал Филоновых. – Или у нас беда какая? Чего понурые? – окинул он взглядом домашних.

– Да вот попросили мы Фенечку помочь нашей беде. По-родственному… начала бабушка.

Но Филониха сразу всё выложила:

– Из школы парня выгнали! Так надо же куда-нибудь…

– Это за что? Ты чего натворил? – отец повернулся к Андрею.

– За оскорбление его императорского величества, – ехидно усмехнулась Филониха.

– И ты против царя бунтовать? Ах ты козявка! – отец рассмеялся.

– Вот и просим Фенечку определить его куда-нибудь, – всхлипнула бабушка.

– В лакеи куда-нибудь? В подпевалы, в подтиралы! К чертям! Я своим детям филонить не позволю!

Отец стукнул ладонью по столу, и Филониха исчезла. Только запашок от неё остался, кофейно-мятный, сладковатый.

– У, Филоны проклятые! – пробормотал отец и удовлетворенно высморкался. – Вот забастовка кончится, и айда на завод. Подручным у кузнецов поработаешь и человеком станешь, как я. Вместе будем на железном солнышке греться, в заводской преисподней холод в жар перегонять! – Эти загадочные слова кузнец подкрепил ударом кулака по столу.

АРБУЗ-КАРАПУЗ

Так очутился Андрейка в жаркой «преисподней» Замоскворечья – в кузнечном цехе завода Михельсона.

С самого первого дня, когда отец представил его мастерам, кто-то из зубастых подручных крикнул: «Гляди, Арбуз нам Арбузика подкатил!» – и утвердилась за Андрейкой эта кличка.

– Арбуз, водички!

– Арбузик, подай клещи!

– Арбуз-карапуз, подсыпь угля!

И он носится от одного рабочего к другому, мелькая среди дыма и пламени. На щеках крапинки мазута, уши в саже, стриженая голова присыпана формовочной землей. Словом, настоящий чумазый, как и полагается заводскому мальчишке на побегушках.

Шустрый, сообразительный, Андрейка быстро обвыкся. Только глаза щурятся от раскалённых искр, брызгающих из-под молотов, да зубы блестят в улыбке. Весёлый, безотказный подручный паренёк.

Поначалу кузнецы над ним подшучивали:

– Сбегай в булочную, принеси дырку от бублика!

Или ещё смешней:

– Дуй в инструментальную, скажи, пусть дадут тебе выволочку!

Иной раз помчится второпях, не разобравшись, вызвав хохот обалдевших от жары и грохота людей, а потом и сам рассмеется. Чего ж на них сердиться! Свои, рабочие. Хоть немного стряхнут усталость, посмеявшись.

Иное дело, если обидят мастера, десятники, хозяйские холуи. Тут за него рабочие заступаются, да и сам Андрейка в обиду зря не дастся. Уж как-нибудь, да отомстит обидчику.

Вот, например, мастер-рукоприкладчик, любящий раздавать оплеухи мальчишкам, сунется в карман за носовым платком, а там мышь! Откуда она взялась? Ну ясно, не с неба свалилась! Или вдруг вспыхнет во рту у злого десятника папироса и опалит усы… Кто ему «шутиху» в портсигар подложил? Поди узнай! Рабочие своих мальчишек не выдадут.

Тяжело рабочим – трудятся по двенадцать, четырнадцать часов в сутки, а неокрепшим мальчишкам еще труднее. И ненависть их к хозяевам, платящим за труд гроши, еще сильнее разгорается.

Зайдет, бывало, сынок управляющего вместе со знакомыми барышнями показать им, как играют синие звезды над кипящей сталью в изложницах, похвалится, сколько на его отца трудится рабочих, – не успеет обернуться, а на штанах дырка! Едва ли штаны случайная искра прожгла… Уж очень веселы и лукавы взгляды заводских озорников.

Но не только озорством отличались замоскворецкие заводские мальчишки – славились они и отчаянной храбростью. Чуть где пожар – первые на крыше. Случись поножовщина, под ноги дерущимся бросаются разнимать. Прокрадётся полицейский шпионить за рабочими – сразу его выследят. А уж если надо выручить своих заводских, тут ребята себя не жалеют. Особенно когда рабочих притесняют полицейские или казаки. У мальчишек против их сабель да нагаек своё излюбленное оружие – железные гайки. Ну и здорово они умели ими швыряться. Случалось, их меткие гайки полицейские лбы разбивали, чубатых казаков с коней сваливали.

Довелось и Андрейке вскорости своим рабочим помочь.

Как-то раз Саша Киреев и Андрей Уралов принесли в цех листовки против войны и царя. Хотели они их раздать, а полиция тут как тут! Под командой злющего жандарма Львовича по прозвищу Тигрыч. Скомандовали: «Ни с места!» – и начался обыск.

Киреев и Уралов засунули листовки за станки. Андрейка – пачки под рубаху, потуже ремень и арбузом выкатился из цеха – вроде живот схватило и в уборную. А оттуда, сдвинув доску ограды, в сад Гоппнеров…

Тигрыч зверем рычал, за грудки рабочих хватал, сам под станками усами подметал. Его фараонская команда все закоулки на коленках облазила. По карманам у людей шарила. И ничегошеньки!..

Уралов и Киреев стояли думали: вот-вот найдут. И удивлялись, что не находят.

Когда жандармы убрались вон вместе со своим Тигрычем, Уралов и Киреев стали искать листовки и… тоже не нашли.

– Эй, Арбуз! Не видал ли здесь пакеты с бумагами? – спросили они объявившегося Андрейку.

– А я их покидал.

– Как покидал? Куда покидал?

– Псу под хвост!

– Это же листовки! Люди их печатали, жизнью рискуя, а ты псу…

– Хотите, обратно достану?.. Пёс их не съест. – Андрейка снова побежал к Гоппнерам и извлёк листовки из конуры грозного Кусая.

– Спасибо, друг! Ты меня от тюрьмы спас, – обнял подручного Саша Киреев. – Закатали бы как агитатора. Ловко ты догадался! Быстро сообразил! Действовал как настоящий подпольщик.

– На то он и Арбуз, – подмигнул веселый усач Уралов. – Известно – у арбуза нутро красное. Значит, он тоже из красных!

Андрейка по-прежнему бегал за солдатским хлебцем на окружную и там набрался много новых солдатских песен. Частенько, собравшись во дворе на перекур, рабочие просили его спеть. И он с удовольствием повторял солдатские шутки и песни.

Однажды какой-то важный господин притащил Андрея в полицейский участок. Андрейка, получивший в полиции за песенки, поносившие царя, затрещину, очень гордился этим происшествием. А ребята, которые были свидетелями, как его волокли в полицию, теперь при встрече с ним дразнились: «Арбуз-краснопуз! Арбуз-краснопуз!» Это несколько обижало Андрея. «Арбуз красный, человек опасный», по его мнению, звучало куда лучше.

Как-то Андрейка потихоньку спросил Сашу Киреева и усача Уралова, которые всегда брали его под защиту, есть ли на заводе настоящие, бесстрашные революционеры. Киреев и Уралов переглянулись, пожали плечами.

– Я думаю, что нет! – сам же ответил Андрейка. – Если бы у нас на заводе были свои революционеры, зачем нам откуда-то листовки приносить? Сами бы делали! – размышлял вслух Андрейка.

– Что верно, то верно, – улыбнулся Уралов и спросил: – А тебя, Андрейка, очень огорчает, что на нашем заводе отчаянных революционеров не наблюдается?

– Конечно! Мы бы с ними таких дел наделали! Саша, – обратился Андрейка к Кирееву, – а что это за люди, которые тебе листовки дали? Ведь печатать такое – дело рисковое…

– Не знаю, – потупился Саша Киреев. – Я эту пачку на дороге нашёл. Никто мне её не давал.

На этом разговор и кончился. Но Андрейка не успокоился. Выходя с завода, он неожиданно спросил брата, которого тоже Сашей звали:

– Скажи, Саша, а какие они, революционеры?

– Революционеры революционные.

– Наверно, эти люди необыкновенные.

Почему? Самые обыкновенные, как мы с тобой.

– Рассказывай! – усмехнулся Андрейка. – Мы с тобой полиции боимся, Львовича-Тигрыча. А революционеров сам царь опасается… Хоть бы разок мне на них посмотреть.

– Не тужи, – успокоил Саша, – поживёшь – увидишь.

Однако Андрейка просто не мог ждать! Ему хотелось действовать. В рабочей раздевалке, в очереди на обед, в курилке Андрей часто слышал разговоры о войне.

– И кому эта война нужна? Зачем? – приставал он к взрослым.

– Разве ты не знаешь? Кому война, кому мать родна! Каждый день войны кому-то прибыль даёт.

– Как так?

– А очень просто! Швырнёт русский солдат в германского гранату трах! – убил человека, а Михельсону рублик в карман. Ба-бах, германский солдат в русского из миномета, а немецкому фабриканту марка в карман. Соображаешь, Арбуз?

Андрейка чешет макушку.

– Все эти гостинцы фабриканты царям готовят не без выгоды. Вон в гранатном цехе женщинам Михельсон за гранату по пятаку платит, а сам с царя по рублю дерёт. Твоему отцу-кузнецу за отковку плиты для бомбомета полтинник, а с царя пятёрку…

– Это верно, и отец говорит – недоплачивают!

– Отсюда у них, у богачей, и богатства. Одному недоплатят, другому недоплатят, а нас, рабочих, тысячи. Посчитай, сколько им с нас доходу?

– Вот какая арифметика! Да как же сделать, чтобы этого не было?

– Подумай, кургузый, как жить без хвоста, подумай, бедняк, чем редька сладка, – загадочно ответил Уралов. Он любил замысловато шутить с мальчишками.

Андрейка думал, думал и придумал:

– Надо германских и русских солдат подговорить кончить эту войну! Ружья-то у них в руках и пушки тоже. Не захотят из них палить, и все, войне конец!

Рабочие рассмеялись. Кто-то сказал:

– Слыхали, братцы? Арбуз-то наш и впрямь красный, смутьян опасный!

НЕУДАЧЛИВЫЙ АГИТАТОР

Через несколько дней рабочие завода Михельсона и других заводов и фабрик прекратили вдруг работу, дали тревожные гудки, высыпали на улицы, построились в колонны, подняли над головами плакаты «Мира и хлеба!», «Долой войну!» и с песней:

Вставай, поднимайся, рабочий народ!

Вставай на борьбу, люд голодный!.. –

пошли к городской думе. Было это 9 января 1917 года.

У моста через Москву-реку рабочих встретила полиция. Рабочие бесстрашно шли вперёд, но пробиться им не удалось: на помощь жандармам подоспели казаки.

Возвращались рабочие по домам в разорванных пиджаках, без шапок, с кровоподтеками и ссадинами. Побеждённые, но не усмирённые.

Замоскворецкие мальчишки в этой потасовке от взрослых не отстали и шишек тоже нахватали.

Арбуза какой-то казачина нагайкой хватил. Саша Киреев возвращался с синяком под глазом. Уралычу начисто оторвали полу пальто.

– Эй, Арбуз! Не вешай головы! В следующий раз наша возьмёт! – крикнул Уралов.

– А почему в этот раз не взяла? – зло крикнул Андрейка, у которого голова гудела и плечо саднило от удара нагайки.

– Мало гаек взяли, – вздохнул Гриша Чайник.

– Михаил Константинович недаром советовал в свои ряды серые шинельки заполучить. Да ещё с ружьями… – уточнил Уралов.

Андрейка не знал, кто такой Михаил Константинович, но сразу сообразил, как это здорово было бы заполучить в рабочие ряды солдат с винтовками… И, не теряя времени, решил сговорить солдат поддержать рабочих.

Среди солдат 55-го запасного полка, расквартированного недалеко в казармах, у Андрейки был хороший знакомый, дядя Сидор Егоров. На вид совсем не воинственный, тихий, грустный, бородатый, в прожжённой шинели, но, судя по нашивкам за ранения, не раз побывавший в боях. Занимался он, правда, совсем мирным делом – возил хлеб из пекарни в казармы, в то время как другие солдаты ползали, бегали, кололи штыками соломенные чучела с криком: «Ур-ря!» В 55-м полку обучались воевать молодые солдаты, и входили в воинскую форму старые, возвращавшиеся в строй из госпиталей после ранений.

Бородатый Сидор Егоров каждое утро спозаранку громыхал по булыжнику на телеге, погоняя ленивого коня вожжами и смешно чмокая. Выезжал солдат рано, так что Андрейке удавалось проводить его до пекарни, помочь погрузить буханки,

постеречь воз, получить за помощь отвалившуюся корку или довесок и успеть к третьему заводскому гудку, пожёвывая тёплый чёрный хлеб.

Познакомил Андрейку с солдатом дед Кучка – забавный старик пекарь из той самой пекарни, где выпекался солдатский хлеб. Дед Кучка углядел, что Андрейка по утрам вокруг пекарни крутится, а просить не просит. Он подтолкнул своей широченной ладонью Андрейку к солдату Сидору:

– Помоги сложить-выложить, поднести-вынести. Видишь, у служивого раненая рука плохо слушается.

Андрейка охотно помог солдату, проводил его до казармы и там пособил разгрузить хлеб. И с тех пор стали они с дядей Сидором большими друзьями. И трудом и хлебом делились. Но стоило заговорить Андрейке с солдатом о политике, тот сразу на попятную. Отвернулся и давай с лошадью разговаривать:

– Но, милая! Чего уши развесила? Не слушай этих, которые подговаривают нашего брата-солдата против царя бунтовать, присяги не соблюдать…

Очень огорчился Андрейка, что его агитация не привела солдата к рабочим. Надо же! Завел знакомство с солдатом, да, видать, с трусоватым.

Уралов, выслушав его сетования, усмехнулся в усы.

– Старый солдат службу знает… Не столько он трусоват, сколько бородат! – И пояснил: – Старыми понятиями оброс. Замшел сильно. Вот молодые солдаты, те побойчее! – И подмигнул окружающим рабочим, словно что-то знал, да не высказывал.

Вообще Андрейка стал замечать, что к тайнам взрослых ему не подступиться. Приметит он иной раз, как о чём-то тихо сговариваются его старший брат Саша, Киреев, Бакланов, Ригосик, Цуканов – молодые слесари и токари, но стоит ему подойти, те умолкают.

Как-то Андрейка спросил Уралова напрямик:

– Почему меня опасаются? Я же свой!

– Свой, да не ровня, – ответил Уралов. – Их дело молодое. Говорят, наверно, о гульбе да о барышнях. – И опять подмигнул.

Саша и гульба? Не может быть! Саша самостоятельный парень.

Но как-то, придя домой, Андрейка застал бабушку в слезах.

За столом важно сидела Филониха, раскинув гадальные карты, и, поджав губы, покачивала головой.

– Вот и карты говорят – завелась у парня кукушечка.

Бабушка, смахнув слезинки, воскликнула:

– Не верится мне, Фенечка! Такой Саша у нас рассудительный, такой смирный!

– Сама смотри. Опять трефовая дама на сердце легла…

Андрейка заглянул через толстое плечо Филонихи и убедился: на сердце бубнового короля лежит трефовая дама…

– Да-а-а, – Филониха вздохнула. – Вот страдаем, воспитываем, надеемся… А как вырастут, первая кралечка глазком моргнёт и прочь уведёт. Я слышала, собираются в столовке коммерческого института молодые заводские ребята, а вокруг них студенточки увиваются. Есть у них там потайная красная комната, в которую они никого не пускают. И там для них всякие игры, танцы. Вот и карты показывают – быть парню под венцом. Окрутит его трефовая дамочка, и очень вскорости.

А ведь, похоже, правду Филониха про Сашу нагадала.

– Обо мне не беспокойтесь! – сказал недавно Саша, отдавая почти всю получку. – Я в студенческой столовке коммерческого института обедаю. Там дешево кормят.

– Не к бильярду ли ты пристрастился? – поинтересовалась бабушка.

– Нет. Там при столовой только читальня, газеты да шашки.

– А не шашни, милый?..

Андрейке показалось, что Саша темнит.

В студенческой столовке он бывал. Мальчишки, продавцы газет, частенько забегали в неё прихватить хлебца, который нередко на столах оставался. Бывала там и Стеша. Придёт, закажет стакан компоту и досыта наестся, обмакивая в него куски хлеба. Случалось, и Андрейка кутил там вот так же на гривенник.

Студенты на эти хитрости ребят смотрели снисходительно, из столовки не гнали. Но в красную комнату мальчишек не пускали. А взрослых парней и девушек приглашали. И называли по именам и фамилиям, как хороших знакомых.

Раньше Андрейка не обращал на это внимания, а теперь обязательно решил попасть в таинственную красную комнату.

ТАЙНА КРАСНОЙ КОМНАТЫ

Вскоре Андрейке представился удобный случай. В гости к Павловым заявился Филонов, прибывший с фронта, и Андрейка вызвался разыскать Сашу, чтобы тот повидался с родственником.

Примчался он в столовку и, смело подойдя к дежурному студенту с повязкой на рукаве, сказал:

– Мне к Саше Павлову.

Студент пропустил, и Андрейка очутился наконец в таинственной комнате, стены которой были действительно оклеены красными обоями. Здесь стоял большой стол, за которым посетители читали газеты и журналы, было несколько маленьких столиков: за ними играли в шахматы и шашки.

Андрейка сразу увидел Сашу. Он сражался в шашки с каким-то очкастым студентом. Андрейка подошел и, выбрав момент, шепнул брату:

– Дяденька Филонов приехал.

– Как приехал, так и уедет! – буркнул Саша, зевнув «фуку», с досады смешал шашки и поднялся.

– Извините, я пойду, – сказал он студенту тихо, – потороплю, чтобы убрали этого идиота.

Андрейка вспыхнул от обиды за дядю Филонова, но, странно, брат и студент одновременно взглянули на одного из посетителей красной комнаты. Андрей узнал этого посетителя: за одним из столиков сидел жандарм Львович и, читая газету, попивал чай. Иногда он отрывался от газеты и мельком оглядывал комнату.

Саша ушёл, а Андрейке вдруг страстно захотелось отомстить за проигрыш брата. Надо сказать, что по шашкам он был мастак, самому Ваське Сизову, доке известному, «сухари засушивал».

– Давайте сыграем, – предложил он студенту.

Тот, даже не посмотрев на него, кивнул. Быстро расставили шашки, и игра началась.

У Андрейки замирало сердце, он впервые играл со студентом, да с каким! – из коммерческого института. Отец говорил, что их там главным образом хитрости учат. Вот бы выиграть у такого! И Андрей собрал все силы. Но вскоре его постигло

разочарование. Студент… совсем не умел играть. Андрейка проводил дамок и «засушивал ему сухари» как хотел.

Это вначале даже веселило, а потом Андрейке стало скучно. Он хотел было уйти, но студент строго сказал:

– Ставь! Сыграем ещё.

И играл до тех пор, пока не вернулся Саша.

– Всё в порядке, – сказал Саша и, оттеснив брата, сел за игру. И оба стали передвигать шашки нелепо, как два слепых.

Вскоре к жандарму Львовичу подошёл дежурный студент с повязкой на рукаве и пригласил его куда-то. Тот, отставив недопитый стакан, последовал за дежурным. И стоило жандарму Львовичу удалиться, как все игроки, читатели и читательницы сгрудились вокруг одного столика. Очкастый студент встал, послушал, как зацокали копыта лошади, и сказал:

– Уехал, идиот… Начнём, товарищи, послушаем, что говорит о текущем моменте Михаил Константинович, – студент вынул из кармана школьную тетрадочку.

Арбуз уши навострил: опять этот таинственный Михаил Константинович. Интересно-то как!

Но тут Саша, взяв брата за руку, вывел его из красной комнаты и тихо сказал:

– Куда ходил – не ходи, что видел – не говори. Понял?

– Это про то, какие вы игроки липовые?

– И про это и про всё, – с этими словами Саша щёлкнул Андрейку по лбу, очевидно, чтобы лучше запомнил.

Как-то от нечего делать Андрейка заглянул в витрину кафе «Франция», любопытствуя, как люди пирожные кофеем запивают. И вдруг видит – за отдельным столиком сидит Саша, а с ним какая-то барышня. Смотрят друг на друга и шепчутся. Потом они вышли из кафе, Саша взял девушку под локоть, та сунула руку в меховую муфту, поправила беличью шапочку, и парочка направилась в сторону Дворянской улицы. Саша называл свою барышню Люся.

Тут уж Андрейка не зевал. Боком-скоком, прячась за выступами, прижимаясь к заборам, стал следить за ними. Саша довел барышню до большого дома на Дворянской улице, огляделся, вошёл в подъезд – не проследил ли кто? – Андрейка под забором затаился, а когда выпрямился, брата уже не было. А в доме долго ещё светилось одно окошко.

– Вот оно и сбылось, гаданье-то! Значит, верно Филонихе карты все рассказали. Ну и ну.

Сделав это открытие, Андрейка огорчился. Домой возвращался он в раздумье: сказать бабушке или не сказать? Может, ещё и обойдётся и Саша убедится, что барышня ему не пара.

Из раздумья Андрейку вывели истошные крики продавцов газет. Мальчишки неслись, размахивая газетами, и орали:

«Труп в проруби!», «Загадочное убийство Распутина!», «Высылка из Петрограда царского племянника Дмитрия Павловича!», «Подозрительные пятна крови на лестнице дворца графа Юсупова!».

Распродавая газеты направо и налево, бежала и Стенька. Андрейка бросился ей помогать. Газеты расхватывали так, что многие совали деньги, не требуя сдачи.

– Ух, здорово! – отирая пот, сказала Стеша, отдав последнюю газету. Побольше бы таких новостей, вот бы разбогатели! – Подсчитав выручку, она тряхнула отчаянной головой и предложила: – Пойдем в кафе!

Андрейка не отказался.

В кафе «Франция» Стеша взяла две чашечки кофе без сахара и пирожное одно на двоих.

– Ты что невесел? – заметила она, наслаждаясь пирожным.

– А чего веселого! – вздохнул Андрейка. – Саша от нас откалывается. Невесту нашёл.

– Да кто же печалится свадьбе? – вскинулась Стеша. – Вот у нас беда так беда. Совсем маманя извелась. «Пропал без вести» – это хуже смерти. Ни за упокой души молитву не закажешь, ни за здравие…

Андрейка посоветовал Стеше обратиться к гадалке, которая точно скажет, что случилось с отцом.

Через несколько дней Филониха ужом вползла в Стешину каморку. Оглядывая её убогое убранство, она опять приметила шаль с каймой. На этот раз Филониха так обворожила Стешину маму лаской, что выцыганила у неё таки единственную ценность.

Забежал Андрейка узнать про гаданье. Смотрит, обе в слезах, а шали нет.

– Ну, чего нагадала?

– Папка в военной тюрьме сидит. Вот чего, – сквозь слезы ответила Стеша.

– А это правда?

– Ещё какая! Только что хозяйка приходила, с квартиры гонит. «Не желаю, – говорит, – держать у себя таких, у которых мужья царя ругают и за то в тюрьму попадают!» И показала от своего благоверного фронтовое письмо. А в нём описано, как отец в тюрьму попал. И теперь ему не то под расстрел, не то на вечную каторгу!

Андрейка почесал вихры. У него насчёт тёткиного гаданья на этот раз возникли сомнения: Филониха недавно хвалилась, что она хочет этот дом купить и что с хозяйкой дома они в приятельстве… Андрейка так скверно чувствовал себя, словно ограбил этих бедных людей, навёл на них воров, которые украли красивую шаль.

ВЕСТНИЦА БЕДЫ

Пришёл Андрейка домой, а там Филониха.

Она всегда словно чуяла в доме беду. А в этот день отец пришёл с шишкой на лбу и, ни на кого не взглянув, сразу лёг в кровать. Даже ужинать не стал.

– А где же Саша-то? – полюбопытствовала Филониха, поводя носом. Глаза её так и горели от нетерпеливого любопытства. Её словно распирало от каких-то новостей. – Сам-то как?

– Спит, – со вздохом сказала бабушка. – Вчера на заводе какой-то гайкой в него запустили. Очень он обиделся.

– Да как же не обидеться, если гайками! И хорошо, что обиделся. Не надо ему завтра на завод ходить. И на улицу ни-ни… По ним кровушка речкой потечёт!

– Ой, да что ты, Фенечка, страсти какие говоришь!

– Ещё какие страсти-то! В Петрограде смута великая, бунт поднялся. Рабочие на улицы вышли, а на них полиция. А на полицию войска. А на войска казаки. И все друг дружку бьют-колотят…

На лице Филонихи блуждал испуг.

– Машенька, ты береги своих деточек. Никуда не пускай… И пусть твой грубиян невежливый ни в какие рассуждения, ни в какие митинги не встревает. Сидите все дома, ставенки закрыв. Беда, беда на вашего брата. Всех рабочих на фронт, которые в чём замечены. А новых, надёжных, на их место. А которые забунтуют, тем кровь пускать приказано.

– Откуда ты это, сорока, на хвосте принесла? – отозвался отец с кровати.

– Наш Лукаша сам слыхал от генерала своего, который всем войском московским командует. От самого Мрозовского. Генералы между собой разговаривали.

– Подслушал, подлец!

– Не до грубостей сейчас. Не такое времечко. Я говорю во спасение вас как своих родственничков.

– Ну говори, говори. Что там ещё-то?

– В Питер войска вызваны с фронта. Все полные георгиевские кавалеры. Отборные, значит, в боях отличившиеся. Пулемётами косить будут правого и виноватого. Кровушка потечет по Невскому, как вода в наводнение!

– Скажешь ты!

– Вот те истинный крест! Георгиевских-то кавалеров на усмирение ведёт генерал Иуда!

– Путаешь ты. Есть генерал Иван Иудович Иванов. Не хуже он и не лучше других. Отец его из еврейских мальчиков, царём Николаем Первым ещё отобранных.

– Моих-то этот генерал в богатых домах не достанет. А за ваших не ручаюсь. Поберегитесь, миленькие. Ну некогда мне, прощайте пока. – И Филониха, прошумев юбками, испарилась.

Отец встал, запер за ней дверь и погрозил Андрейке:

– Смотри у меня, сиди завтра дома. По улицам не бегай, пули не лови!

…Заснул Андрейка под молитву бабушки. Молилась она долго, истово, прося и убеждая бога смирить гневных. Откуда ни послышишь – все гневаются. Всех война эта царская накалила. Уж прикончил бы войну бог, отнял бы у солдат ружья, наслал бы тьму египетскую на всех военных начальников, которые войной правят. И кончились бы все бунты-страсти.

САПОГИ ВСМЯТКУ

Необыкновенна была эта ночь в доме генерала Мрозовского. Обычно в это время Лукаша уже спал чутким сном на диванчике в передней генеральского кабинета. А теперь вот сидел настороже, держа в руке генеральский сапог и прислушиваясь к тяжёлым шагам своего господина.

Один шаг чёткий, со скрипом, другой шаркающий: правая нога генерала была в сапоге, левая – в ночной туфле.

Лукаша довольно улыбался, будто слушал музыку. Особенно ему был приятен звук шаркающей ноги. Он любил левую ногу генерала как свою благодетельницу. Ещё бы! Не будь эта нога болезной, отёчной, не быть бы ему приближённым генерала. Кто сейчас бодрствует в Москве? Только генерал да он. Ни адъютанта, ни коменданта, ни даже офицера охраны прапорщика Ушакова.

Генерал при одном сапоге, Лукаша при другом. Генерал разминает левую отёчную ногу, а Лукаша держит наготове смазанный изнутри сухим мылом левый сапог.

В тайну сапог генерала Мрозовского Лукашу посвятил его умный отец. Генерал смолоду служил в кавалерии, привык носить тесные сапоги в обтяжку и,

состарившись, стал страдать от этого: левая нога затекала за день так, что к ночи хоть голенище разрезай. Генерал сердился, приходил в дурное настроение, становился придирчив. За неспособность ловко надевать и безболезненно снимать сапоги был уволен старый генеральский слуга и подыскан новый.

И вот новый-то – Лукашка – угодил так угодил! Генерал, что называется, «свет увидел». При помощи юного лакея ноги сами скользили в тесноту сапог и приводили генерала в хорошее настроение. Хитрец Лукаша смазывал их внутри сухим мылом, как научил его опытный в лакейских делах отец.

А вечером снятие сапог из мучительства превратилось в весёлое представление, называвшееся «сапоги всмятку, по-офицерски».

Этим лакейским примером поделился с сыном тоже отец.

Вестовой, как отныне звался Лукаша, становился на четвереньки, задом к начальнику, крепко зажимал между колен голенище его сапога, брал одной рукой сапог за каблук, другой за носок.

Генерал, сидя в кресле, упирался свободной ногой вестовому пониже спины. По команде «гоп-ля» давал ему пинка, и Лукаша летел кубарем вместе с сапогом. И весело и приятно.

Когда Лукаша проделал этот фокус впервые, старый генерал смеялся как ребёнок. А потом приобщил к этому развлечению своих любимых племянниц, двух весёлых гимназисток, когда они приходили пожелать дядюшке спокойной ночи.

Барышни весело хохотали: «Браво! Бис, Лукаша! Вы летите на сапоге, как Мюнхгаузен на ядре!»

Лукаша не знал, кто такой Мюнхгаузен и каково ему было лететь на ядре, но от полёта на сапоге он не получал удовольствия. Чтобы фокус не сорвался, генерал так поддавал подошвой сапога в Лукашин зад, что тот едва сдерживался, чтобы не схватиться за ушибленное место. А это было бы неприлично. И Лукаша принуждал себя улыбаться, памятуя наказ папеньки: «Кого баре бьют, того и награждают». И когда генерал, самодовольно взглянув на восторженных племянниц, откидывался в кресле, испытывая блаженство после освобождения от жмущего ногу сапога, Лукаша думал: «Хорошо угодил! Ловко выслужился…»

То, что над ним смеялись, его не смущало: служба у генерала того стоила. Подумать только, он теперь не подлакей, даже не лакей, а забирай выше – вестовой командующего Московским военным округом! Слуга генерала, который над многими генералами главный. С самим царем знаком.

Прислуживая генералу, Лукаша и себя не забывал: отъелся, подрос, приоделся. Он с удовольствием поглядывал на себя в зеркала. Душка военный, да и только. Надеть бы погоны да прицепить кортик – сошёл бы за офицера. Был бы не хуже прапорщика Ушакова!

Прапорщик Ушаков, единственный человек, которому завидовал и на кого хотел походить Лукаша. Несмотря на его услужливость, генерал никогда не хвалил Лукашу открыто, при всех. Только однажды поцеловал ручку баронессы фон Таксис с признательностью за отличного лакея. А прапорщиком Ушаковым генерал восхищался даже в присутствии своих племянниц.

– Ах молодца, молодца! – говорил он, любуясь, как вышагивает Ушаков во главе караульной команды, и притоптывал в такт его шагов. – А солдат отличных каких набрал! Морды – лопаты, носы – картошки, горласты, зубасты и дурак к дураку!

После такой похвалы генерал, громко посмеявшись, дополнял со значительным видом:

– Вся его полурота – земляки Ивана Сусанина. У них верность царю-отечеству в крови. Много маршевых рот я в окопы отправил, а эту при себе держу.

Да, молодцеват и ловок был прапорщик Ушаков. Как повернётся, так все зеркала и засверкают его улыбками. Он всё и всех знал, даже придворные тайны не были для него секретом. Про убийство царского любимца Распутина раньше всех генераловым племянницам шепнул. И про теперешние события в Петрограде прежде самого генерала Мрозовского на телеграфной ленте прочеёл. Он солдат-связистов всегда папиросами из своего портсигара угощал. И телеграфисты в благодарность допускали его к самым секретным сведениям с фронта. Лукаша сообщал прапорщику о настроении генерала, а тот делился с ним новостями.

– Что генерал? – спросил как-то Лукашу поздно вечером Ушаков.

– Морщатся… Ногой недовольны.

– Ногой? Петроградом! Разве ты не знаешь, что в Петрограде революция? Что будем делать, братец?

– Моё дело ждать приказаний. Как изволят – либо левый одевать, либо правый снимать.

– Что там сапоги! Революция головы снимает!

– Как это головы? С кого?

– А вот так, чик-чик. Ты не слыхивал про гильотину? Революция – это, братец, такое время, когда цари теряют головы, а нерастерявшиеся прапорщики могут и в Наполеоны попасть!

Смутя Лукашу такими непонятными словами, прапорщик Ушаков нырнул в аппаратную и вскоре вернулся в некоторой растерянности.

– Однако ещё не все ясно… Возможно, этот бунт солдат, не желающих идти из столицы в окопы, будет подавлен фронтовиками. В Питер направляются полевые войска. Генералу Иванову приказано расправиться с бунтовщиками беспощадно. Всё ещё кви про кво!

– Как-с это?

– Ну, словом, ты прислушивайся, что генерал по этому поводу скажет, и сообщай мне.

– Слушаюсь!

ЗАГОВОР ЦАРСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

Прапорщик Ушаков удалился проверять караул, а Лукаша навострил уши, держа наготове генеральский сапог.

Генерал долго расхаживал по кабинету – звяк шпорой, шарк туфлей. И вдруг шагнул в аппаратную. Лукаша с сапогом за ним. Но хозяину было не до сапога, так в ночной туфле на ноге он и принялся разговаривать по аппарату Морзе с начальником штаба царской ставки генералом Алексеевым.

– Запроси, – приказал генерал связисту, – как здоровье государя императора?

Дежурный связист отстукал его вопрос по «морзянке», получил на ленте ответ Алексеева и сказал генералу.

– Государь здоров, государство нездорово.

– Точнее. Плохие новости? – запросил Мрозовский.

– Эшелон георгиевских кавалеров задержан мятежниками. Поезд государя, не пропущенный в Царское Село, возвращается в ставку. Петроград во власти анархии, – ложились на белую ленту чёрные знаки-слова, которые торопливо переводил связист.

– Что же полиция? Что императорская гвардия? – запросил Мрозовский.

– Полиция разбежалась, гвардейские полки изменили…

Генерал перекрестился.

– Ваше превосходительство, – продиктовал он связисту глухим голосом, – умоляю вас, спасите царя и отечество, двиньте на мятежников действующую армию, которая у вас в руках.

Алексеев ничего не ответил. Аппарат постукивал вхолостую. Лента бежала долго пустая.

– Бог вам судья… История не простит нам, если не убережём головы венценосца… В сей грозный час беру ответственность на себя. Умолите государя немедля прибыть в Москву. – Капли пота проступали на лбу Мрозовского, когда диктовал эти слова. – От стен священного Кремля во главе вверенных мне ста тысяч московского гарнизона предлагаю императору возглавить победоносный поход на мятежный Петроград…

Так запомнил весь этот «разговор» Лукаша.

Взяв на себя роль спасителя царя и отечества, Мрозовский приступил к делу: вызвал всех, кто ответствен за обережение Москвы от революции: московского полицмейстера, генерал-губернатора, начальника корпуса жандармов.

Все они явились со своими адъютантами и вошли, торжественно звякая шпорами, сверкая золотыми эполетами.

Генерал без обиняков заявил:

– Господа, волею его императорского величества я беру на себя власть в Москве. Государь, оставив намерение быть в Петрограде, возвращается к войскам. Нам необходимо подготовить Москву для его резиденции. Возможно, наша матушка первопрестольная станет столицей, если проявит верноподданнические чувства. Зараженный революционной заразой Питер достоин одной участи – расправы. Москва белокаменная вместо Питера – это воля самого провидения, господа! – На глазах генерала сверкнули слёзы.

Жандармы и полицейские чины потупились, словно барышни.

– Ну мы должны показать себя, господа… чтобы красную питерщину эту, всех этих бунтующих начисто! Без суда и следствия, на месте всех, кто попытается…

– Да уж петроградскую оплошность не повторим, миндальничать не будем! Вот оперативный план, как сокрушить главную силу революции – рабочих.

По кивку московского градоначальника генерала Шебеко его адъютант развернул на столе огромную карту Москвы.

– Перестреляв кого нужно, мы только освободим фабрики и заводы от революционных элементов, заменив их послушными мастеровыми.

– Однако нелегко отделить буйных козлищ от тихих агнцев. Как удастся перестрелять именно кого нужно?

– В этом нам помогут сами революционеры. Вот листовка, призывающая рабочих выходить на улицы и… творить революцию.

Мрозовский с сомнением посмотрел на листовку, предъявленную полицейским.

– Это листовка партии большевиков, они призывают остановить фабрики и заводы, выбирать депутатов в Советы, овладеть Москвой. Рабочие им верят, и, конечно, все активные выйдут на улицы.

– А тут-то мы их и прихлопнем, как в западне! Вот смотрите – мы уже знаем ход рабочих колонн, как обычно, от окраин к центру. Все отсюда и отсюда, сюда.

Генералы склонились, разглядывая красные и синие стрелы, нарисованные на улицах Москвы.

– Мы дадим рабочим беспрепятственно собраться в колонны, пропустим их к центру. А здесь встретим заставами, усиленными пулемётными командами. Уцелевших дорубит кавалерия. Жандармский конный дивизион сосредоточим на Красной площади. Отряды конной полиции спрячутся во дворах.

– Великолепный план! – потер руки Мрозовский. – Замечательный… если его осуществить.

– Пусть только бунтари выйдут на улицы, – покрутил усы жандармский генерал.

– Выйдут, выйдут! Имеем все сведения, – успокоил полицейский чин. Об этом сообщили из Замоскворечья и других районов наши осведомители.

– Так-с, согласен. План ваш одобряю. Что же требуется от меня, господа, как от войскового начальника? – величественно поднял голову Мрозовский.

– От вас? – хитро взглянул на него полицейский чин. – Только одного неучастия!

– То есть? – брови генерала подскочили.

– В Петрограде попытка использовать войска для подавления мятежа плохо кончилась, ваше превосходительство. Казаки рубили жандармов, солдаты шли в штыки на полицейских. Так уж вы своих серых богатырей, пожалуйста, задержите в казармах.

Проглотив пилюлю, генерал Мрозовский поморщился.

– Мои войска пока что верны престолу. Но среди них много молодых солдат… Я уже приказал запереть их в казармах, оружие изъять, даже учебное. Караулы у меня только из юнкеров и офицеров. Чтобы никакие агитаторы…

– Очень своевременная мера, господин генерал! От соприкосновения с агитаторами солдатня быстро портится. Покрепче их заприте. Понадёжней! А уж действовать предоставьте нам. Только пулемётиков подбросьте.

– Пожалуйста, господа! – Генерал даже повеселел. Ему представлялся прекрасный случай: сделать грязное дело руками жандармов и полицейских, а самому войти в анналы истории незапятнанным «белым генералом», спасителем царя и отечества.

– И ещё… небольшое одолжение, – сказал жандармский генерал, – прошу выдать с ваших складов солдатские шинели, папахи, рубахи, штаны. Словом, все солдатское.

– Это зачем же? Разве наши жандармы, извините, без штанов?

– Вы же понимаете, господин генерал, полицейская форма вызывает у населения раздражение. Псы самодержавия! Пусть рабочие увидят перед собой фронтовых солдат.

– Проще говоря, рабочие полицию бивали. Их нашим братом не испугаешь, – поддержал жандарма генерал Шебеко.

– Шинели не дам! – вдруг упёрся Мрозовский.

– Именно шинели нужны, – настаивал жандармский генерал.

– Нет-с! Серая русская шинель не должна быть запятнана… народной кровью!

– Ах вот вы как! Хотите чужими руками жар загрести! – возмутился жандармский генерал.

– Господа, господа! Не будем ссориться в столь ответственный час, вступился Шебеко.

И генерал Мрозовский сдался.

– Строже, решительней, господа. Беспощадней! – напутствовал он отъезжающих генералов. – Пусть чернь знает – мои пулемёты чисто метут!

«Вот какой у меня генерал. Самого царя спасать взялся», – думал Лукашка. Он так замечтался, что очень неловко потянул с ноги генерала левый сапог. Рассерженный старик так наподдал ему, что Лукашка отлетел к подоконнику и расквасил себе нос.

– Болван! – выругал его Мрозовский. – Умей вовремя морду отворачивать!

Но тут же смилостивился, бросил свой носовой платок, чтобы Лукаша утёрся. А потом взял со стола офицерский кортик, которым вскрывал пакеты, и сказал:

– Прицепи, за прапорщика сойдёшь. Видел, давно ты на него поглядывал.

Лукаша, принимая подарок, поцеловал пухлую генеральскую руку.

НА ВОЗУ БЕРЕЗОВЫХ ВЕНИКОВ

Андрейка и его бабушка стояли у лавки купца Зеленина в хвосте за картошкой. Рядом, у булочной, загибался такой же хвост, а у мясной и ещё длиннее. Все лавки были с хвостами. И все заперты! Время открывать, а двери на замках, и хозяев нет. Сбежали, что ль? Иль тоже забастовали? Вот интересно!

И вот ещеё, виданное ли дело: извозчики забастовали! Что трамваи не вышли, понятно, – отключили ток, и вся недолга. Пристыли к проволоке. А лошадь, её хлыстни, она и без овса побежит. И нате вам, не только лихачи, ни один извозчик ни за какие деньги никого не везёт. Ну ясно, и в белокаменной что-то будет. Как начнут бить, стрелять, так и в лошадей попадут. А лошади-то нынче почём?

Любопытствуя, Андрейка шею отвертел. И вдруг привлёк его своей неподвижностью человек. Он стоял ко всему безучастный, уткнув нос в поднятый меховой воротник поношенного пальто. Его толкали, задевали, хвосты передвигались, менялись местами, и непонятно было, в какой же очереди он стоит? Ба! Да это же учитель Фивейский! Бутылка, торчащая из кармана, подсказала Андрейке, что учитель пришёл за молоком в магазин Чичкина.

А события становились всё загадочней. Из Замоскворечья в центр потянулись люди. Вначале служащие, мелкие чиновники в пальтишках, подбитых ветром-пешеходом. Потом, обгоняя их, поехали на конях, на санях купцы, лавочники, лабазники в поддёвках, в тулупах, в чуйках. А за ними помчались на рысаках, управляемых кучерами, важные господа в шубах.

Куда, зачем гонит их словно метелицей-поземкой?

А в очереди уже гудят:

– Ду-ма! Ду-ма! В Думу идут, едут!

А что им там нужно? Чего они тревожатся? Может быть, слетаются, как воронье на добычу, народным горем напиться? Цены на свои товары повысить? Потому и торговлю не открывают.

– А ну давай задерживай их! Спросим – чего от народа бегут? – стали покрикивать солдатки, инвалиды войны, угрожая костылями, рабочие, жёны да их дети.

– Да что случилось? Надо узнать. Надо в думу идти, – подумал вслух Фивейский. И зашагал.

А за ним и весь хвост потянулся, как за головой. А за первым хвостом и другие хвосты. А вот уже Андрейка с бабушкой, захваченные общим потоком, идут из Замоскворечья в центр.

Взошли на мост через Москву-реку, а поперёек его солдатская цепь. Серые шинели, винтовки по-фронтовому с примкнутыми штыками.

– Братцы, родные! Мы же свои, пропустите! Оголодали совсем. Управы на богатеев-лавочников ищем! – бросились к ним инвалиды войны.

– Почему не торгует молоком Чичкин? – подошел к офицеру учитель Фивейский. – Продавать детям молоко его патриотический долг!

– Проходите, проходите, – нехотя разрешил офицер, взглянув на учителя как на сумасшедшего.

Толпа уплотнилась между Манежем и решёткой Александровского сада. И здесь тоже были ряды солдат и блеск штыков. У Андрейки сердце забилось в предчувствии опасности. Он весь встрепенулся, когда мальчишки, набежавшие сверху по Большой Никитской улице, вдруг засвистели, заорали: «Тю, тю! Ряженые-переряженые!»

Оглядев придирчиво солдат, Андрейка увидел толстые морды, а под шинелями сапоги жандармского фасона. Тогда и он, заложив два пальца в рот, дал такой свист, что бабушка зажала уши.

Офицер погрозил ребятам.

Толпа повалила дальше, вдоль узорной ограды Александровского сада. Подхваченные общим потоком, бабушка и Андрейка уже не шли, а бежали.

Пронеслись мимо Исторического музея, мимо Иверской часовни, от которой пахнуло теплом и ладаном и на миг озарило колеблющимся светом свечей. Толпа подхватила, как поток в половодье, и молящихся, и нищих, и даже блаженного Тимоню, который всегда, и зимой и летом, стоял на ступенях часовни босиком.

Остановились запыхавшиеся люди только у крыльца Московской думы. Оглядевшись, увидели: экипажи, пролётки богачей с кучерами, важно возвышавшимися на козлах, заполняли площадь перед Думой.

На высокую снежную кучу взобрался босоногий Тимоня и крестился на решётчатые двери Думы, которые то и дело открывались, пропуская господ в шубах и отталкивая простой народ.

Вот подкатил на ревущем автомобиле Михельсон, и двери широко распахнулись перед ним, словно ждали.

Какие-то в чуйках и в поддёвках бросились было за ним, но остались с носом перед дверьми. И с досады заколотили в них кулаками, закричали:

– Требуем разъяснения!

– Почему Чичкин закрыл молочные магазины? – присоединил свой тонкий голос учитель Фивейский.

– Вот вам разъяснят казачки нагайками, – щёлкнул кнутом кучер городского головы Челнокова.

– Вон и берёзовую кашу везут для бунтовщиков! – заржали кучера с высоких козел.

Андрейка оглянулся и увидел воз берёзовых веников, а наверху Фильку. Он восседал на вениках важно, как на троне, пылая своей рыжиной.

– Ты куда это, Филь, в баню? – закричал Андрейка.

– Тётке везём.

– Зачем ей столько?

– Поедем, узнаешь!

Почуяв, что здесь попахивает чем-то очень любопытным, Андрейка вскочил на воз и вместе с приятелем въехал на Красную площадь.

Проезжая мимо Исторического музея, Андрейка увидел жандармов на лошадях. Кони копытами перебирают, оружие на жандармах погромыхивает. А сами они как истуканы – повязались башлыками и шеи не воротят.

«Что за диво! Смотр, что ли, какой? – думал Андрейка. – А мы с Филькой вроде парад принимаем…»

Въехали в ворота Спасской башни Кремля. И там теснота – полно стражников, у всех винтовки с примкнутыми штыками. Повсюду конная полиция гарцует, расхаживают переодетые в солдат жандармы. Напялили, мордастые, солдатские шинели, а из-под них жёлтые лампасы на голубых штанах сверкают. Вот смешно!

ПО ЦАРСКИМ КОВРАМ БОСИКОМ

На Соборной площади Кремля были расстелены ковры. Арсенальские солдаты босиком, как мальчишки, резво бегали по ним с вениками и мётлами. Они сметали нюхательный табак, которым были щедро засыпаны ковры от моли, чихали, весело ругались, освежая друг друга и поверхность ковров сыпучим снежком.

Командовала солдатами Филькина тетка.

Филоновы гордились, что их родственница была замужем за человеком, приставленным блюсти царские ковры в Кремлёвском дворце. А когда муж её умер, она заменила его на этом посту Тётка имела комнату в Кремле и жалованье, которого хватало на жизнь не только с чаем, но и с кофеем.

Ковры чистились изредка. Но это было каждый раз событием. Андрейка видел, как чистят ковры, первый раз и, конечно, тут же воспользовался этим. Не каждому мальчишке доведётся по царским коврам побегать.

Сбросив обувь, они с Филькой вооружились вениками и принялись выделывать на коврах такие штуки, что рассмешили солдат и рассердили строгую тётку.

– Брысь отсюда, озорники! – ухватила тётка Фильку за ухо. Тут дело государственное, а вы…

– И то! Кончай веселье, ребята, – сказал суровый рябой солдат. – Как ступит царь на эти ковры, будет не до смеха!

– Слыхал? Самого царя ждём! – сказал Филька, потирая ухо. Все покои проветривают, отапливают и ковры вот чистят.

– А не вреёшь?

– Зачем врать? Есть ковры общие, парадные. А эти из личных царских покоев. По ним только царь с царицей ходят да их наследники. Недаром их тётка велит так здорово охаживать.

– Ух ты! Давай ещё побегаем! – воскликнул Андрейка и чесанул босиком по коврам, словно подстёгнутый.

Ковры были пышные, мягкие – нога тонула. И такие красивые, что и босиком было боязно узоры топтать, а царь по ним в сапогах запросто ходит. Надо же!

И вдруг Андрейку словно обожгло:

– Филька, мне домой пора!

– Погоди. После чистки ковров тётка служивым наливки поднесёет. Глядишь, и нам перепадет. Сладкая.

Андрейка отмахнулся от Фильки и направился к воротам. Но из Кремля никого не выпускали.

– Чтобы кошка не проскочила, не то что мальчишки! – крикнул офицер солдатам и отшвырнул Андрейку со злостью.

– Филька, как отсюда выбраться? Ты здесь все ходы знаешь! Вызволяй меня отсюда. Надо наших предупредить, что царь едет… Они на демонстрацию собрались. А тут чуешь, что готовится?

– Да уж чую. А вот как тебя отсюда просунуть, не чую… Есть тут одна тайная калитка с железной дверью… Да на запоре она. Ты с большой высоты в сугроб прыгнуть не побоишься?

– А когда я чего боялся?

– Лады, бежим. Есть тут одно место… Там камни выщерблены. По ним, как по лесенке, взберёмся.

Вскоре ребята вскарабкались на кремлёвскую стену и побежали от Спасской башни к Москве-реке. Здесь стены были пониже, но до земли было так высоко, что и смотреть голова кружилась.

– Ты стой здесь. А я у тётки бельевую верёвку добуду! По ней и спустишься! – предложил Филька и мышью прочь.

Андрейка затаился в тени каменных зубцов. Холодно, неуютно на промёрзлой каменной стене. Ветер до костей пробирает Двуглавые железные орлы на башнях жутковато скрипят… Прошёл жандармский патруль. Остановился у стены. Папиросками решил погреться.

Андрейка услышал:

– Слышь, кум, не к добру орлы-то кряхтят. Будто слететь с башен собираются!

– Проржавели, ну и кряхтят.

– Эх, кум, плохая это примета. Старые люди говорили, как двуглавые орлы на башнях встрепенутся, так и царствованию конец! В Питере-то, слыхать, революция…

– Там, дурья голова, революция наших врасплох застала. А в Москве начальство всё, как надо, расплантовало. Как только народишко сгрудится, мы и чесанем из пулемёетов. А побежит – конный эскадрон их в сабли…

От таких слов Андрейку ещё пуще дрожь пробрала. Теперь он всё понял. Какая же кровавая баня готовится рабочим! А он здесь сидит и предупредить не может Спрыгнуть бы, да всё равно убьёшься, до своих не добежишь. Высоки стены кремлёвские, страшны орлы двуглавые! Скрежещут, пошевеливаются на февральском злом ветру, словно чуя добычу. Плохая примета!

ТИТИЛЬ, МИТИЛЬ С БАНТИКАМИ

Плохих примет в доме фон Таксис накануне было много. Всю ночь отчего-то нервничали и внезапно взлаивали обе таксы Титиль и Митиль. Звонил телефон из Петрограда, после чего баронесса нюхала соли, чтобы унять головную боль, и в пять утра вызвала Глашу читать ей роман.

Когда наступило это пасмурное февральское утро, Глаша, украдкой зевая, собралась прогулять такс и решила посмотреть в окно, какова погода? Надевать ли на такс ватные жилеты? Но баронесса сердито приказала ей не открывать портьер.

Решив, что лучше не рисковать, ей же возиться, если таксы простудятся, Глаша принялась застёгивать на нетерпеливо повизгивавших собачках пуговки.

Баронесса погладила своих любимцев по чёрным блестящим головкам и строго сказала:

– Будь аккуратней, милочка. Смотри, как бы какие хулиганы и вообще…

Она чего-то недоговорила и вела себя очень странно. Приказала никого не пускать во двор: ни музыкантов, ни разносчиков. И ночному сторожу, одноногому инвалиду, велела выдать вдобавок к его дубинке ещё и старинную саблю, которая была с «самим» ещё на турецкой войне.

– А может, прогулять их сегодня во дворе? Вы как, Титиль, Митиль? спросила баронесса.

Собачки, словно поняв, смутились. А Глаша тихо произнесла:

– Лучше на берегу Москвы-реки. Они любят там копаться в песочке. – Глаше хотелось повидать своего знакомого – Петю с телефонного завода. Он проходил в это время по берегу на работу и всегда шутил с ней, спрашивая: «Ну-с и так-с, как поживают таксы фон Таксис?»

Глаше это почему-то очень нравилось.

– Ну ступайте гуляйте! Храни вас бог! – И баронесса перекрестила собачек, чего никогда прежде не делала.

Глаша вышла за ворота и остановилась. Усатый городовой, который всегда торчал перед решёткой и, завидев её, начинал подкручивать усы, сегодня почему-то отсутствовал. Мела позёмка. На улице ни души. Глаше стало страшновато. Вспомнилось предупреждение брата Лукаши никуда в эти дни не выходить.

Но таксы натянули поводки и повлекли её к своим излюбленным местам, на берег Москвы-реки. Но добежать до реки они не успели. Путь преградил людской поток, внезапно хлынувший с Москворецкого моста к Александровскому саду. Люди в бедной, будничной одежде шли тесными рядами без шуток и песен. Бледные, серые лица мужчин и женщин были полны решимости и упрямства. Они шагали деловито, словно шли на работу.

Глаша растерянно подхватила на руки собачек.

Вдруг сильные руки оттеснили её на тротуар. Глаша ойкнула, но тут же успокоилась. Это был Петя Добрынин.

– Шли бы вы домой, Глаша, с вашими собачками. Здесь вам делать нечего, – сказал он строго, без обычной шутливости. И прошагал дальше, влившись в рабочий поток.

Глаша повернула было обратно, но весёлая, шумная толпа студентов, курсисток, гимназистов, вырвавшаяся из переулка, подхватила её и понесла с собой.

Красные щёки, красные банты, красные ленты. Обрывки песен, громкий смех. Не успела Глаша оглянуться, как бойкие руки уже нацепили ей на шляпку алую ленту, а на ошейники Титиль и Митиль красные банты.

– Ура представителям собачьего сословия! – крикнул какой-то толстощёкий гимназист.

Раздались аплодисменты.

Собачки испугались, вырвались – и в переулок. Глаша за ними. И тут их чуть не раздавил фыркающий автомобиль, промчавшийся мимо. Титиль и Митиль нырнули в подворотню, в проходной двор, в какие-то ворота, пробежали закоулками и выбежали к Манежу. Еле-еле успела Глаша их перехватить, на руки взять. И тут Глашу снова подхватил, понёс людской поток. И вскоре с таксами на руках она будто выплыла к Охотному ряду.

Охотный ряд не торговал в этот день. На ступенях подъездов богатых домов, у входов в магазины и рестораны стеной стояли дворники, а за ними толпились господа в меховых шапках и длиннополых шубах. Одни улыбались, другие хмурились.

Глаша метнулась туда, сюда и наконец взобралась на ступени какого-то высокого крыльца. Отсюда видна была Воскресенская площадь, колыхавшаяся словно море. На гребнях волн его курчавились серые барашки военных папах. И над этим взволнованным народным морем возвышались на фонарных столбах ораторы и кричали:

– Да здравствует свобода!

– Долой войну!

– Долой царизм!

– Мира и хлеба!

Глаша крепче прижала собачек…

У высокого крыльца Думы раздались какие-то крики. На балкон вышли чиновники – народ успокоить.

И страшно Глаше, и любопытно. Она вдруг увидела за железными воротами какого-то двора затаившихся конных городовых.

От конских морд пар идёт. Лошади копытами бьют, ходу просят. Что будет, как выскочат? Недаром, видно, Лукаша её предупреждал.

ДОНЦЫ-МОЛОДЦЫ

Когда в особняк генерала Мрозовского явились делегаты богатой и знатной Москвы, Лукаша несколько растерялся, помогая им снимать шубы. Он хорошо помнил, что князей надо называть «Ваше сиятельство», графов – «Ваша светлость», дворян – «Ваше благородие», купцов – «Ваше степенство», но различить среди прибывших, кто есть кто, не мог. Узнал лишь городского голову Челнокова, который явился с золотой цепью на шее.

Генерал Мрозовский принял деятелей Городской думы стоя, сверкая крестами и звёздами парадного мундира, всем своим видом показывая стойкость и непоколебимость. И, прежде чем делегаты успели к нему обратиться, сам напустился на них:

– Господа, я должен предъявить вам неудовольствие государя по поводу несоблюдения порядка, должного быть в Москве. А вы являетесь ко мне с какими-то претензиями. Да знаете ли вы, что по законам военного времени я могу вас… Я часовой, поставленный государем охранять Москву – колыбель династии. И мой священный долг…

– Да не пришпоривайте вы дохлую лошадь, господин генерал! – перебил его какой-то барин со злым лицом. – Лучше подчинитесь Временному правительству, как это сделали генералы Рузский и Брусилов!

– За такие слова я могу вас арестовать, господин Рябушинский. Вы не читали моего приказа о введении в Москве военного положения. Вот, прочтите, – генерал протянул подписанную им бумагу.

– Употребите бумагу с приказом иначе, господин генерал.

– Не нужно упрямиться! – морщился, как от зубной боли, городской голова. – В Петербурге удалось предотвратить приход к власти черни и взбунтовавшейся солдатни только тем, что Дума сформировала Временное правительство и командиры быстро привели войска присягнуть ему. Романовы ненавистны всем. Одно

упоминание о Романовых вызывает ярость народа. Помогите спасти Москву от революции. Подчините ваши войска Городской думе.

– Нет-с, господа! Пока жив помазанник божий Николай Второй, я не позволю организовать в Москве какие-либо самозваные органы власти.

– Да они сами организуются, генерал! На фабриках и заводах уже выбраны делегаты в Советы. Тысячные толпы рабочих выходят на улицы, чтобы водворить Советы на наше место.

– А у меня сто тысяч вооружённых…

– Кукиш у вас в кармане, а не сто тысяч! – дерзко прервал его Рябушинский.

– Решайтесь, генерал. Медлить опасно. Не то обойдёмся без вас. Все бывшие министры арестованы, – наступал городской голова Челноков.

– Но государь, насколько мне известно, возвращается в ставку… к войскам! А затем в Москву!

– Вы позвоните в ставку. Там вот скажут истинное положение! Царь уже не царь, а полковник Романов!

– Оставим спор. Подымите, господа, пока я на минуту отлучусь. Сигар господам! – приказал Мрозовский, вызвав Лукашу.

– Сигар нет-с… – изогнулся Лукаша.

– Немедленно за сигарами! В магазин офицерского общества!

И Лукаша помчался, застегивая на ходу длиннополую шинель. А Мрозовский прошёел в аппаратную и приказал вызвать ставку. Пока телеграфисты налаживали связь, генерал позвонил начальнику жандармерии, его на месте не оказалось. Позвонил генералу Шебеко – и градоначальника не было.

В ставке к проводу подошёл генерал Алексеев, начальник штаба.

– Где государь? Что с ним? – спросил Мрозовский.

– Поезд государя, задержанный мятежниками, пробивается назад в Могилёв, – ответил Алексеев.

– Поддерживаете ли вы решения Рузского и Брусилова?

– Все зависит от государя. Я в его воле, – уклончиво ответил Алексеев.

– Подтверждаю: ждём императора в Москву. Кремль подготовлен. Где ваши казаки?

– Дивизия кубанцев движется в эшелонах. Первые полки миновали Смоленск. Один уже в Вязьме. Донцы, расположенные в Калуге, продвигаются своим ходом. Должны быть в Серпухове, передовые уже в Подольске.

Узнав такое, генерал чуть не пустился в пляс.

– Ах, донцы-молодцы! Ах, донцы-молодцы! – приговаривал он.

– Доложите, что связь задерживается, и займите господ делегатов как-нибудь… Ну дайте ещё кофе им… Пусть подождут. Придут донцы, первыми этих господ повешу! Да вызовите караул. Немедленно. И всех под арест! – приказал он адъютанту.

…Лукаша мчался по Воздвиженке, когда навстречу ему вышла толпа: студенты и курсистки медицинского факультета. Красные ленты, красные банты, красные флаги, плакаты.

«Долой самодержавие!» – прочитал Лукаша на одном полотнище. И не успел ужаснуться, как две бойкие курсистки с сияющими глазами подхватили его под руки.

– К нам! К нам, душка военный!

– В наши ряды! Мы вас расцелуем, милый!

И ловкие руки прикололи ему к груди красный бант.

– Смотрите, какой с нами офицерик! Чудо!

Лукаше польстило, что его приняли за офицера, но он, не желая шагать в толпе бунтовщиков, решил освободиться от барышень: генерал Мрозовский шутить не любит!

Но тут послышался цокот копыт, и курсистки повисли на его руках.

– Ах, защитите нас!

– Защитите! Казаки!

Лукаша увидел морды коней, папахи и, спасая свое миловидное лицо от казацких нагаек, уткнулся в меховые воротники курсисток. Барышни взвизгнули, приседая с ним вместе.

Наскочившие на демонстрантов казаки, подняв на дыбы коней, развернулись вдруг на скаку и с гиканьем умчались.

– Ура-а-а! – понеслось им вслед.

«Неужели испугались курсисток?!» – поразился Лукаша.

– Офицерик, вы наш спаситель!

– Дайте мы вас расцелуем! – закричали курсистки.

– Качать офицера! – гаркнули студенты.

Лукашу бросило в жар, и он стал отбиваться. И в эту роковую минуту перед ним предстал его кумир прапорщик Ушаков. Он шёл с обнажённой саблей, а за ним шагал плотный строй его серых богатырей. Все как на подбор: белобрысые, голубоглазые, рослые.

– Что здесь происходит? – спросил прапорщик Ушаков, взяв под козырёк.

– Да вот мне за сигаретами… а они, – пожаловался Лукаша.

– За какими сигаретами?

– По приказу генерала Мрозовского, – пояснил Лукаша. И видя, как курсистки нацепляют красный бант на грудь Ушакова, попытался им помешать, но получил по руке.

– Прочь, прислужник монархистов! – крикнул прапорщик Ушаков, оттолкнув Лукашу. – Есть ещё оболтусы, которые служат царским сатрапам!

Лукаша не поверил ушам своим, хотя увидел, что на шапках солдат красуются красные ленты.

– Вперёд, ребята! – весело крикнул прапорщик Ушаков. – Выполним приказ Думы!

Лукаша бросился наутек.

НАША БЕРЁТ

По Москворецкому мосту плотными рядами шёл рабочий народ. И там и здесь, как красные прочерки, развевались знамена.

Разглядев солдат, окаймивших рабочие ряды, Андрейка чуть не закричал «ура!». Знать, кто-то успел предупредить рабочих. Вот и идут под охраной. Вот здорово!

Между тем на кремлёвской стене жандармский пулемётчик довернул ствол прямо на мост, прицеливаясь поудобней. Его подручный поправил патронную ленту, ожидая команды открыть огонь, но вдруг схватил пулемётчика за плечо.

– Кум, глянь-ка! С рабочими солдатня!

– Ну и что? Чесанём всех подряд.

– Опомнись, кум! Худо нам от солдат будет.

– По бунтовщикам огонь! – выкрикнул офицер.

Пулемёт молчал.

– Огонь! Морды сворочу, негодяи!

– Бейте морды, ваше благородие! Но и у вас дети малые. Солдат в Москве сто тысячей. Их только тронь…

Офицер, оттолкнув жандарма, сам взялся за пулемёт. Но тут раздался голос:

– Отставить!

Офицер удивленно посмотрел вниз.

– Приказано без надобности огня не открывать… Нам оберегать Кремль. А улицы обслужат из засад и конницей! – крикнул ему какой-то военный, подъехав на коне.

– Ах так?! – офицер, сняв фуражку, вытер со лба пот, перекрестился.

Рабочая колонна вошла в теснину между каменными домами и оградой церкви Василия Блаженного.

Жандармы в засадах изготовились. Те, что запирали Варварку, приняли боевой порядок: передняя цепь легла, вторая стала на колено, третья взяла ружья наизготовку для стрельбы стоя. Пулемёт, спрятанный в подъезде торговых рядов, повернул хищную морду на приближающихся людей. Засада полицейских у Василия Блаженного прильнула к решёткам ограды.

Андрейка набрал побольше воздуха, чтобы криком остеречь своих. И ему даже показалось, что он крикнул во всю мочь и его голос, усиленный эхом, отражённый церквами, куполами, зубцами Кремля, раскатился по всей Красной площади.

Но это Андрейке только показалось, потому что жандармскую засаду вдруг словно метлой вымело с улицы в подъезды. Это в тыл жандармов зашли с огненно-красными знамёнами рабочие Лефортова, Симоновской слободы, Рогожской заставы, прорвавшиеся через Устьинский мост.

Рабочие Замоскворечья дружно слились с ними в одну бурлящую людскую реку, и она потекла через площадь к Историческому музею, прямо под морды жандармских коней, под сабли и плётки их дюжих всадников.

Рабочие шли, тесно сплотившись, переплетя скрещенные руки, ряд за рядом, твердо печатая шаг. Они двигались неотвратимо, как реки в половодье, не обращая внимания на серую громаду жандармской конницы, на полицейские пулемёты, на железных орлов, раскрывших над ними хищные клювы. Ничто не могло остановить народного шествия.

Пройдя мимо вооружённых до зубов жандармов, рабочая колонна разделилась на две: одна пошла к городской Думе, другая по Тверской к градоначальству.

Ветер раздувал флаги, плакаты, знамёна. Казалось, проплывают грозные боевые корабли, подняв над собой паруса, освещённые пламенем начавшейся великой битвы.

Жандармы, так и не дождавшись команды к бою, понукая лошадей, стали заворачивать одни вправо, другие влево. Со скрипом и скрежетом раскрылись железные ворота Спасской и Никольской башен. И, нагибая головы, словно склоняясь перед могуществом народа и прося прощения у двуглавых царских орлов за малодушие, жандармы въехали в Кремль.

«Ага, наша берёт!» – возликовал Андрейка.

– Эгей! – раздался снизу звонкий голос Фильки. – Скорей! – Он размахивал бельевой верёвкой и кивал на ворота, в которых теснилась жандармская конница. – Давай, пока не затворили.

Андрейка скользнул ужом мимо жандармов, которым было не до пронырмальчишек, и вот они вдвоём с Филькой мчатся к воротам. Здесь, теснимые конным

дивизионом, въезжающим в Кремль, толпились желающие выйти вон. Среди людей застряли грузовики с солдатами-арсенальцами, чистильщиками царских ковров.

– Давай! Они за продовольствием едут, – подтолкнул Андрейку Филька.

Андрейка вцепился в борт грузовика и таким образом выехал из Кремля. У него хватило сил провисеть на руках до самой Иверской часовни. Здесь грузовик тряхнуло на повороте, и он, сорвавшись, отлетел в кучу снега. Барахтаясь в снегу, Андрейка увидел, что военный грузовик обступили михельсоновцы, а среди них были Саша Киреев, брат Андрейки Саша, Уралов, Гриша Чайник и даже дед Кучка. Михельсоновцы лезли в кузов грузовика, протягивая руки солдатам, а дед Кучка скомандовал растерявшемуся шофёру:

– Давай к Бутырской! Освободим узников царизма!

– Да кто ты такой… командовать?

– А ты слушай, сынок, раз командую. С тобой говорит только что избранный депутат Московского Совета Иван Васильевич Кучков! Давай поехали.

Шофёр заколебался, оглянувшись на сопровождающих солдат.

– Не подчиняешься народу? А ну вылазь! – Дедушка Кучков потянул упрямца за рукав, погрозив ему револьвером.

Шофёр дал газ, и машина тронулась.

Андрейка, недолго думая, прилепился к подножке грузовика.

К Бутырской тюрьме подкатили вовремя. У ворот её бушевала толпа. В тюрьме до сих пор томились участники революции 1905 года – герои пресненских баррикад.

– Долой царские тюрьмы!

– Смерть тюремщикам! – кричали люди.

Железные ворота тюрьмы были забаррикадированы. Они сотрясались от ударов камней.

Начальник тюрьмы пригрозил открыть огонь, вызвал казаков. Грузовик с солдатами и рабочими он принял за обещанное подкрепление и приоткрыл калитку.

Распахнув железные ворота, рабочие и солдаты ворвались в тюрьму.

– Именем революции сдавайтесь!

– Заключённых на волю! Тюремщиков в тюрьму!

И вот уже узники, измождённые, качаясь от слабости, но с горящими от радости глазами, обнимаются, целуются со своими освободителями.

– Товарищ Дзержинский! – воскликнул дедушка Кучков, увидев высокого худого узника.

Прямо из тюрьмы Дзержинский в сопровождении рабочих поехал в Городскую думу, где уже собирался на первое заседание Совет рабочих депутатов.

КОНЕЦ ГРОЗНОГО ГЕНЕРАЛА

В особняке Мрозовского этот день кончился весьма неожиданно. Генерал, получив обнадеживающие сведения о подходе двух казачьих дивизий, распорядился стянуть жандармерию в Кремль, чтобы любой ценой сохранить его в ожидании государя. Он мнил себя в роли нового Сусанина, спасающего русского царя.

Караул где-то задержался, а генералу не терпелось взять под арест наглых думских господ делегатов. Завидев земского начальника Грузинова, вошедшего вместе с Лукашей, Мрозовский обрадованно сказал:

– Вы вовремя, полковник!

За окном беглым шагом мелькнула караульная команда.

Мрозовский, предвкушая свое торжество, довольный, что свидетелем будет известный в военной Москве полковник Грузинов, повел его в свой кабинет.

– Вот эти господа… – сказал он громко, распахнув перед Грузиновым дверь.

– Чем вы тут занимаетесь, господа? – перебил его Грузинов и строго оглядел делегатов Думы. – Рабочие Москвы приступают к созданию своей пролетарской власти, а отцы города всё ещё подстегивают дохлую лошадь самодержавия? Или вы встанете над восставшей чернью, или немедленно окажетесь у её ног! Революцию надо не раздумывая хватать за узду, как взбесившегося коня!

И вдруг генерал Мрозовский увидел на груди полковника Грузинова алый бантик.

Генерал побагровел. «Где же замешкался этот прапорщик с его чудо-богатырями!» – подумал он.

А прапорщик Ушаков тут как тут! Беглым шагом по ступеням во главе своей бравой команды.

Что там у нас? – спросил он Лукашу.

– Думские приехали. Власть брать.

– А генерал что?

– Караул требует.

– Это мы сейчас! – подмигнул ему прапорщик Ушаков, поправляя фуражку с красным бантом. – Караул, за мной!

Топая сапогами и гремя ружьями, костромские земляки Сусанина побежали по мраморным ступеням. Адъютант посторонился, давая им дорогу, и кивнул на группу думцев.

Генерал Мрозовский только было раскрыл рот, чтобы отдать приказ об аресте, как услышал:

– Арестовать! – И полковник Грузинов указал на Мрозовского.

– Именем революции вы арестованы, господин генерал! – прокричал Ушаков и, лихо щёлкнув каблуками, козырнул.

– П-позвольте! – пролепетал обескураженный Мрозовкий и, ослабев, рухнул в кресло, закрыл лицо руками и заплакал.

Солдаты, опираясь на ружья, смотрели на плачущего генерала с жестоким любопытством.

– Финита ля комедия, – непонятно выразился прапорщик Ушаков, закуривая папироску. И хотя он усмехался, пальцы его дрожали.

КРАСНЫЙ СЛОН

Вниз по Тверской огромным кораблём плыл слон. Вёл его клоун Дуров. А за слоном с самого Тверского бульвара, со скверов и садиков малыми лодочками плыли детские колясочки с младенцами, катимые молодыми нянюшками и старыми бабушками, с визгом, свистом, кувырканием бежали мальчишки, степенно шли взрослые. Слон и клоун на улице. Шутка ли! Такое прежде только за деньги показывали, а теперь даром. Вот она, революция!

С появлением слона лица людей смягчались, глаза веселели, все улыбались.

Увидев клоуна Дурова с красным бантом во всю грудь и его знаменитого слона в неимоверно огромной алой попоне, с красным флагом в хоботе, Глаша засмеялась. А толстенный купчина вытащил из кармана красный платок и приветственно замахал. Уж если слон красным стал… Словом, «клоуну Дурову ура!».

Крик купца подхватили и студенты, и гимназистки, и охотнорядские приказчики. Дуров шел невозмутимо, гордо, в ярком блестящем костюме, словно властелин города

из какой-то волшебной сказки. Он подвел слона к балкону Городской думы и тонкой тросточкой ударил по его ногам. Слон высоко поднял передние ноги.

Как заворожённая глядела Глаша на это представление.

– Наденьте слону валеночки! – возопил блаженный Тимоня. – Не томите, не морозьте, какому царю молиться, ироды?!

Слон поднял хобот, покрывая трубным звуком голос нищего. И, словно на его зов, на балкон высыпали господа в шубах, с непокрытыми головами. Снежок присыпал их белым пеплом. Они держали в руках какие-то бумаги. И когда все притихли, люди, стоящие перед Думой, услышали:

– «Его императорское величество, государь Николай Второй, отрёкся от престола в пользу брата своего Михаила!..»

– Ну, доцарствовался дурак! – вздохнул купчина рядом с Глашей. – Даже у слона терпение лопнуло!

– «Великий князь Михаил Александрович Романов отказался принять престол! Он предоставил решить этот вопрос будущему Учредительному собранию!..» – заорали во все глотки мальчишки-газетчики, появившиеся разом, словно из-под земли.

Толпа бросилась к мальчишкам, вырывая у них газеты. Мальчишки, словно стрелы, пронизывали толпу, и с их появлением на площади началось что-то невероятное. Некоторые люди стали убегать, а другие их догонять.

– Держи!

– Лови!

– Бей!

Это, словно по уговору, стали вылавливать разбегающихся кто куда стражников, жандармов, полицейских…

В этой охоте приняли участие и уличные мальчишки. И конечно, Андрейка. Ну и порезвился он со своими приятелями! Они угадывали жандармов, приставов, околоточных, нарядившихся в солдатские шинели, в чуйки лавочников, длиннополые шубы извозчиков, даже в монашеские рясы и женские одеяния. И торжествовали, когда пойманный держиморда молил: «Пощадите, православные. Не своей волей вас притеснял…»

Жандарм Львович оделся сестрой милосердия, да не успел второпях жандармские сапоги снять. И Андрейка угадал его по шпорам, за которые цеплялась женская юбка.

– Держи-лови Львовича! Вот он, тигра полосатая! – завопил Андрейка.

Сбежавшиеся на крик рабочие доставили переодетого Тигрыча в участок, где уже распоряжался Гриша Чайник, сменив власть околоточного.

А к Городской думе с весёлым громом подкатили пушки. Артиллеристы все были с красными бантами. На гривах коней и сбруях развевались алые ленты.

– Первая батарея запасной артбригады прибыла на защиту революции! – отрапортовал молодой солдат с озорными глазами, вытянувшись перед собравшимися на балконе Думы. – Орудия заряжены, боекомплект полный! Прошу распоряжения, где развернуть орудия?

– А разверни их, сынок, на Кремль. Там царские холопы затворились, – приказал с балкона дедушка Кучков Иван Васильевич.

Вслед за артиллеристами, желая присягнуть новой революционной власти, к городской думе стали подходить войска московского гарнизона, запасные полки, школы прапорщиков, юнкерские училища, кадетские корпуса.

Приветствуя падение самодержавия, спешили к Думе гимназисты, лицеисты, кадеты. Все они шагали строем, под алыми знамёнами, с красными бантами и ленточками на груди и фуражках, в полном составе во главе с учителями. Все они пели революционные песни:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.
Нам не надо златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.

– А зачем им царский чертог?! У них свои есть! – усмехнулся Андрей Уралов, подкрутив усы.

– Все свободе радуются! Чего там? Весну каждая птичка приветствует, – сказал дедушка Кучков. – А ну, братцы, ради светлого праздника расцелуемся!

Многие обнимались и целовались, даже бывшие враги. К Андрейке вдруг подлетел, оторвавшись от своих рядов, гимназист Вячик-мячик, с которым они то и дело дрались, и чмокнул в обе щёки. От такого благородного поступка у него даже слёзы на глазах выступили.

– Свобода, равенство и братство! – сказал он. – Поклянёмся, а?

«Чему тут клясться!» – не сразу сообразил Андрейка.

А к нему уже кадетик Котик подошёл в шинельке нараспашку, нарядный, красногрудый, как снегирь. Прежде-то он презирал Андрейку, впрочем, как и всех бедно одетых ребят. А теперь в объятиях крепко стиснул.

– Отныне и навеки мы вместе за Русь свободную! – сказал.

Фабричные девчата у самых дверей Думы затеяли пляску, выкрикивая частушки.

Вдруг кто-то закричал:

– Смотрите! Смотрите! Свобода приехала!

По площади медленно двигался автомобиль, в котором, опираясь на древко красного знамени, стояла ослепительно красивая девушка с развевающимися золотистыми волосами.

Гудок автомобиля наигрывал мелодию. За рулём сидел человек с огромным красным бантом. Другой, во всем кожаном, поддерживал древко знамени.

– Виват!

– Гип-гип ура!

– Да здравствует свобода! – закричали студенты и гимназисты, подбрасывая фуражки.

Вызывая общий восторг, «свобода» объезжала самые людные улицы Москвы.

– Да это же та самая барышня Сакс-Воротынская, которая осмеяла меня, что я рыжий! – угадал Филька. – А сама, ишь, красной свободой вырядилась и раскатывает!

– А катает её на автомобиле сам Михельсон! – узнал миллионщика, нацепившего огромный красный бант, Андрейка. – Ну и чудеса!

Вот сколько удивительного произошло в этот замечательный день.

КТО ЖЕ ФЕВРАЛЬСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ СДЕЛАЛ?

Так уж было заведено в семье Павловых – что бы ни случилось, а уж в бабушкин день именин все садились вокруг её праздничного пирога с капустой.

На этот раз пирог был постноват, черноват – вместо белой муки ржаная с отрубями, – но всё же он был и такой хорош: горяч и, главное, большой. Всем по кусищу хватило. Павловы ели да похваливали; мать и дочь Филоновы тоже хвалили,

откусывая по небольшому кусочку из вежливости. Лукаша, избалованный хорошей едой, тоже ел, хотя и с отвращением.

Самое удивительное, на это торжество пришёл сам Филонов. Аккуратный, подтянутый, что твой офицер! Он снял шинель, бережно двумя руками поднял с головы, не повредив прически-бабочки, серую папаху и украсил ею комод.

Когда повернулся к родственникам, лицо его приветливо улыбалось.

– Смотри-ка, словно гривенник, сияет! – хлопнул себя по коленке Павлов. – А я уж думал, не зашибли бы тебя там в суматохе? Знать, вовремя сбежал из царского поезда? А царя-то куда девали?

Лакей отмахнулся.

– Ладно, потом. Вы вот скажите, как это у вас в Москве получилось? Кто эту революцию сделал?

– Мальчишки! Продавцы газет! – выпалил Андрейка. – Как выбежали да как закричали: «Конец самодержавию!» – весь народ «ура!», и тут такое началось…

– Ври больше! – осадила Андрейку бабушка. – Революцию вызвал Тимоня босой. Как вскричал не своим голосом: «Куда девали царя, ироды? За кого молиться у Иверской?» Тут вышли на балкон думские господа и сказали: «Отрёкся от престола его императорское величество…»

– Ой, что вы, бабушка! Там главным был красный слон, – вспыхнув от смущения, не выдержала Глаша. – Как поднялся он перед Думой с красным флагом да как затрубил, тут двери и отворились…

– И ничего подобного! – пробурчал, не отрываясь от пирога, Лукаша. Революцию сделали курсистки-медички. Они казаков напугали. Не то бы…

– Революцию в Москве сделал храбрый прапорщик Ушаков. Об этом заявил всем командующий военным округом полковник Грузинов на заседании думы! – весело сказал Саша, подмигнув Лукаше.

– Да бросьте вы ерунду молоть! – вступил хозяин дома кузнец Павлов. – Сам царь революцию сделал. Вот кто.

Все от любопытства и удивления жевать перестали и повернулись к старшему Павлову.

– Это в каком смысле? – спросил Филонов.

– А в таком. Заскучал царь. Война без толку идёт. Народ бунтует. Министры – дураки. Генералы – изменники. Слез он с трона. «А ну вас», говорит. И послал всех подальше!

Собравшиеся рассмеялись.

– Похоже, да не очень, – улыбнулся Филонов. – Могу рассказать подробности. – Он поправил причёску-бабочку, откашлялся. – Так вот-с, начал Филонов, – всё могло произойти иначе, если бы государь вместо Питера поехал в Москву к генералу Мрозовскому. Царя его царедворцы подвели. До самого момента, когда царский поезд, в котором и я находился, был задержан на станции Вишера и не пропущен в Царское Село, куда мы направлялись по вызову императрицы, государь ничего плохого не подозревал, от него всё скрывали. Комендант царского поезда, генерал Воейков, никаких телеграмм о революции в Питере ни от Родзянко, ни от думских не докладывал, чтобы не волновать государя. Камергер двора, барон Фредерикс, тот тоже всяких волнений для государя избегал, следил, чтобы государь вовремя ел, пил и не простужался. Адмирал Нилов знал одно водку пить и анекдоты царю рассказывать, как, бывало, ещё покойному батюшке Александру Третьему.

– Здоров адмирал. Двух царей перепил, – вставил Павлов.

– И вдруг на станции Вишера глубокой ночью остановка. Поезд задержан по приказу из Петрограда. Здесь уж генералу Воейкову пришлось царя будить и всё докладывать.

«Что творится? – удивился его величество. – Кто может нам приказывать?»

«Подписал распоряжение поручик Греков», – отвечает Воейков.

«Это что, бунт? Нами командуют поручики? – вскинулся царь. И обратился к адмиралу Нилову: – Скажите, голубчик, что это в Петрограде?»

«Большие беспорядки! – вздохнул Нилов. – Молодые солдаты взбунтовались, и Родзянко гадит…»

«Так что же вы мне не докладывали?» – спросил царь у Воейкова.

А тот: «Не такие уж там беспорядки, чтобы в день-два не справиться, государь! Революционеры, студенты и хулиганы взбунтовали молодых солдат. Эти молодые солдаты окружили Думу. Власти проявили нерешительность. А Родзянко, поддавшись угрозам черни, вступил с ней в сделку за счёт династии…»

«Как? И я ничего не знаю?!» – совсем разгневался государь.

«Ваше величество, вам надо во главе георгиевских кавалеров явиться в Царское Село, взяв верный вам гарнизон, двинуться в столицу, и Государственная дума станет на колени. А взбунтовавшиеся солдаты вспомнят о присяге и расправятся с зачинщиками бунта», – отвечал Воейков.

«Так давайте действовать!» – воскликнул царь.

В это время вошёл генерал Цабель, начальник караула.

«Все это ложь, государь. Вас обманывают, – козырнул он. – Мы уже пленники революции! Железнодорожные рабочие испортили наш паровоз. Повсюду красные флаги. Демонстрации. Солдаты братаются с рабочими. Войска переходят на сторону бунтовщиков».

«А где же мои верные гвардейские полки? Семёновцы, павловцы, преображенцы?»

«Изменили… Даже гвардейский экипаж во главе с великим князем предал вас!»

«Да, да, да! Великие князья всегда не любили меня. Все кончено».

«Ничего не кончено, ваше величество. Мы прорвёмся в Царское Село!» Воейков выбежал из царского вагона.

Прихватил конвой. Приказал отцепить паровоз поезда, где ехала царская свита, заменил им испорченный паровоз царского поезда, ругался, грозился, и поезд, наконец, тронулся.

«В Москву! В Москву! – торопил царь. – Москва отстоит своего царя!»

Дали мы обратный ход. Но на станции Бологое нас задержали. Снова поехали на станцию Дно. Вот так и катали нас в поезде туда-сюда. А придворные генералы ссорятся, грызутся…

На станции Дно встретились нам георгиевские кавалеры с генералом Ивановым, их тоже на колёсах туда-сюда. Собрались генералы вокруг царя, что делать?

«Остается одно, – заявил Воейков, – обратиться за помощью к императору Вильгельму! Открыть фронт немцам. Пусть германские войска придут и усмирят взбунтовавшийся народ. В первую очередь в Петрограде!»

Адмирал Нилов воспротивился:

«Неудобно это, господа. Ведь если немцы заберут Россию, они её нам уже не отдадут. Дудки-с!»

«Император Вильгельм благородный человек. И ваш родственник, настаивал Воейков. – Если вы обратитесь к нему как император к императору. И больше того, как кузен. Он не откажет…»

– Ворон ворону глаз не выклюет! – крякнул Павлов. – Экие подлецы! Ну и что же Миколашка? Расею продал?

– Государь отвечал: «Это можно было сделать раньше, когда все ещё мне повиновались как главнокомандующему. А теперь ни Рузский, ни Брусилов не подчинятся», – сказал это царь и заплакал.

Генералы тоже прослезились, Нилов медведем заревел, и прислуга в плач. Конвоиры стали разбегаться. Вышел к ним царь, лицо бледное, шинелька внакидку, провеёл по лбу рукой и говорит:

«Не волнуйтесь, я подпишу отречение. Поеду в армию, попрощаюсь с солдатами, и пусть без меня делают с Россией что хотят. А я в Ливадию, в Крымское имение. Только бы уцелели мои жена и дети…» – И снова прослезился.

Конвойные тоже.

– Ишь, какие вы там все жалостливые, на царских хлебах вскормленные, – упрекнул Павлов. – Ну и что же?

– А дальше известно. Все в газетах описано. Явились из Думы господа Гучков, Шульгин, Пуришкевич и предъявили отречение. Царь подмахнул бумагу. И за себя, и за наследника. На том династия Романовых и отцарствовалась… Вот как было дело!

Бабушка перекрестилась.

– Триста лет царствовали, и вдруг… О господи, не ищи виноватых.

– Я все интриги, как положено царскому лакею, знал. И скажи я царю с глазу на глаз, что творится вокруг него, все бы не так вышло. Государь бы послал в Питер верных людей. А сам бы в Москву поехал. Да и наобещал бы, как в революцию пятого года. Ну манифест там и еще чего. А сам на Питер напустил бы казаков. И прибрал бы к рукам народ при помощи германцев.

– Так чего же ты, милый мой?! – выскочила Филониха. – Такая тебе козырная карта выпадала!

– Хорошо, что не козырнул. Цари своих спасителей не любят Придворные представили бы дело так, будто его сам бог просветил, а наушника в яму. Так бы мои косточки в каком-нибудь овраге и сгнили в безвестности…

– Ловко же ты сфилонил! – крякнул Павлов. – Значит, из-за тебя царь революцию зевнул и сдал царство?

– А говорят, царь не сразу сдался! – сказал Саша. – Подписав отречение, он решил обмануть народ. Как в 1905 году, когда забрал обратно манифест о свободе. У него был план: пробиться к верным войскам в Москву, отсюда и начать всё. Мрозовский для него уже покои в Кремле готовил. Приказал царские ковры чистить.

– Верно! – сказал Филонов. – Государю удалось уехать со своей свитой и частью конвоя под предлогом попрощаться с войсками в Могилев. Оттуда он надеялся прийти с верными казаками в Москву… Да его Мрозовский подвёл.

– Не Мрозовский его подвёл! А московский народ, рабочие и солдаты, сказал Саша. – Как вышли они по призыву Михаила Константиновича всей массой на улицы Москвы, так и свершили революцию!

– Это кто же такой Михаил Константинович? – удивился Филонов.

– Так для конспирации называли мы его при царизме. Теперь можно сказать: Михаил Константинович – это Московский комитет нашей партии.

Андрейка даже пирог мимо рта пронёс, услышав такое.

А Филонов знай свое:

– И наш брат лакей, если бы захотел, тоже мог!

– Хорош гусь! – кивнул Павлов на лакея. – Ловко от хозяина сбежал. Знать, пословицу вспомнил: «Близ царя, близ смерти».

– Меня государь сам отпустил, как и всю поездную прислугу. Памятки нам роздал. Мне вот портсигар с вензелем.

– Спёр в суматохе!

– Никак нет! Вещица дарёная.

– Видать, ты и без царя не пропадёшь?

– Зачем же пропадать? Теперь, при свободе, каждый сам себе царём будет.

– Ну что ж, может, и так! – подтвердил Павлов. – При царе жили не померли, глядишь, и при свободе проживём. Будет что моим рукам ковать, будет что и зубам жевать!

И хозяева и гости снова принялись за пирог – первый пирог, испеченный при свободе…

Часть вторая
ЧУДЕСА СВОБОДЫ

Жизнь у замоскворецких мальчишек шла бойкая: что ни час происшествие, что ни день – событие. Митинги, собрания, демонстрации. Мальчишки гоняли по улицам с утра до ночи. И ни тебе городовых, ни жандармов; дворники и те присмирели – смотрят на их мальчишеские проказы снисходительно. Даже отец Андрейки при всей его суровости от шлепков и подзатыльников воздерживался. «Ладно уж, теперь свобода», – говорил, когда подзатыльник требовался.

Свобода! Это пьянящее слово «свобода» теперь у всех на устах: и у бедных и у богатых.

Прежде миллионщика Михельсона рабочие и не видывали. Через управляющих управлял. А теперь собственной персоной является на митинг с красной ленточкой в петлице и уговаривает получше работать ради свободы.

Лавочники, мясники, булочники, зеленщики, бывало, чуть очередь зашумит против повышения цен, кличут полицию, а теперь только руками разводят: «Свобода, граждане! Нам по любым ценам свободно торговать, а вам свободно покупать или не покупать!»

Да, менялись люди с приходом свободы.

Взять деда Кучку. Он теперь вовсе не дед Кучка, а Иван Васильевич Кучков, депутат Совета от московских пекарей. Оказывается, он ещё в девятьсот пятом году против царя на московских баррикадах сражался, старый революционер.

Или вот самый тихий из всех слесарей дядя Ваня Козлов – теперь сам начальство: выбран председателем заводского комитета как революционер-подпольщик.

А Гриша Чайник, первый заводила всякого беспорядка, теперь наблюдает порядок: расхаживает по Замоскворечью с красной повязкой на рукаве, с маузером на ремешке, семечки пощёлкивает и кругом посматривает. Избран Гриша Чайник в народную милицию.

Бабушка и та перевернулась: берет в лабазе у Васьки Сизова мешок семечек и на людном перекрёстке стаканчиками их продаёт. Хочет при свободе независимо на свой капитал жить. Только капитала у нее не прибавляется: все знакомые берут семечки в долг, и бабушка едва концы с концами сводит.

А вот Филонов при свободе преуспел. Стал владельцем буфета при магазине офицерского общества на Воздвиженке. На основе свободных торгов с аукциона взял. Походил при старом режиме в лакеях. Хватит! Теперь у самого три официанта на обслуге.

Не отстала от мужа и Филониха, откупила-таки на своё имя тот самый дом, где Стеша с матерью в подвале ютятся.

Вот что значит свободушка! При царе мужниной рабой была, своего вида не имела, а теперь домовладелица!

И Глаша её теперь уже не горничная, а компаньонка. Читает вслух романы, когда баронессе фон Таксис не спится. И весёлый слесарь Петя Добрынин, встречая Глашу с таксами на прогулке, теперь шутит так: «Барышня, проданные глазки».

А Лукаша-то, Лукаша! Щеголяет в офицерской форме, с красным бантиком на груди и важно заявляет:

«Хватит! Поиздевались над нами царские сатрапы. (Это он проезжается насчёт „сапог всмятку“ у генерала Мрозовского!) Теперь никаких „ваше благородие“! Я своего полковника по имени-отчеству называю, а он меня на „вы“!»

По протекции полковника Грузинова, который теперь на месте Мрозовского, Лукаша Филонов получил должность вестового при полковнике Рябцеве. А его бывший кумир прапорщик Ушаков, мечтавший о славе, получил полную возможность прославиться. Расцеловав его при всех думцах и похвалив как первого офицера Москвы, вставшего на защиту свободы, полковник Грузинов отправил Ушакова вместе с его ротой на фронт защищать свободу от полчищ кайзера Вильгельма.

Но вот уж кому повезло, так повезло – это Фильке. Теперь его звали по-иностранному – «Филь», он был грумом у барышень Сакс-Воротынских. При встрече его не узнаешь – красный камзол, зелёные штаны, жёлтый жилет, в руках хлыстик, на ногах сапоги со шнуровкой.

При царе знаменитые богачки вольничать стеснялись, а при свободе решили по своему капризу вместо чёрного арапчика завести огненно-рыжего. «Под цвет революции», – как они говорили.

Куда бы барышни Сакс-Воротынские ни отправились, Филь должен был поспевать пешком. И при первом зове являться, весело скаля белые зубы на красном от веснушек лице. Филька был при барышнях как украшение.

Андрейке сменить свой заплатанный пиджачишко и дырявые ботинки на что-нибудь понаряднее не удалось. Но и ему без царя жить стало куда вольготней: на заводе мастера и десятники мальчишек больше зря не гоняли, не шпыняли – заводской комитет запретил. Всех ребят прикрепили на обучение к слесарям, токарям, кузнецам. Андрейку взял к себе в ученики сам Уралов Андрей Уварович. Оказалось, и он, и все его молодые друзья – Саша Киреев, Бакланов, Цуканов, Ригосик и брат Андрейки Саша – состояли в организации заводских большевиков. Оказалось, знаменитая красная комната в столовке коммерческого института была штабом революционеров-подпольщиков. Теперь все революционеры собирались открыто. А Люся больше не скрывала, кто она такая, а прямо говорила: «Я агитатор, пропагандист». Её всюду приглашали. «Расскажите нам про то, расскажите про это», – просили. Люся знала, где и как рабочие живут, борются, как женщин и детей в капиталистических странах угнетают, что такое Интернационал первый и второй. Какие есть в России партии и чего каждая из них хочет.

Люся и внешне изменилась, хотя сильно похудела, но очень повеселела и ко всем всегда с доброй улыбкой.

Андрейка тоже стал политиком, как и большинство замоскворецких мальчишек. Мальчишки так в политике понаторели, что знали вождей почти всех партий. У большевиков был самый главный революционный революционер, вождь рабочих и крестьян – Ленин.

А сколько новых слов и понятий принесла свобода! У мальчишек головы кружились! Империализм, Антанта, аннексии, контрибуции, национализм, экспроприация, эксплуатация… Но больше всех других слов мальчишкам запомнились два слова, выброшенных в широкую жизнь революцией: буржуй и пролетарий.

Буржуй – слово жирное, пухлое, жевательное – так ко всем сытым и толстым и липнет.

Пролетарий – слово звонкое, весёлое, гордое, от него всё подлое отскакивает, оно к лицу рабочему люду.

Андрей очень гордился, что он пролетарий.

А вот у гимназистов и кадетов это слово стало ругательным.

– Пролетарий с красной харей! – дразнились Вячик-мячик и кадетик Котик.

Андрей в долгу не оставался.

– Кадет, кадет, на палочку надет! – кричал он Котику.

– Буржуй, буржуй, ремня пожуй! – кричал Вячику.

Все мальчишки Замоскворечья по партиям разделились.

– Я в эсерах, – скажет Стасик.

– Ах, эсеры, вы, эсеры, у вас морды очень серы! – посмееётся Стеша.

– Я в анархистах! – бухнет Дарвалдай.

– Анархисты, анархисты, они на руки нечисты!

– Арбуз, а ты в каких ходишь?

– Я в большевиках!

– А почему не в меньшевиках?

– Потому что большевики хотят для рабочих всего побольше, а меньшевики – всего поменьше.

Продавцов газет свобода сделала самыми желанными людьми улицы. Стоило им появиться с пачками газет, как множество рук тянулось к ним со всех сторон. Все хотели знать новости. Даже старушки, которые, сидя на скамеечках, чулки вязали.

Вот какие чудеса принесла свобода!

ПЕРВЫЕ ОГОРЧЕНИЯ

Из всех знакомых Андрейки только солдат Сидор был недоволен свержением царя. Забежал Андрейка к нему подкормиться, поделился своими радостями, а солдат и говорит:

– Без царя в голове только дураки живут. Чему радоваться, ежели остались без царя в государстве?

У Андрейки хлебная корка в горле застряла.

– Да ведь царь кровь народную пил! Вы что, дядя Сидор?

– Одного царя прокормить легче, чем шайку анархистов, стрекулистов, обманистов, которые на его место рвутся.

– Без царя, дядя Сидор, куда лучше!

– Чем лучше? Я по-прежнему на войне, а семейство моё в беде. Ты как был, так и есть голодный!

– Голодный, зато свободный!

– Попробуй проживи на одной свободе, если я хлебца не дам! – рассмеялся дядя Сидор.

– И проживу! Не понуждаюсь!

На том и расстались.

Легко было сказать – не понуждаюсь. Иной раз от пустоты в желудке у Андрейки так в глазах мутилось, что к заборам прислонялся. Пошатывало. С едой становилось всё хуже. Бабушка всё чаще возвращалась с пустой кошелкой.

Пытался Андрейка по старой памяти подкормиться в столовке коммерческого института, но и там студенты хлебные крошки в горстку сгребали да в рот ссыпали.

На окружной тоже солдатский хлеб кончился. Поезда с новобранцами шли на фронт теперь бесхлебные. Солдаты в них были крепко заперты по вагонам. Унтера злющие – не подойти.

Да и на заводе только и разговоров: отчего это так получается свободы много, а хлеба мало?

И получалось: всё из-за царской войны. Пахать и сеять было некому да и нечем. Мужики все в окопах, а у оставшихся в деревнях стариков да баб ни кос, ни серпов, ни плугов. Рабочие на заводах теперь только снаряды да пушки выделывают.

И заводской комитет по предложению рабочих решил перейти на производство мирной продукции.

– Это невозможно! – заявил по этому поводу на митинге Михельсон. – У нас есть правительственный заказ на поставку вооружения.

Рабочие своё:

– Не желаем выполнять военный заказ!

– Нельзя. Уже металл получен и деньги под него взяты Заказ выгодный, – увещевал Михельсон.

– Кому выгодный? Вам, богачам! С царём не надо делиться!

– Войну веду не я, Михельсон, а Временное правительство.

– А в правительстве кто? Министры-капиталисты да ваш адвокат Керенский. Долой военный заказ!

– Я честный предприниматель, а не политик… – хитрил Михельсон, да и дохитрился.

– Не нужен нам такой хозяин! Вон с завода! Прокатить на тачке его! – забушевали рабочие, выведенные из терпения.

Подхватили рабочие миллионщика, посадили в мусорную тачку и покатили. Свист, хохот, улюлюканье. Вывезли за ворота и опрокинули.

У Андрейки от смеха живот заболел.

И когда дома об этом рассказал, всех насмешил, даже неулыбчивую бабушку.

А вечером примчался к ним на извозчике Филонов.

– Что вы наделали?! Как поступили?! Головы у вас на плечах или что?! Да ведь Михельсон вас теперь…

– Ничего, обойдется! – усмехнулся Андрейкин отец. – Обыкновенная заводская шутка. Я ещё мальчишкой был, видел, как рабочие вот так же мастеров-подхалимов вывозили. Умней твой Михельсон будет, покладистей.

– И как вам в головы пришло такого человека, дельца, работодателя, на тачке. Да он после такой обиды и знаться с вами не захочет!

– И не надо! Обойдемся. Рабочий комитет будет заводом управлять.

– Вот Михельсон передаст выгодный заказ другим дельцам, и сядете на мель. Подумайте, кум! Опомнитесь… Не то ведь могут и завод закрыть, всех вас по миру пустить…

– Как это так? – не поверилось отцу. – Теперь свобода!

– А очень просто! Соберёмся мы, акционеры. Ах, так! Вы нашего главу за забор, нас под разор? Ладно же, мы военное производство закроем, мыловаренный завод откроем. На место слесарей, токарей, кузнецов по дешевке баб-мыловарок наймём. И обогатимся, кум. Расею вошь заела. Мыло на вес золота. Скажи своим. Предупреждаю от имени держателей акций. – Филонов попрощался и важно отъехал на извозчике.

Вначале на заводе всё шло хорошо. Рабочий комитет разослал в разные города своих людей, и те отовсюду привезли заказы на косы, серпы, плуги, бороны, гвозди, подковы – из Тамбова, из Рязани и Владимира, из Саратова и Алатыря. Только давай работай. Но денег никто из заказчиков заранее не дал. А без денег ни металла, ни угля владельцы складов не отпускали.

Пошёл рабочий комитет в городской банк просить кредит для завода. А там говорят: «Кредит на ваш завод отпущен Михельсону. Все дела завода только через него можно вести. Он хозяин».

Что делать? Идти на поклон к Михельсону? А тот и в ус не дует! Разъезжает по гостям да, посмеиваясь, рассказывает, как его рабочие на тачке прокатили.

Пошли рабочие в Совет. Свои рабочие депутаты им посочувствовали, но помочь не смогли. Оказывается, в Совете не все заодно. Попали туда и меньшевики, и эсеры, и ещё какие-то чужаки.

Представители завода пошли в Думу: там, говорят, городской голова не прежний важный барин Челноков, которого революция сместила, а социалист Руднев. Он называет себя другом народа.

Руднев принял заводских уважительно. Сам навстречу вышел. Руки жал. В кабинете на кресла усадил. Это не то что при старом режиме, теперь повадки иные в Думе. На шее городского головы теперь только золотая цепь – знак власти. Медаль с двуглавым орлом сдана в музей.

Городской голова выслушал делегатов внимательно, не прерывая, а затем сказал:

– Всё это очень неприятно. Ссора даже в семье нехороша, а в обществе тем более. Да и бессмысленна. Михельсон, получая выгодный заказ, не только для себя, и для вас старался. Миритесь, господа! Иначе он может совсем обидеться и переуступить завод другому хозяину. У нас ведь свобода предпринимательства. Желает – ведёт дело капиталист. Не желает – может закрыть, продать… А что, если ваш завод приобретёт банкир Рябушинский? Господин он прижимистый, крутой на расправу. Всех вас за строптивость уволит. Наберёт новых, посмирней, попокладистей. Как жить будете?

После посещения городского головы Руднева собрались комитетчики и решили послать делегатов в Петербург: самому Временному правительству жаловаться. Министр труда в правительстве – социалист, из рабочих. Министр юстиции Керенский – адвокат, все законы знает, найдёт выход…

Министр юстиции Керенский рабочих не принял.

Министр труда тоже разговаривать не пожелал, отправил к своему заместителю Гвоздеву. Рабочие-делегаты приободрились: слыхали, будто Гвоздев сам из пролетариев, недаром фамилия у него простецкая. А тот как напустился на них:

– Бездельники! Смутьяны! Самоуправщики!.. Да кто вам разрешил военные заказы срывать?! Да мы вас, да я вас… – И окопами грозил и тюрьмой… Словом, пошли вон, такие-сякие… – Правительство с Михельсоном дело имеет, а не с вами. Пока что он хозяин завода. Большевиков наслушались!

Пошли рабочие в ЦК большевиков. Принял михельсоновцев сам Ленин. Запросто, по-товарищески.

Рассказали Ленину рабочие всё, как было и как есть, по-свойски. Даже про то, как Михельсона в тачке на свалку вывезли.

Рассмеялся Ленин, а потом покачал головой:

– Наделали вы дел, товарищи… Прокатить хозяина на тачке – это, конечно, прелестно. Однако распоряжаться его заводом пока преждевременно. Выделывать вместо смертоносного оружия сельскохозяйственные орудия превосходно. Но пока у власти Временное правительство, это невозможно. Временное правительство за войну. Гвоздев может выполнить свою угрозу. И завод закроют, и вас в окопы… За его спиной военная сила. Пулемёты, пушки…

– Так, значит, вторая революция нужна? Только это не царя свергнуть. Против него все были. А за буржуев эко сколько партий. Трудно, Владимир Ильич, эх, как трудно буржуев с шеи стрясти!

– Трудно, но можно Трудящихся огромное большинство, а паразитирующих элементов ничтожное меньшинство. Но они хорошо организованы.

– Так что же делать-то?

– Организовываться, товарищи! Организовываться! – сказал Ленин. – Для борьбы за власть. Вот когда рабочие и крестьяне станут хозяевами не только на своём заводе или в своей деревне, а во всей стране, вот тогда и можно будет распорядиться как вам хочется. Прикончить войну, вернуться к мирному труду, установить справедливый порядок.

…О свидании рабочих с Лениным рассказал заводским подросткам Андрей Уралов, входивший в делегацию.

– Вот так-то, ребята. Мы думали на своем заводе рабочий порядок навести, а Владимир Ильич Ленин нас на всю Россию нацелил. Вошли мы к Ленину как жалобщики, властью обиженные, а вышли от него, порасправив плечи. Поняли, что сами можем властью стать!..

Мальчишки слушали затаив дыхание. Сердца их учащенно бились. Грудь распирало от нахлынувших чувств.

Как поняли ребята, взять власть дело не шуточное. Для этого надо крепко организоваться. До Андрейки это сразу дошло. Буржуйские-то сынки по примеру своих папаш уже организовались. Бывало, кадетик Котик и гимназистик Вячик по Замоскворечью сиротами крались, заискивали, в друзья напрашивались, а теперь, с тех пор как вступили в организацию бойскаутов, первыми драку затевают. Одного заденешь – перекликнутся, пересвистнутся, со всех сторон ему на помощь бегут. На всех буржуйская форма – зеленый костюмчик, гетры, на голове зелёная шляпа, на рукаве нашивка. Словом, бойскауты.

«Бой» – слово ясное: драться здорово умеют. А вот «скаут» – слово тайное, сами буржуйчики его знают, но другим не говорят. Как-то ребята допытывались у Вячика, что «скаут» значит.

– Это слово английское. Вам-то его зачем знать? – ответил Вячик.

– А затем, чтобы так же одеться.

– Ишь чего захотели? С суконным рылом в калашный ряд!..

– Дядя Уралыч, – сказал Андрейка как-то кузнецу, – как бы нам своих ребят организовать. Мы при вас будем… Во всем помогать станем.

– Какая от вас помощь? Свистуны! – усмехнулся Уралов.

– Не веришь? А хочешь, свистуны ни одному чужому оратору вякнуть не дадут. – И Арбуз как свистнет, заложив два пальца в рот. Уж что-что, свистеть замоскворецкие ребята умели.

Этим дело не кончилось. Андрейка подобрал себе самых отчаянных свистунов и с ними – по митингам. Как только какой-нибудь эсер, меньшевик, кадет, анархист начинал ругать большевиков, поносить Ленина, Арбуз давал сигнал, и мальчишки начинали такой свист, что оратор затыкал уши.

Вскоре о Замоскворечье пошла слава – сюда ораторам, враждебным большевикам, лучше не соваться.

Однажды Андрейка здорово оконфузился.

Выступал на митинге человек в пенсне, при галстуке, не призывал, а разъяснял: что такое капитализм, империализм; кому выгодна война; почему все буржуазные правительства подписывают тайные от народа договоры.

И вдруг какой-то матрос в распахнутом бушлате, в полосатой тельняшке крикнул:

– Хватит! За что боролись? За что кровь проливали?

«Если матрос против, значит, оратор чужой», – решил Андрейка и, заложив два пальца в рот, свистнул.

Но тут же его схватили за шиворот сильные рабочие руки.

– Ты что вздумал? Кто тебя подослал наших ораторов освистывать? За сколько куплен?

Худо бы пришлось Андрейке, да кто-то из замоскворецких узнал его.

– Да это же наш парень! Арбуз!

– Это сынок кузнечного цеха! – подтвердила подошедшая Люся. – Такой активист – и вот, извольте…

– Активист на свист!

– Ладно! Надрать ему уши и отпустить.

– Извинения придется просить перед товарищем. Это представитель Московского комитета большевиков.

ВЕСЕННИЕ РАДОСТИ

Весну в Замоскворечье приносили ласточки. Утро возвещали петухи. А теперь к петухам присоединились мальчишки – продавцы газет.

– «Утро России»! «Русское слово»! «Московские известия»! «Правда»! – будили людей звонкие мальчишечьи голоса.

Мчались мальчишки, словно крыльями, размахивая газетами. И все просыпались, спешили на улицы. Теперь все люди новостями жили. Что там в газетах о войне и мире? Куда движется революция?

– Большевики – пособники Вильгельма! Разлагают армию! Предают свободу! – кричала Стенька Разин.

– Ты чего такое орёшь? – остановил Андрейка Стешу.

– Ой, Арбуз! Так в газете написано. Вот читай «Русское слово».

– Это слово врать здорово!

А мимо уже Зиновей-чумазей бежит и еще громче кричит:

– Агент Вильгельма, провезённый в запломбированном вагоне в Петроград, занял дворец Кшесинской!

– Это ещё про кого? – спросил Андрейка.

– Про Ленина. Газета «Копейка».

– А ты так кричи: «Вот газета „Копейка“, врёт, как индейка! Гадит на лету! Печатает клевету!» – научил Андрейка товарища.

– Да так и в «Биржевых ведомостях» написано! Вот смотри «Биржевку», – показывает Дарвалдай.

– Газета «Биржевка» – буржуйская плутовка. Сама Россию продаёт, а на Ленина врёт! – опять на ходу сочиняет присказку Андрей.

– А в какой же правда, Арбуз?

– В «Правде» и правда!

– Арбуз, а в этой вот есть правда?

– Конечно, чудак! «Социал-демократ» – рабочим друг и брат. Её московские большевики издают.

– А откуда ты знаешь, Арбуз?

– А я теперь всё знаю! Я в Союз рабочей молодёжи вступил.

– Ух ты! Как же в этот союз попасть? Я бы тоже хотела, – попросилась Стеша.

– Не доросла. В союз с четырнадцати лет берут.

– А ты как попал? Тебе до четырнадцати не хватает.

– Арбузом подкатился! – усмехнулся Андрейка.

И рассказал Стеше:

– По заводу объявили об организации Союза молодёжи. Началась запись. Заводские ребята как в очередь за хлебом стали, не пробьёшься. Ну я маленький, вёрткий, под ноги, под ноги и пошёл, покатился и вынырнул из-под стола прямо перед Баклановым, который список составлял. «Пиши меня первого!» – сказал ему.

«Это почему тебе такая честь?» – спрашивает.

«Потому что для моего воспитания наш Союз организуется. Люся сказала, мой революционный энтузиазм надо помножить на политическую сознательность!»

«У нас много таких, в которых надо политическую сознательность поднять».

«Я и по алфавиту подхожу в первые – зовусь Арбуз!» Ну Бакланову крыть нечем. Занёс меня в список и про годы забыл спросить.

– Ловкач! – позавидовала Стеша.

Ловкий Андрейка опустил, конечно, некоторые подробности происшествия на митинге, когда он чуть со стыда не сгорел из-за политической необразованности, освистав представителя большевиков.

– Значит, ты теперь не сам по себе, – уважительно сказала Стеша.

Арбуз не только в глазах Стеши вырос, но и в своих собственных тоже. Шутка ли! Ему поручили выступить от Союза на митинге молодежи на Воробьевых горах, где он должен был прочесть наизусть рассказ Чехова про письмо Ваньки на деревню дедушке.

Бабушка готовила его к этому, как к святому празднику. Пиджачишко залатала и вычистила, штаны выгладила. А ботинки он сам высветил ваксой.

И вот настал весенний праздник – 1 Мая. Первый раз по новому стилю, на тринадцать дней раньше старого календаря. Листва ещё не распустилась, и деревья были прозрачными, как кружево. Сквозь их узоры вся Москва внизу была видна.

На дощатой трибуне молодой парень, встряхивая золотистым чубом, читал:

– «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, чёрной молнии подобный…»

Когда на месте этого великолепного чтеца появился маленький невзрачный мальчишка, всем подумалось, что выскочил он на трибуну просто из озорства. И как же все удивились, когда его представили:

– Андрей Павлов прочтёт рассказ Чехова.

Удивить – победить! С мальчишеской отчаянностью Андрейка начал шпарить Чехова наизусть с закрытыми глазами. Так было спокойнее, как будто един в лесу кричишь. Иногда он делал паузу, прислушиваясь, как токующий тетерев, и, уловив подбадривание, продолжал читать дальше.

Наконец он окончил чтение, но продолжал стоять на трибуне, не открывая глаз.

Раздался весёлый, дружный смех и крики:

– Браво!

– Арбуз, ура-а!

Андрей открыл глаза и уткнулся в зелёную стенку: плотный строй скаутов в парадной форме… «Зачем они тут? Откуда взялись?»

– Слушай, Люся, – шепнул он своей наставнице. – Гляди, скауты стоят. Чего они глазеют? Зачем на наш праздник пришли эти буржуйчики?

– Пусть послушают нас, – улыбнулась Люся. – Люди они молодые, должны быть восприимчивы к добру… Я скажу кое-что для них.

И вот Люся одна на трибуне. Тоненькая, в белой кофточке с высоким воротничком, в синем скромном костюме, с гладко причёсанной тёмной головкой. Она словно синекрылая, белогрудая ласточка, которые всегда реют над золотыми куполами московских церквей.

Доброжелательно, с улыбкой оглядела Люся собравшихся.

– Весна пришла! С весной вас, юные товарищи! У нас всё впереди. И жаркое лето, и плодотворная осень. Но пусть не будет у нас злой седой зимы. Революционеры живут и умирают молодыми! И в этом счастье!

На том месте, где два русских юноши – Герцен и Огарёв – поклялись отдать свои жизни за свободу народа и стали первыми русскими революционерами, мы клянемся продолжить и завершить их благородное дело.

Свобода завоевана! Как хорошо дышится её вольным воздухом. Ни стражники, ни жандармы, ни казаки не грозят нам. Мы собрались открыто, свободно, на виду всей Москвы. Мы освободились от гнетущего ига царизма! Но борьба за свободу трудового народа от гнета капитала ещё впереди!

Полная свобода для нас наступит тогда, когда мы откроем молодым рабочим двери университетов, институтов, библиотек. Пусть черпают из всех кладезей знаний. Мы раскрепостим все способности и таланты рабочего класса. Мы уничтожим эксплуататоров. И мир удивится чуду, которое произойдёт с Россией… Вы увидите это. Вы юные. Мы зовём вас в наши ряды! Приходите, помогайте, не опаздывайте. Весна не ждёт. И помните. Кто не с нами, тот против нас!

Люся призвала всех присутствующих юношей и девушек дать клятву верности делу рабочего класса и, трижды повторив вместе со всеми: «Клянёмся! Клянёмся! Клянёмся!» – спрыгнула с трибуны.

Алёша Столяров, сопровождающий Люсю всегда и всюду, ловко подхватил её.

– Арбузик ты мой дорогой! Хочешь запомнить этот день навсегда? Чтобы потом своим детям говорить: «Это было в тот день, когда я увидел Ленина» Вот он. Смотри! – Люся выхватила из кармана Алёшиного френча фотографию и протянула её Андрейке.

Тот взглянул и вздрогнул – Ленин был удивительно похож на его отца. Скуластый, широкоплечий, с небольшой бородкой. Крепкий человек! Только глаза у Ленина не отцовы. И в углах губ таилась улыбка, как от хорошего предчувствия.

Алёша взял из рук Андрейки фотографию, спрятал в карман френча, укоризненно взглянул на Люсю и сказал:

– Нас же просили…

– Андрей свой! – ответила Люся. – Нас просили не размножать… Ну а показать своему можно.

КЛЕЙ, КЛЕЙ, НА ГОЛОВУ ЛЕЙ!

Вскоре Андрейке оказали большое доверие – поручили расклеивать предвыборные плакаты.

Плакаты эти были драгоценны. Нелегко было на них бумагу раздобыть. Нелегко было, чтобы их печатать, типографию найти. Хорошо, что сочувствующие большевикам типографщики бесплатно в ночное время их оттиснули. Невелики плакаты, и бумага серая, но всё же не от руки каракулями писаны, а чёткими буквами все фамилии кандидатов набраны.

Андрейка, захватив пачку плакатов, ведёрко с клейстером и кисть, идёт по улицам, выбирая места повидней, чтобы большевистский список кандидатов № 5 не затерялся среди театральных и цирковых афиш и разных объявлений.

Вышел Андрейка к Крымскому мосту, а навстречу ему Стеша, тоже с ведёрком, кистью и рулоном плакатов.

Окунает Стеша кисть в ведёрко, размашисто крестит забор и ловко накатывает плакат. С большого нарядного плаката на Андрея пронзительно смотрит упитанный, краснощекий господин, самодовольно улыбаясь. А под ним подпись: «Голосуйте за список № 1. Мы обеспечим всем работу и достаток».

– Это плакат кадетский! Что ты делаешь, Стенька Разин?

– Деньги зарабатываю. Нанялась – продалась.

– Богачам продалась?! Не дам марать Замоскворечье буржуйскими мордами! – закричал Андрейка и давай сдирать плакат.

– Не смей! – оттолкнула его Стеша. – Не я одна, все наши ребята: Дарвалдай, Стасик, Чумазей – подрядились в Замоскворечье эти плакаты клеить!

– Все вы изменники! Бить вас надо! – взвился Андрейка.

Откуда ни возьмись – Гриша Чайник.

– Что за шум? Почему драка?

– Арбуз не дает предвыборные плакаты клеить. Один уже сорвал, – пожаловалась Стеша.

Длинные руки Гриши крепко сцапали Андрейку.

– Свободу выборов никому нарушать не позволено. Ты, девочка, клей свои плакаты, где хочешь. А ты клей свои. И впредь друг дружке не мешайте!

Не по душе было такое решение Андрейке, и он обрушил гнев свой на Гришу.

Чайник, Чайник!

Буржуйский печальник.

Богатеев бережёт,

Их богатства стережёт:

Дома, сады, лавочки,

Как жук на булавочке! –

задразнился Андрейка.

Гриша уже слыхал эту дразнилку, сочинённую ребятами.

– Я жалованье получаю от правительства как народный милиционер. Ни лазить по садам, ни забираться в дома, ни грабить лавки никому не позволю. И рвать плакаты тоже. Ни кадетские, ни эсеровские, ни меньшевистские, ни большевистские. Агитируйте-ка каждый за своих. Свободно. Но без охальства!

– А разве это не охальство печатать целую картину, когда у рабочих ни денег на печать, ни хорошей бумаги?! Да наши большевистские плакаты за буржуйскими картинами никто не заметит!

– Да-а, ваши серенькие. Как галочки перед этими павлинами, – сочувственно сказала Стеша.

– Ишь ты! На меловой бумаге, в три краски, – залюбовался Гриша плакатом, наклеенным на забор Стешей. – Вальяжный господин. Сразу видно, из сытого класса. Неужели вам, ребята, не противно такими буржуйскими мордами наши рабочие замоскворецкие улицы украшать? – спросил он, помолчав.

– Противно…

– Мы бы этих буржуев мордами об забор. Да ведь подрядились.

– Деньги взяли.

– А вы не договаривались, как их клеить? – спросил Гриша. – Так или эдак?

– Ой, ребята, а ведь можно и так! – Стеша решительно мазнула нахального буржуя клеем по губам, по бровям, по морде и к забору его пригладила.

– Так нехорошо, – сказал Гриша. – Кто же белыми простынями улицы украшает? Получается насмешка над выборами. Пустоту надо заполнить. – Он взял большевистский листок и притиснул поверх белой простыни. Серый листок заиграл на белом фоне сизым голубем на снежном облаке.

– Значит, так можно, Гриша? – спросила Стеша.

– Валяйте! – кивнул Чайник.

Ребята принялись клеить всей артелью. Одни крестили кистями с клеем толстощёких плакатных буржуев, другие пришлёпывали их к заборам и тумбам.

Андрейка едва поспевал наклеивать поверх кадетских плакатов свой заветный список № 5. Работа шла весело, дружно.

Когда дело подходило к концу, в Замоскворечье явился артельщик, нанявший ребят, проверить, хорошо ли они работали. Он получил с кадетской партии немалый куш за расклейку их роскошных плакатов. Ребята вовремя заметили его искажённое яростью лицо и нырнули в подворотни и проходные дворы.

Один Андрейка остался на месте, приглаживая ласковой рукой очередной серенький плакатик на гладкую белую кадетскую бумагу.

Артельщик наскочил на него, как ястреб на зазевавшегося воробья, цапнул за шиворот, выхватил ведёрко с клеем. И, не вымолвив худого слова, нахлобучил ведёрко на голову Андрейки.

Кому не приходилось принимать клеевой душ, тот и вообразить не сможет, каково было Андрейке.

Но и скаутам в эти дни досталось. Они явились в Замоскворечье сдирать список № 5, затмивший красочные плакаты кадетов, но союзные ребята были настороже. Нескольких изловили, в том числе и Вячика. Привели в участок и спросили, что же с этими хулиганами делать?

– Мальчишки! Что с них возьмёшь, – сказал Гриша Чайник. – Снять штаны и отпустить.

Ребята приняли его шутку всерьёз. Вячик и его приятель чесали по Замоскворечью без штанов. И если Вячик после этого дня, встречая Андрейку, насмешливо напевал:

Привет Арбузу, клееному пузу!

Клей, клей, на голову лей!

Андрейке было чем ответить:

Вячик-мячик без штанов по улицам скачет!

Что касается выборов в Думу, то в Замоскворечье за кадетов мало кто голосовал. В Замоскворечье победил большевистский список № 5.

НАШИХ БЬЮТ!

Проснувшись, Андрей потянул носом воздух: из кухни призывно доносился запах отварной картошки.

– Бабушка, это молодая так вкусно пахнет? – крикнул он.

– Молодая, молодая! Отец хорошо в деревню съездил. На зажигалки целый мешок наменял! Спит теперь, отсыпается. Наругался на весь свет, что ему, кузнецу, торгашом пришлось походить.

Вся светясь от радости, что может наконец сытно накормить внука, бабушка отвалила Андрейке целую миску картошки, крупной, искрящейся в разломах сахаром. Голодный Андрейка ел её, давясь и обжигаясь, и не успел почувствовать всю её сладость, как с улицы донеслось:

– На Пятницкой дерутся!

Андрейка скатился с лестницы, словно ему пинка дали.

– Айда на Пятницкую! Может, там наших бьют! – крикнули ему мальчишки.

На Пятницкой хорошо одетые люди тростями и зонтами охаживали солдата.

– Дезертир! Смутьян! Немцам Россию продал! – кричали они при этом.

Вначале никто из прохожих за солдата не заступался. Но когда один из господ, взмахнув тростью, крикнул:

– Бей его, большевика! – из глазеющей толпы вышли рабочие и вступились за солдата.

Тут и мальчишки подоспели и… узнали в солдате Сашу Киреева.

– За что тебя так?

– Что случилось, Саша?

– И сам не пойму, – ответил Киреев. – А ну-ка послушаем, что газетчики кричат.

Через мост мчались продавцы газет, разглашая:

– Неудавшийся большевистский переворот в Петрограде!

– Беспорядки подавлены! Ленин бежал!

– Ленин – германский шпион!

– Ленин уплыл к Вильгельму на подводной лодке!

– Слышали? Очередная клевета буржуев про Ленина! – сказал Саша.

Купцы, чиновники, лавочники, офицеры, юнкера, гимназисты, нарядные дамы и барышни высыпали на улицы, словно в праздник, заполнили тротуары. Они придирались к рабочим, солдатам, не желавшим уступать им дорогу. В центре города, на Тверской, на Петровке, плохо одетый не показывайся. Забьют тростями, зонтиками как большевика или сочувствующего.

Союзные ребята, одевшись почище, пошли в центр спасать своих из лап расходившихся буржуев. И Андрейка пошёл, но какое там! Гимназисты устроили целую облаву на рабочих подростков. И те, изрядно потрепанные, вернулись в своё родное Замоскворечье.

К ночи поуспокоилась буржуазная Москва. Купцы, чиновники, торговцы, фабриканты, их чада и домочадцы в офицерских, кадетских, гимназических шинелях разошлись по домам, утолив свою ненависть кулаками и тросточками. А рабочая Москва забурлила, не хотела смириться перед буржуйской.

«Послать приветствие товарищу Ленину!»

«Не выдавать вождя революции на офицерскую расправу!»

«Выйти на демонстрацию в защиту большевиков!» – требовали на митингах рабочие.

Тех, кто призывал к осторожности, предлагая повременить, стаскивали с трибун. Во всех цехах завода Михельсона вынесли решение идти на демонстрацию.

К михельсоновцам пришли делегаты от 55-го полка. Солдаты решили поддержать рабочих и выйти всем полком на демонстрацию с оружием.

Со всех заводов и фабрик в Московский комитет большевиков поступали боевые резолюции. И решение о проведении демонстрации было принято.

…Демонстрация рабочих и солдат в защиту большевиков была такой грозной и многочисленной, что московские власти не посмели ей препятствовать. Большевистские лозунги были пронесены по Москве под вой «чистой публики».

– А всёе-таки мы сильнее буржуев! – ликовал Андрейка, помогая свёртывать вернувшимся на завод демонстрантам плакаты: «Долой войну!», «За мир и хлеб!», «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!». Пригодятся! – говорил он по-хозяйски.

– Пригодятся, – согласился Уралов. – Мы своих лозунгов не меняем.

Тихо было и на заводе. Ни митингов, ни собраний. Затишье было томительное, как перед грозой…

– А где же всё-таки Ленин, дядя Андрей? – спросил однажды Андрейка Уралова.

– Где был, там его нет. Где ищут – не найдут.

– Это хорошо. А что же мы будем делать без Ленина?

– Вооружаться! Мирное развитие революции кончилось. Буржуи объявили нам войну. Оружием будем решать, кто кого.

– Правильно, дядя Андрей!

– Это не я так говорю. Это Ленин.

– Ленин? Как же так? Для буржуев его нет, а с рабочими он разговаривает?

– А вот так! – хитро подмигнул Уралов.

«Наверное, в Москве где-нибудь скрывается, – подумал Андрейка. Живёт себе среди рабочих. Сам похож на рабочего – поди узнай его. Правильно, что Люся с Алёшей никому портрет Ленина не показывали. Ленин похож на моего папаню. А таких слесарей, токарей, кузнецов в Москве много. Среди них никаким сыщикам Ленина не отыскать!»

Что Ленин скрывается в Москве, так думал не один Андрейка. Сиделец Васька Сизов был в этом уверен.

– Эх, кабы не мои ноженьки-безноженьки, я бы Ленина враз отыскал и назначенный за него куш вот ей-богу бы взял! – говорил он, отпуская семечки для торговли в розницу солдатам, инвалидам, старикам и старушкам. – Мои были бы сто тысяч! Опять же насчёт личности заминка. Всех деятелей в лицо знаю – Гучкова, Милюкова, Родзянко, Рузского, Корнилова, Брусилова, а портретов Ленина ни в одной газете не видал, – сокрушался Васька.

АРБУЗ ПОДКАТИЛСЯ, ДА НЕ ПРИГОДИЛСЯ…

На заводе Михельсона объявили запись в Красную гвардию. Она создавалась для защиты завоеваний революции.

Союз молодёжи вступил в рабочую гвардию целиком. Андрейка, конечно, такое событие не прозевал. Раньше всех явился на первое построение отряда во дворе завода и занял самое видное место. Стоит красуется первым, а от него тянется шеренга красногвардейцев, если считать слева направо. Заводские подростки, не принятые в союз по малолетству, смотрят на Андрейку с завистью. Старые рабочие пошучивают: «Мал золотник, да дорог».

Инструкторы по обучению военному делу все свои – знакомые. Главный инструктор Кржеминский суров, подтянут, недаром ему дали прозвище «пан». А для Андрейки он Стасиков дядя, почти родня. Не раз в столовке «пан» его вместе со своим племянником чаем с булками угощал и даже пирожками: «Кушайте, дети, подкрепляйтесь!»

И вот этот свой человек все дело испортил. Увидев Андрейку, нахмурился, спросил:

– Почему дети в строю?

– Это не дети, – ответил Уралов. – Это из Союза юных пролетариев «Третий Интернационал».

– Сколько тебе лет? Четырнадцать? А в Красную гвардию принимают с шестнадцати… Сожалею. Но, увы, милый мальчик, выйди из строя. Подрастёшь, примем!

Подчинившись команде, Андрейка очутился в рядах глазеющих на строй мальчишек.

– Арбуз-карапуз! Арбуз-карапуз! Ловко подкатился, да не пригодился! – задразнили завистники.

Стыдно Андрейке было людям в глаза смотреть. Единственно, с кем поделился он своей обидой, это с Филькой. У того тоже горе: уволили с должности грума барышни Сакс-Воротынские. Коней своих из Москвы в деревню отправили на подножный корм, ну а Фильку вон. И теперь он приставлен к тетке. И отец приказал всячески старушку ублажать. Может, при жизни еще наградит. И Филька ублажает: ловит для неё голавлей в Москве-реке. Она их любит, жареных. Крупные голавли попадаются тому, кто на донную закидывает. А у него свинцовых грузил не было. Хорошо, Андрейка подсказал, где взять.

На железнодорожных путях сортировочной станции много свинцовых пломб валяется, которыми вагоны запечатывают. Но оказалось, все пломбы другими рыболовами подобраны. И тогда Андрейка с Филькой решили сорвать пломбы, висящие на дверях вагонов. Андрейка подставлял плечи, Филька залезал на них,

больно царапая рваными подошвами, и ловко срезал пломбу. Увлечённые этим занятием, ребята прозевали подходящую охрану.

– Стой, мошенники! Лови! Держи! – закричала охрана.

Филька сорвался с плеч и исчез с ловкостью шкодливого кота, а Андрейку сгреб сердитый бородатый солдат.

– Кто тебя подослал секретные грузы проверять? Вот сейчас доставим к начальству, он вызнает, кто к нам подбирается! – говорил солдат, крепко держа Андрейку за шиворот.

Второй солдат оттянул дверь, чтобы посмотреть, цело ли имущество, и довольно крякнул, когда убедился, что имущество цело: в вагоне лежали винтовки. Успокоился солдат, державший Андрейку. Андрейка вырвался и был таков. Со всего разбегу сиганул в груды каменного угля, наваленного по откосу. И съехал вниз, подняв чёрное облако, чем очень насмешил солдат.

– Это рыбачки! – сказал один солдат другому. – Пломбочки для грузильцев промышляют… Детство! – И для успокоения стал закручивать самокрутку.

Груз они охраняли весьма важный – оружие варшавского жандармского корпуса, эвакуированное из Польши. Покурив, охрана приделала на место пломбы, долго слюнявя и свивая порезанные верёвочки, чтобы начальство не придралось.

Фильке Андрейка ничего не сказал о своем открытии. Поделился Андрейка своей тайной только с Ураловым. Правда, вначале спросил: «Если я со своей винтовкой… примут меня в красногвардейцы?»

– Со своей винтовкой и малец – удалец, – сказал Уралов, очень огорчившийся, что отряду красногвардейцев приходится за нехваткой настоящих заниматься с деревянными ружьями.

Андрейка принялся убеждать Уралова, что взять оружие легче лёгкого. Охрана – старые солдаты, лопухи бородатые… Напасть, связать и…

– Так, так, так! – покручивая усы, поддакивал ему Уралов. – В вагонах полно оружия, охраняется плохо… Значит, можно его украсть?

– Чур, вместе! Одну винтовку мне, остальные вам. Идёт?

– А знаешь ли ты, – вдруг строго спросил Уралов, – что за кражу оружия в военное время полагается расстрел? Ты подо что же это нас подводишь? Ты эти мысли выкинь из головы! Я не слышал, ты не говорил. Понял? – И повернулся к Андрейке спиной.

Андрейка был обескуражен.

В особенности он подосадовал и огорчился, когда по Замоскворечью прошёл слух, что на Сортировочной кто-то похитил из вагонов много оружия.

Вот так штука! Он только облизнулся на винтовочки, а кто-то их заполучил. Может быть, гимназисты? Кадеты? Скауты? Эта контра, которая против рабочих?.. Вот если бы михельсоновцы добыли оружие, а не кадеты, обязательно выделили бы ему одну за его открытие. Но… что с возу упало, то пропало.

КЛЮЧ ОТ РАЯ

Мечта Андрейки стать полноправным бойцом заводского отряда Красной гвардии, явившись со своей винтовкой, погасла. На базаре винтовку не купишь. Кое-что можно приобрести на толкучках у Сухаревой башни, на Сенной площади, на Болоте. Бегущие с фронта солдаты, отпускные и самовольные, меняли из-под полы разную военную амуницию на соль, на сахар, на зажигалки. Можно было добыть офицерские сапоги, солдатскую шинель, тесак, саперную лопатку, но оружие трудно.

А после 6 июля вооружиться всем заводским ребятам очень хотелось. Раз мирная революция кончилась и буржуи перешли в наступление на рабочий класс, зевать нельзя, а то голыми руками возьмут. Многие ребята из Союза молодёжи оружие сами делали, в особенности молодые слесари. Они не только гранаты, даже револьверы мастерили. Не отставали от них и заводские подростки. Среди замоскворецких мальчишек были даже такие, что порох изобретали.

Изобрести порох – дело нехитрое, Андрейка пробовал. Для этого стоило добыть бертолетовой соли в аптеке, достать серы, натолочь угля, всё это смешать, и, если поджечь, здорово ухнет. Начинённый таким порохом пистолет палил громко, хотя и очень дымно.

Самодельных пистолетов появилось у замоскворецких мальчишек множество. Делали их из чего только могли. Из водопроводных труб, из велосипедных трубок, даже трубочки от никелированных кроватей и те годились. Частенько самодельные пистолеты взрывались при пробе, и пострадавших от них мальчишек немало лежало в больницах и госпиталях. Но никакие потери не могли остановить стремление ребят к вооружению.

Андрейке удалось выменять себе пистолет на отцовскую зажигалку. Пистолет он приобрел такой, что ему сам бы Евгений Онегин позавидовал, собираясь на дуэль с Ленским. Андрейка не раз видел эту дуэль на сцене рабочего театра и каждый раз надеялся, что Онегин промахнется. Жалел очень Ленского. Ни у кого из замоскворецких мальчишек такого пистолета, как у Андрейки, не было!

Сделан был этот пистолет из старинного амбарного ключа. Ствол шестигранный, рукоятка узорная, кованая, бородка заменяла прицел. Пистолет был заряжен свинцовой пулей, изготовленной на медведя, и забит порохом до половины. Его хозяин, угрюмый мастеровой, сказал: «Не пистолет, а ключ от рая! В кого прицелишься, тот, считай, у ангелов в раю. Вместе с дымом вознесётся».

Опытные ребята предлагали Андрею покупку всё же прежде испробовать, стрельнуть разок в тюки ваты. Тюки были свалены на складах текстильной фабрики, за большим забором, на берегу Москвы-реки. Там мальчишки и организовали нечто вроде тира, выяснили, что пули вату не пробивают, а в ней закручиваются. Одной и той же пулей можно было стрельнуть несколько раз, выковырив её из ваты.

На предложение Андрейки попробовать «ключ от рая» мастеровой возразил: «И пробовать нечего! Если им сто лет пудовые замки отпирали и он не испортился, неужто же от первого выстрела треснет?»

Это убедило Андрейку в надёжности пистолета, и он отдал изобретателю драгоценную отцовскую зажигалку, которую бабушка берегла для обмена на деревенские продукты: картошку и сало.

Чтобы иметь пистолет всегда при себе, Андрейке пришлось проделать дыру в кармане штанов для его дула и подвязывать его к ремню на крепком шнурке. А вот где его прятать? Дома у Андрейки был тайник – в бабушкиной каморке за иконой Георгия Победоносца. Эта икона словно для того была и сделана в виде ларца. Георгий Победоносец в красной рубахе, на белом коне, поражавший копьем дракона, был изображен на крышке, которая открывалась, как дверца. Можно было поиграть со святым, двигая её туда-сюда. Воинственный Георгий, хитро поглядывая, будто оживал, катался на своем белом коне. Вот за его спину, в ларец, стоявший на божнице, и складывал Арбуз свои трофеи – патроны, выменянные и выигранные у ребят.

Когда-то, до революции, мальчишки, начиная с уличных и кончая кадетами и гимназистами, играли в пёрышки на пуговицы, на марки, потом на обесцененные деньги. Теперь же пошла мода играть на патроны. Собирались на свои тайные сборища ребята за высоким дощатым забором, огородившим склады текстильной фабрики на берегу Москвы-реки. Здесь, за грудами прессованной ваты, можно было выиграть не только патроны от винтовок русских, немецких, французских, итальянских и японских, но и испробовать их. Были ловкачи, которые ухитрялись стукнуть по пистону какой-нибудь железкой так, что патрон стрелял, никого не задевая. Взорванная гильза летела в одну сторону, пуля в другую.

Арбуз приобретённые им патроны зря не портил, а приберегал. За спиной Георгия Победоносца скопилось их немало. Тайник за иконой был заполнен. Где же прятать «ключ от рая»? На заводе, конечно! Все ребята из Союза молодёжи хранят свое оружие где-то среди станков, тисков, ящиков с инструментами. Андрейка решил хранить свой пистолет в самом ненаходимом месте: в дощатой стене цеховой столовой. Он не раз помогал уборщице подметать столовую в награду за кусок хлеба и заметил в углу крысиную нору. Прогрызли, проклятые, чтобы по ночам подбирать крошки. И сколько в нее ни сыпали битого стекла, крысы все же пролезали. Если засунуть туда «ключ от рая», сам чёрт не найдёт!

Выбрав час, когда в столовой никого не было, Андрейка стал засовывать в нору пистолет, завернутый в тряпицу, пропитанную смазочным маслом. Но что-то мешало ему. Он сунул в нору руку и ощутил нечто плоское, тяжелое, деревянное, с железным окаймлением. Пощупал, пощупал и обнаружил такое, что рука дернулась, словно обжегся. Винтовочный приклад. Вот так штука! Андрей решил затаиться и проследить. Очень его заинтересовало: кто же хозяин оружия?.. Чтобы взять чужое, у него и в мыслях не было.

Допоздна Андрейка толкался по заводским цехам, пользуясь тем, что работала вечерняя смена. А когда эта смена, поужинав, разошлась, Андрейка нырнул к столовой. И вот диво! Окна столовки занавешены, сквозь занавески пробивается таинственный свет. Бесшумной мышкой Арбуз – в столовую. И что же увидел?!

В полутьме за столами сидели люди, будто за ужин сели. А на столах не миски, не ложки, не вилки, а винтовочки, разобранные на части. Собравшиеся чистят, смазывают, протирают их части.

«Так вот они где, миленькие, из вагона!» – Андрейка едва не заплакал от обиды. От обиды, что свои обманули его как маленького! Не взяли с собой на захват оружия! Такое интересное боевое дело и скрыли, как от чужого! А сейчас сидят, бессовестные, и чистят найденное им, Арбузом, оружие. Ну погодите!..

Андрейка, усмехнувшись, пристроился прямо под руку Саши Киреева, которого высмотрел за крайним столом. А тот даже не удивился, потеснившись, подсунул ему затвор винтовки и тряпочку. И они вместе принялись за работу: разбирали и густо смазывали все части винтовки и снова собирали.

Андрейка не понимал, зачем это нужно. Оружие к бою, наоборот, очищают и вытирают насухо. Но спросить не посмел. Делал вид, что он здесь не случайно. В курсе…

Светлело. Погасли скупые лампочки. Лучи рассвета пробились сквозь окна, занавешенные чем попало. И тут в утреннем полусвете к Киреева подошёл Саша и с удивлением уставился на брата.

– Это ты его привёл, Киреич?

– Я думал, ты, Саша, – отшепнулся Киреев.

– Откуда ты взялся, Арбуз?

– Из стенки… Между досочек сидел, на вас в щёлочки глядел, – ответил Андрейка.

Прочистив и смазав оружие, красногвардейцы поставили его на место к деревянной перегородке и, плотно зашив досками, тихо разошлись по одному.

Андрейка выскочил раньше всех, довольный своей ловкостью. Он шёл домой, придумывая месть своим друзьям за недоверие.

«Ключ от рая» он спрятал дома, в чулане, под половицей.

МЕСТЬ АРБУЗА

Пропажей оружия, принадлежавшего варшавскому жандармскому корпусу, был очень обозлён полковник Рябцев, командующий Московским военным округом, ставленник Временного правительства. Он подозревал, что винтовки могли похитить красногвардейцы завода Михельсона – самые отчаянные большевики из большевистского Замоскворечья.

Но как проверить это? Неожиданно нагрянуть с обыском и ротой солдат? А если винтовки не обнаружатся? Завод велик; возможно, оружие спрятано где-то в другом месте. Даже за городом. У завода есть свои грузовики. Не найти винтовок – вернуться опозоренным. Нет, надо действовать только наверняка, четко, без суеты и шумихи.

Покусывая губы, полковник Рябцев расхаживал по кабинету, как всегда, не замечая Лукаши. И разговаривал сам с собой вслух. Ирландский сеттер в одном углу, Лукаша в другом смотрели на него преданными глазами.

Сеттер давно был уверен в любви своего хозяина, который ласково трепал его уши, каждый раз обещая взять на охоту, и не очень выслуживался. Лукаша, видя равнодушие к нему полковника, не знал, как выслужиться. Уж очень строг и неулыбчив. Его «сапогами всмятку» не возьмёшь. Шуток не любит! Как найти к нему подход? У каждого барина своя слабость. «Барская слабинка – лакейская судьбинка», – говаривал отец.

Выбрав удобный момент, Лукаша решился.

– У меня есть родственнички на заводе Михельсона, – произнёс он с многообещающей улыбочкой.

Полковник уставился на него с таким удивлением, будто заговорила собака.

– Ну? – строго спросил он, покачиваясь с носков на пятки, с пяток на носки.

– Можно попытаться, – пролепетал Лукаша, зарумянившись красной девицей.

– За верные сведения – благодарность. За ложные… – в глазах полковника блеснула злость.

– Как можно! – тихо вымолвил Лукаша. – Мой папаша за меня отвечает… Мы всегда верно служили.

– Знаю. Не предал Мрозовского. Похвально. Идите действуйте вместе с родителем. Его опыт подкрепит вашу молодость.

Прибежал Лукаша к отцу и радостно сообщил ему о поручении Рябцева, но вместо похвалы схлопотал пощёчину.

– Дурак! – сказал Филонов. – Запомни: лакей от поручений не отказывается, на поручения не напрашивается! А ты напросился. Да ещё на такое!

Однако отказываться поздно. Взяв вина и закуски из своего буфета, старый лакей нехотя отправился с сыном выведывать рабочую тайну. Филонов тоже был уверен, что оружие у михельсоновцев. Но где? Кузнец Павлов, возможно, и знает… Но скажет ли?

Старый лис решил играть ва-банк. Выложив закуску и поставив вино на стол Павловых, спросил, глядя в глаза кузнецу:

– Вы что же это сотворили опять на свою голову, михельсоновцы? То хозяина на тачке вывезли. И вам это дорого обошлось. А теперь оружие из вагонов выгребли. Ещё дороже вам обойдётся!

– Ты не пугай, не пугай! Угощай давай, раз уж принёс.

Лакей сноровисто открыл вино, разлил, чокнулся, пригубил и, облизнувшись, тихо проговорил:

– У вас хотя бы ума-то хватило не возить его на завод, а спрятать где подальше?

– А ты думаешь, лис хитрый, рабочий сер, у него и ум волк съел? – усмехнулся кузнец.

– Ой, перехитрите вы сами себя! За кражу оружия в военное время вас всем заводом в окопы… А зачинщиков под расстрел! – Филонов щёлкнул ногтем по бутылке.

– Да уж не помилуют! – крякнул кузнец, допивая рюмку с отвращением: он не любил сладкое красное вино.

– Так вот, кум, с этим оружием надо поступить как по поговорке: «Шут, шут, пошути, да отдай». Зачем оно вам, рабочим? Вы что, одним заводом возмечтали власть, что ли, завоевать? Ни у кого оружия нет, а у вас есть… Для чего? Для похвальбы, что ли?

– Ну уж это нам лучше знать.

Отец с сыном переглянулись.

– С огнём играете, кум! Жёсткие меры будут приняты. Полковник Рябцев, командующий Московским военным округом, поклялся оружие найти и с виновными не поцеремонится. Вот Лукаша не даст соврать.

Лукаша кивнул.

– Господин Рябцев шуток не любят. Весьма неулыбчивый человек. Официальный. Сказано найти – найдёт. Расстрелять – расстреляет.

– Какие страсти. Керенский грозится стрелять, Корнилов пострелять… Рябцев какой-то и тот – расстрелять.

– Он не какой-то. Вы ещё о нём услышите, – сказал Филонов.

– Конечно, недаром к нему Лукашку пристроил. Мечтаешь, высоко полковник взлетит. Да не знаешь ты, где он сядет.

Павлов уже сам и наливал и выпивал, забавляясь беседой.

– Заело, значит, господ с этим оружием. Если холопы зашевелились, значит, барам не спится. А нам плевать!

– Так что же всё-таки не побоялись, на завод оружие завезли?

Кузнец Павлов, прищурившись, почмокал губами, допивая последнюю рюмку.

– А противное у тебя, кум, вино. И чем ты в буфете господ офицеров поишь… Вот с такого вина они и ходят дурные какие-то… Оружие у них из вагонов воруют. А штаны ещё на улице не снимают?

– Кум, без шуток.

– А я в этих шутках не участник! Ни шута не знаю, и шабаш! Вон спрашивай – мальчишки всё знают. – Отец поманил Андрейку. – Сынок, поди скажи дяде его интерес.

Андрейка подошёл, потупясь, и, услышав скрип двери, увидел старшего брата. Саша, наверное, всё слышал. На щеках его перекатывались желваки. Он с ненавистью

смотрел на Филонова. Андрейка злорадно подумал: «Здорово испугался…» Отец и сын Филоновы воззрились на Андрейку. Как это они раньше не догадались выведать всё у мальчишки! Заводские ребята многое знают.

– Ты не бойся. Мы свои. Нам всё можно сказать, – вкрадчиво обратился к Андрейке Филонов-старший.

– За так я ничего не скажу, – ответил нарочито грубо Андрейка.

– Да ведь ничего не знаешь, потому и не скажешь, – подзадорил Филонов.

– Знаю… Вот за это скажу, – указал Андрейка на офицерский кортик Лукаши.

Отец молча снял с сына драгоценный подарок генерала.

– Ну, говори, где ружьишки попрятаны, и получай. На заводе или ещёе где схоронили?

Андрейка ловко выхватил кортик из рук Филонова и выпалил:

– Улетели ружья. Ф-фу!

– Как это ф-фу?

– А так… Ночь была серая. Он серый… Тихо-тихо так опустился ф-фу, ф-фу… Оружие забрал…

– Цеппелин?!

– Ага.

– Басни! Замоскворецкие байки! Нам такое уже Гришка Чайник рассказывал! – вскинулся Филонов и цап за ухо.

– Отдай кортик! – Лукаша кинулся отцу на помощь.

Андрейка, отбиваясь, завизжал как резаный.

– Вы что, Филоны, моих детей бить пришли? А ну… – Кузнец сгрёб непрошеных гостей и давай тузить.

Филонов закричал: «Караул!» Бабушка заверещала: «Убивают!», и изловчилась втащить старшего Филонова в свою спасительную молельню. Лукаше удалось умолить кузнеца жалобными словами: «Дяденька, простите!» Андрейка лишился кортика.

– Обманом не выманивай! – сказал отец, отбирая у Андрейки кортик, и отдал его Лукаше.

Так бы миром всё и кончилось, как бывало раньше, по-родственному: погорячились, и хватит. Да Филонов, поправляя прическу перед иконами, в стёклах которых зеркально мелькал его помятый лик, кивнул на Георгия Победоносца.

– Вот эту иконку вы мне давно обещали, бабуся. Так я её теперь и возьму. Для освящения моего буфета. Повесим на видном месте. В офицерском буфете – офицерский святой. Такова необходимость момента! – И, не дожидаясь согласия, потянул Георгия с иконостаса.

Дверца открылась, и на голову Филонова посыпались патроны.

При виде такого чуда бабка в ужасе закрестилась.

– Вот так арсенал! – пробормотал Филонов.

– Это кто сюда такую пакость натащил? – закричал Павлов-старший и стал выкидывать патроны в окошко.

– Это мои! Мои! – бросился к своему арсеналу Андрейка.

Сунув, сколько успел, патронов под рубашку, он выкатился на улицу. Вслед за ним Лукаша с кортиком, Филонов с иконой. А вдогонку им гремели патроны, швыряемые кузнецом из окна с яростной щедростью.

ОПАСНЫЙ СПОР

По тёмным, плохо освещённым улицам Москвы торопливо шагала нестройная колонна безоружных солдат, подгоняемая вооружённой охраной. Мимо редких фонарей мелькали офицерские фуражки, чеёрные шевроны – нарукавные нашивки с черепом и скрещёнными костями, знак «батальонов смерти». Поблёскивали штыки.

«Что это за солдаты? Куда гонят их под покровом ночи, когда все добрые люди спят?» – дивились редкие прохожие.

Стеша с мальчишками – продавцами газет – затемно явилась к дверям типографии. Они хотели сегодня первыми получить утренние газеты. Прошёл слух, что новости в них потрясающие. Генерал Корнилов, враг солдат и рабочих, любимец буржуев, едет в Москву.

Заполучив солидные пачки разных газет, мальчишки бросились в свои кварталы.

Стеша, увидев шествие солдат под конвоем, из любопытства подошла поближе.

– Доченька! – раздалось вдруг из рядов. – Доченька!

Стеша узнала голос отца.

– Папка?! – закричала она. – Куда ведут тебя?

– В тюрьму! Мы приговорены к смерти по приказу генерала Корнилова! Скажи нашим…

В рядах произошла заминка. Раздались злые окрики конвоя, удары прикладов. Какой-то солдат споткнулся, его подняли и потащили волоком.

Стеша бросилась следом, но её так отпихнули, что она упала, рассыпав газеты. Собрав газеты, вся в слезах, Стеша побежала за арестантами. И всё кричала: «Папка, папка!» – пока железные ворота Бутырской тюрьмы не захлопнулись.

– Проходите, проходите. Дезертиров и германских шпионов, что ли, не видели? – зло расталкивали собравшихся у тюрьмы солдаты – ударники из «батальонов смерти».

– Вот будем их вешать на площадях, успеете наглядеться! – сквозь зубы сказал низкорослый офицерик в кожаной куртке, с большими круглыми глазами, полными тёмной злости.

«Где-то я его видела? – мелькнуло у Стеши. – Да что ж я стою! Надо что-то делать… Надо выручать папу!» – И она помчалась отыскивать Арбуза. Она забыла, что её сумка набита газетами, которые нужно продать, и долго стояла у проходной завода Михельсона, ожидая, не выйдет ли Арбуз. Но так и не дождалась.

…В это утро Москва была разбужена криками продавцов газет о прибытии в Москву генерала Корнилова. Его пригласили на так называемое Государственное совещание фабриканты, купцы и помещики, чтобы решить, как усмирить революцию и укротить рабочих.

Союз рабочей молодежи завода Михельсона собрался по тревоге. Андрейке поручили снести Люсе записку. И вот Арбуз уже у Люси. Она кутается в пуховый платочек: ей нездоровится.

– Ну что там у нас? – тихо спрашивает Люся, не читая записки. – Поджидают Корнилова. Гимназисты ему цветы готовят, купчихи лавровые венки плетут. Богатая Москва выйдет ему навстречу с хлебом-солью, под колокольный звон… А мы чем встретим?

«У нас тоже есть чем встретить!» – хотел Андрейка успокоить Люсю, но даже ей не решил открыть тайны заводской столовой.

У Люси тоже была тайна, которой она тоже не могла поделиться с Андрейкой. Однажды тёмной ночью Гриша Чайник привёз к ней на хранение деревянный ящик с

винтовочными патронами. Вон он стоит у зеркала, накрытый цветной шалью, и заменяет ей туалетный столик.

«У барышень патроны искать не станут. Кому же в голову придет? Не опасайтесь! – говорил Гриша, развозя патроны по квартирам девушек, членов Союза рабочей молодёжи. – Пусть у вас побудут до поры. Настанет час – увезу, как привёз!»

Неожиданный человек Гриша! Таинственны его дела!

– Так как же наши решили встретить генерала? – ещё раз спросила Люся, развертывая записку.

Андрейка не успел ответить: на лестнице послышался топот сапог, звон шпор, двери квартиры раскрылись, и в неё шумно ввалились офицеры. Все с револьверами на поясах, с шашками на портупеях. На рукавах шевроны с черепами. У одного черная повязка, скрывающая глаз.

«Эх, нет у меня с собой „ключа от рая“! – спохватился Андрейка. – Они, наверное, пришли арестовать Люсю».

Люся не растерялась, поправив шаль на туалетном столике, неспешно обернулась:

– Что вам угодно, господа?

– Ты что же, не узнаёшь меня, дорогая сестрица! – воскликнул один из офицеров, раскрывая объятия.

– Тофик? Ты? Уцелел!

– Конечно! Я, жив курилка! И со мной мои фронтовые друзья. Помогли приехать в Москву в своём скоростном эшелоне.

– Ну, рассказывай… Как ты, что ты? Произведён в офицеры?

– Вы знакомьтесь, знакомьтесь. Это моя двоюродная сестра. А это мои друзья.

Офицеры, смягчив лица улыбками, стали представляться.

– Морозов, – отрекомендовался одноглазый.

– Рында-Бельский, – козырнул глазастый с пшеничными усиками.

– Фон Таксис, – с присвистом произнёс офицер, похожий на Лермонтова.

Андрейке словно снежок попал за шиворот. Как бы не узнал!

Офицеры расселись вокруг единственного туалетного столика. Закурили. Разговор не вязался. Офицеры посматривали на Люсю, Люся на них.

– Так вот, сестрица! Господ офицеров интересуют московские настроения.

– Гораздо интересней, каковы настроения у господ офицеров, – сказала Люся, рассеянно вертя в руке записку.

– Наши настроения – вот! – Одноглазый ударил кулаком по цветастому платку, прикрывавшему патронный ящик.

– Так собирается офицерство разбить гордиев узел революции, – улыбнулся Тофик. – Одним ударом.

– Да, Лавр Георгиевич Корнилов это проделает не хуже Александра Македонского, – усмехнулся офицер с пшеничными усами.

– С нашей помощью! – ткнул себя пальцем в Георгиевский крестик на груди одноглазый.

– В чем же эта помощь выразится? – спросила Люся.

– А вот в чём! – Одноглазый шутливо прицелился в нее и прищелкнул языком.

– Так вы офицеры-расстрельщики? – улыбнулась ему Люся.

– Это оскорбление? – воззрился на нее фан Таксис.

– Нет, похвала! – сказал одноглазый. – Я, столбовой дворянин из рода Морозовых, горжусь тем, что расстрельщик. Мои предки разинцев вешали, пугачевцев четвертовали, а я с большевиками расправляюсь. На том и стою! И он церемонно поклонился Люсе.

– Вы думаете, с Россией можно управляться казацкой нагайкой?

– Подкрепив её пулемётами! – крутанул усики Рында-Бельский.

– И у вас рука не дрогнет стрелять в своих, русских солдат?

– Какие же это русские солдаты? Они дезертиры, изменники, предатели, большевики, германские агенты и шпионы! – пожал плечами Рында-Бельский.

– Вы в этом уверены? Но вы же знаете, что это не так. Введение смертной казни на фронте по требованию генерала Корнилова направлено не против трусов и дезертиров, а против прозревших рабочих и крестьян в солдатских шинелях.

– Да вы уж не идейная ли большевичка, барышня? – покосился единственным глазом капитан Морозов.

– А вы хотите донести?

– Ну, знаете, – одноглазый вскочил. – Я дворянин!

– Предпочитаете расправиться сами?

– Кто она такая, ваша кузина? – обратился фон Таксис к Тофику. – Она рассуждает, как большевичка!

– Сестрица всегда отличалась колючим характером. В детстве мы дали ей кличку «роза с шипами»! – деланно рассмеялся Тофик.

– Да, у этой розы одни шипы, – проворчал фон Таксис, пытаясь зубами вынуть занозу из пальца и удивляясь, почему туалетный столик этой колючей красавицы сделан из неструганых досок?

– Ну, с меня хватит, господа! – поднялся со своего места Морозов. Когда так оскорбляют, следует одно из двух – либо вынуть саблю, либо расхохотаться… и пойти водку пить!

– Расхохотаться! – радостно воскликнул белоусый Рында-Бельский.

– Водку пить! – сквозь зубы процедил фон Таксис.

– Тогда пошли. Где у вас злачные места, ты знаешь, барон. Ты москвич, веди нас!

Офицерская ватага поднялась и двинулась к выходу. Морозов обернулся и сказал, прищурив свой единственный глаз.

– Ну-с, барышня, прощайте. Дом друга – священный дом. Я к вам с расправой не явлюсь… Но если мы встретимся по разные стороны баррикад, это будет наше последнее свидание на этом свете.

Произнеся эту угрозу, Морозов выждал, когда все офицеры вывалились на лестницу, и крепко захлопнул дверь.

– Ну что, хороши? – спросил после некоторого молчания Тофик.

– Зачем ты их сюда привел?

– А затем, чтобы показать, чем начинены офицеры-корниловцы. Генерал едет на Москву не один. С дивизией донцов, усиленной пулемётными батальонами, артиллерией… С задачей пустить Москве кровь… Рабочей Москве, разумеется…

Люся молчала.

– Поезжай-ка, сестрёнка, домой, на Кавказ. Пережди страшное время под родной крышей. Я тебя и на поезд провожу и в вагон посажу. Зачем и приехал!

– А эти страшные башибузуки зачем пожаловали?

– Для устрашения. По замыслу командования они должны организовать казни солдат, отказавшихся воевать. Их привезли из двинской тюрьмы с намерением расстрелять перед строем запасных полков, чтобы навести страх на солдат Московского гарнизона. Уезжай, Люсик, из Москвы. Я прошу тебя как брат. Ужасные дела здесь будут твориться.

– Нет, Тофик! Что бы там ни было, я останусь. Страдания, пытки, смерть не страшат меня. Я солдат своей партии и останусь на посту.

Сколько ни упрашивал Тофик, Люся уехать отказалась.

– Пойми, я здесь нужнее, чем где-либо, – сказала она, прочитав наконец записку. – Мне поручено принять участие в освобождении этих самых солдат, которых привезли на казнь офицеры-корниловцы.

– О святая наивность! – воскликнул Тофик. – Что сможет сделать безоружная девушка против вооружённых до зубов опытных вояк? Какая за тобой может быть сила?

– Мы сильны, друг мой, поддержкой народа.

– Ах, всё это романтические слова! Знаю, ты увлечена созданием Союза молодёжи, воспитанием и пробуждением сознания рабочих юнцов, – он кивнул на Андрейку. – Но чем помогут вам эти мальчики против железного военного кулака? Железом и кровью сокрушит вас военная машина контрреволюции. И ты и все твои юные товарищи лишь напрасно принесёте себя в жертву. Чем гуще трава, тем легче им будет косить… пулемётами.

– Ну, ты совсем запугал и себя и нас! – усмехнулась Люся. – А нам, извини, некогда. Нас дело ждёт!

Тофик ушёл огорчённый и растерянный. После его ухода Люся быстро накинула пальто и сказала Андрейке:

– Пора, мой друг, пора! Поспешим на выручку солдат, пленников контрреволюции. Ты видел этих головорезов-корниловцев. Представляешь, что они натворят, если возьмут верх над нами? Море крови прольют, чтобы сохранить свои имения, богатства, свою власть.

– А мы не поддадимся! – воскликнул Андрейка.

– Ни за что! – сказала Люся, сунув в карман небольшой револьвер.

Андрейка встрепенулся. И у него кое-что найдётся для управы с буржуями.

– Скажи Уралову, что я задание выполню. Встретим Корнилова во всеоружии!

На улице они расстались.

Вообразив, что дело идет о том, чтобы сразиться с корниловцами с оружием в руках, Андрейка предстал перед Ураловым, весь горя от нетерпения. Он решил, что и ему дадут одну из тех винтовочек, которые он помогал чистить, смазывать и укладывать в тайник.

– Ну повидал я корниловцев, Уралыч, – начал он издалека. – Они к Люсе нагрянули. Думали, своя, да ошиблись адресом. Здорово она их спровадила. Злющие они, что голодные волки. Живьём нас готовы съесть!

– Пусть попробуют! – Уралов сложил пятерню в увесистый кукиш. – После шестого июля кое-чему научились. На провокации не поддадимся. Под казацкие нагайки и офицерские пулемёты не подставимся. Ошибаются.

– С винтовками выйдем на улицы! – вставил Андрей.

– Никуда не выйдем! Мы на заводах и фабриках затворимся, а солдаты в казармах. Станки остановим. Ни одна заводская труба не задымит, ни один трамвай не зазвенит. Всеобщая забастовка будет.

Пекари постановили – хлеба для них не печь. Водопроводчики решили водой не снабжать. Электрики – света не давать. Повара – еды не готовить. Официанты – не подавать. Дворники – улицы не мести. Извозчики – коней не запрягать… Пусть буржуйчики одни своего кумира встречают. Некормленые, неумытые.

– А мы их освистывать будем! Мы, мальчишки…

– Этого ещё не хватало! Чем тише будет город, тем страшней. Кладбищем повеет на генерала. А его приспешники, как псы, сорвавшиеся с цепи, пусть своих хозяев кусают, пусть на своих набрасываются.

– Здорово будет! – согласился Андрейка. – Только скучно нам, ребятам, без дела сидеть.

– Почему сидеть? Вам бегать со всех ног придётся.

– Куда? Зачем?

– Листовки раздавать. Мобилизуй всех твоих приятелей, каких только сможешь, и бегите в типографию на Трёхпрудную. Там найдёте Люсю. Получите у неё листовки, газеты – и по всем улицам ходу.

– А кто же солдат выручать будет, которые в тюрьме?

– Чтобы их выручить, надо про них всю правду народу рассказать. Вот листовки и расскажут.

Андрейка не поверил, что листовки-бумажки, как сказочная разрыв-трава, смогут растворить двери тюрьмы. Но партийное поручение дело святое. Тут, если сказано, должно быть сделано.

Не теряя времени, помчался он на поиски своих приятелей, продавцов газет. Ему повезло. У Малого Каменного моста наткнулся он на Стешу – и глазам не поверил: сидит Стенька Разин на тумбочке и ревёт. Слёзы по щекам текут, а она какие-то листки рвёт и в Москву-реку бросает. Пригляделся, а по воде плывёт-тонет генерал Корнилов. И на коне, и в автомобиле, и в полный рост, и по пояс, и носом вверх, и усами вниз.

– Так ему и надо! – Андрейка в восторге присвистнул.

– Чего радуешься, Арбуз? – поднялась навстречу Стеша, не отирая слёз. – Генерал на коне, а отец мой в тюрьме. Генералу завтра от буржуев почёт, а моему папке смерть лютая. Самого бы его прострельнуть насквозь, как он велит солдат расстреливать! Неужто не найдёется кого, кто бы его, аспида, к богу в рай отправил?!

– Найдётся! Вот он я! – представился Андрейка. – У меня для него есть «ключ от рая»!

Зажмурившись, он представил себе волшебную картину – генерал вместе с белым конём возносится на небо в чёрном облаке дыма от его выстрела. Прицелиться в него можно будет, схоронясь в толпе встречающих генерала буржуев, купцов, купчих, чиновниц и чиновников, гимназистов и семинаристов. Вот только одеться надо получше.

У Стеши слёзы на глазах высохли, когда Андрейка поделился с ней своей задумкой. Приободрённая, Стеша согласилась сговорить ребят вместо буржуйских листовок раздавать на улицах те, что принесёт Арбуз, большевистские. Обрадованный Андрейка помчался домой за заветным «ключом от рая».

АРБУЗ-СУДОМОЙКА

Крадучись, стараясь не скрипнуть половицей, пробирался со двора в чулан Андрейка. И вдруг в окне картина: Филониха за самоваром в окружении всего семейства пила чай. И как это она его заметила? Метнула взгляд и словно приворожила:

– А ну постой-погоди! Чего прячешься, красавчик?

Глаза Филонихи замаслились, лицо стало умильным, голос вкрадчивым.

– Иди, иди сюда, Андрюшечка! – приманивала она его, как лиса колобок. – Да не бойся! Не съем. Послушай, какая фортуна вам выпадет. Как в сказке! Я вот тут рассказывала, что в Москве делается. Ужас! В каком царстве, в каком государстве, где это видано, где это слыхано, чтобы официанты и извозчики забастовали? Ну рабочие – известные бунтовщики. А тут всеобщее. Забастовали официанты, повара, судомойки, услужающий персонал! Не желают ни стряпать, ни мыть, ни прибирать. «Пускай, говорят, – буржуи сами себя обслуживают. Сами, – говорят, – пригласили своего кумира, сами пусть и потчуют». Это фабриканты-то, банкиры, миллионщики вместо поваров-официантов с поварёшками, с салфеточками!

Лицо Филонихи так и расплылось в улыбочке, ямочки так и заиграли на полных щеках. Она за время свободы располнела и попышнела, как на дрожжах.

– Мой Филонушка смеётся не насмеётся. «Вот, – говорит, – мать, так штука. Обанкротились московские хлебосолы. Сели в лужу Тестовы, Мартьянычи и прочие рестораторы. Без официантов к приезду генерала остались. Хлебом-солью собирались встречать, а у самих и бутербродов нет. Мы с тобой, матушка, будем генерала и всех министров правительства потчевать. Я с моим буфетом от офицерского общества в Большой театр приглашён. Для снабжения офицерского конвоя и охраны. Ну уж мы и генерала Корнилова угостим, и самого Керенского. Найдём чем. Постараемся. Взойдёт наша звезда. Засияем мы, Филоновы! Сам Корнилов нас заметит. Сам Керенский поблагодарит!»

Филониха не говорила, а пела. И никто её не перебивал. Отец только причмокивал чай с блюдечка, посасывая даровые конфеты, принесённые гостьей. И бабушка слушала, не пропуская ни слова.

– Вот и настал наш час, милые! – упивалась собственными словами Филониха. – Самому что ни есть высшему обществу угодить. Шутка ли! Соберутся министры, генералы, адмиралы, банкиры, финансисты, заводчики, фабриканты, купцы, помещики самые богатые, ну все заглавные воротилы России. Государственное совещание будет судьбу нашу решать. Соберутся, а покушать нечего. Официантов-то нет. Тю-тю! Вот тут мы и выручим. Кто Россию от позора спас? Филоновы!

– Да, спасители… – усмехнулся отец.

– А ты не поучай, не противничай. Сами с усами, – осадила Павлова-старшего Филониха. – К тебе пришли тоже спасать. Тебя от нищеты, детей твоих от гибели. У нас за буфетом приглашаем отсидеться. Целы будут. Сыты будут. Уж мой Филонушка таких яств запас! В Охотном ряду из-под спуда достал. Я двое суток пирожки пеку. Видите – красная вся, распаренная? Ух… – Филониха обмахнулась пёстрым платочком, обшитым кружевом. – А уж чаевые будут вашим ребяткам! Такие чаевые… Богачи мелочиться не станут. Да и офицерство форс любит. Целенькими бумажками будут на чай выкладывать. Обогатитесь, миленькие! А работка вам легонькая – денёк-другой посуду помыть.

– Большую честь тётушка нам оказывает – в судомойки сватает, – сказал, усмехаясь, Саша.

– Зачем нам честь? Нам бы досыта поесть! На том и ладно, – утвердил отец.

– Ну, так как? Пойдешь нам помочь, Андрюша? Саша согласился, по-родственному. Он будет чего надо подносить, подтаскивать. Ты ему подавать, прибирать, ну и посудку помывать.

– Пойдёт, пойдёт! – строго сказал отец. – Только не объешьтесь там, ребята, дорвавшись до дармовых харчей.

– Соглашайся, брат! Дело пахнет жареным, – подмигнул Андрейке Саша.

– У меня есть свой интерес… Я до харчей не жадный, – стал отговариваться Андрейка.

– Бывает, ради общего дела надо своим поступиться. Пойдём, брат, интересно будет. В Большом театре – большая обедня.

– Нам до чужой обедни дела нет! Нам есть дело до своего обеда… – нахмурился отец на сыновей и обратился к Филонихе: – Уговор, кума, такой: всёе наше семейство харчами снабжать, пока ребята на вас работают.

– Ладно уж, всех накормим! Не объедите, – пообещала Филониха, поднимаясь из-за стола и крестясь на своё отражение в самоваре. Приходите пораньше. В театр вас Лукаша проведёт. Его полковник отпустил папаше помочь, уважительный.

– Мы тоже уважим, – пообещал Павлов-старший. А как только Филониха исчезла, сказал: – В буфете у Филона не зевать! Колбасу, ветчину дают, не дают, сами берите!

– Взять-то они могут, а вот куда им взятое класть? Карманы-то у вас худые, подика! – обеспокоилась бабушка.

– Вот в карманах-то всё и дело! – подхватил Саша. – Буфет будет царский, а карман у меня пролетарский. – И вывернул карман брюк. – В старые времена бояре, собираясь на царские пиры, к своим длинным кафтанам специально карманы до полу подшивали… И набивали их доверху кушаньями с царского стола. Чад и домочадцев царской пищей попотчевать.

Бабушка смекнула и, пока ребята спали, пришила им новые карманы из «чёртовой кожи» – очень крепкой материи чёрного цвета.

– Чтобы мне полные принести, иначе и домой не являйтесь, – напутствовала бабушка своих внуков, провожая утром на необычную работу.

Не знала старушка, что не затем направляются её внуки в буфет Филонова, чтобы генералов да министров обслуживать. Карманы Саши были набиты листовками. Карман Андрейки отягощал «ключ от рая».

КАК АРБУЗ НАПИЛСЯ, А САША СМЫЛСЯ…

Со всей России слетелось в Большой театр чёрное вороньё, назвав свой слёт Государственным совещанием. На это совещание и был вызван с фронта главнокомандующий Корнилов, которому решили поручить спасение Отечества от «смуты». Шёл слух, будто готовится особая делегация во главе с духовенством, которая падёт перед ним на колени и будет умолять принять на себя всю полноту власти и усмирить революцию.

Пока что у ступеней Брянского вокзала перед генералом бухнулась на жирные колени купчиха Морозова, завопив:

– Спаситель наш! Спаси нас!

Колокольный звон навстречу – ещеё туда-сюда. А вот дамская истерика это для «душки» Керенского. Генерал Корнилов передёрнулся от злости и влез в экипаж, не повернув к купчихе головы.

Город как вымер. За наглухо закрытыми заводскими и фабричными воротами – рабочие патрули, по улицам редкие казачьи разъезды. Центр оцеплен юнкерами. Напряжённые лица. Примкнутые штыки.

Два враждебных лагеря в одном городе.

Помещичьи сынки, воспитанники кадетских корпусов и военных училищ, под командой офицеров придирчиво и зло осматривали каждого плохо одетого прохожего.

– Это со мной, со мной! – успокаивал их Лукаша, ведя за собой своих двоюродных братьев. Он был отпущен на эти дни полковником Рябцевым в помощь папаше. Лукаша был горд тем, что Саша и Андрейка попали к нему в подчинение.

Когда со служебного подъезда они вошли в Большой театр, совещание было в полном разгаре. Деятели Государственной думы, министры-капиталисты, финансовые тузы и заводчики, на все лады поносили рабочих, крестьян, солдат, грозя им жестокими карами за непокорность. Высказывалось множество пожеланий, как смирить чернь, поставить на место, согнуть в бараний рог, задушить костлявой рукой голода…

Завидев Лукашу, Филонов погрозил ему кулаком за опоздание, торопливо бросил Андрейке клеёнчатый фартук и спросил:

– А где Сашка?

Андрейка оглянулся, брата не было. Вместе шли, вместе подошли, и вдруг исчез, словно к небу поднялся.

– Так где же Сашка? Не явился, гордец?! Пренебрёг даровой пищей и заработком! Рабочая гордость не позволила! А кому тогда ящики из-под пива таскать? Бочки селёдочные катать? Ну погодите!

Долго ещё ругался обозленный Филонов, гремя посудой в буфете, но Андрейка его не слушал. Его даже не волновало, куда подевался Саша. Андрейка смотрел не отрываясь на яства филоновского буфета.

Чего-чего здесь только не было! Икра черная, икра красная, севрюжина, белужина, лососина, белорыбица. Колбаса, ветчина, заливная поросятина, курятина, горы бутербродов. Большинство из этих яств Андрейка не только не едал, никогда и не видывал! Даже их названий не знал. И только он собрался отведать, чем приготовились попотчевать купцы-охотнорядцы генерала Корнилова, как Филонов подсунул ему здоровущий кусок жирной селёдки «залом».

Схватив натощак эту приманку, Андрейка вскоре почувствовал себя рыбой, вынутой из реки: и живот раздут, и воды всё время хочется.

Знал буфетчик, чем подшибить аппетиты обслуживающего персонала. Этим же приёмом Филонов умерил аппетиты юнкеров и офицеров охраны, которых тоже следовало обслуживать. Тем из охраны, кто не попался на селёдочную приманку, а требовали икорки или балычка, хитрец буфетчик, изгибаясь, объяснял:

– Реклама-с… Для витрины-с… Товар будет к вечеру-с!

Лакейским чутьём он узнавал вестовых, адъютантов, секретарей, помощников именитых участников совещания и давал им на пробу что-нибудь из потаённых запасов. Эти связные понемногу засновали от него к своим хозяевам, от хозяев к буфету. Затем яства на тарелочках, прикрытые салфетками, стали подаваться куда-то за кулисы.

Разносчиком яств был Лукаша. Объевшись селёдкой, Андрейка, томимый жаждой, проводил время с водой: то мыл посуду горячей, то пил холодную.

– Я Керенского видел! А я Рябушинскому сельтерской поднеёс! К Корнилову с бутербродами шёл, да не дошёл, все его адъютанты расхватали, – говорил Андрейке запыхавшийся Лукаша, млея от восторга.

– Я бы до-шё-ёл, – икал Андрейка, надувшийся водой.

Где там дойти! Он не мог к Лукаше повернуться, заваленный грудами грязной посуды и мучимый жаждой. Только о питье и думал.

Экая досада! Попасть в Большой театр, где собрались все главные русские буржуи, куда прикатил в сопровождении казачьего конвоя сам генерал Корнилов, иметь для него «ключ от рая», чтобы на небо взлетел… А вместо этого только мыть да пить! Пить да мыть!

Где там генерала, прибывших с ним офицеров-корниловцев и тех Андрейка не видел, а только слышал их разговоры.

– И чего рассуждать да обсуждать? Рухнули бы перед генералом на колени, как купчиха Морозова на вокзале, и дело с концом! Казните и милуйте, только от большевиков спасите…

– Эх, тряхнули бы мошной богачи, как Минин перед воеводой Пожарским!

Филонов щедро наливал вино и пиво офицерам корниловцам, прислушиваясь к их разговорам.

– Мужика к сохе, рабочего к станку, а интеллигентов пороть! Чтобы революциями больше не баловались. От них смута!

– На Красной площади пороть! Всенародно!

Опять прибежал Лукаша.

– Ну как, папаша?

– Отлично. Молодцы корниловцы! На них будем делать ставку. Они возвысятся, и мы за ними!

– Понимаю… Одолжите свечей, папаша. Для президиума.

– Бери, бери, я запас. Из-за всеобщей забастовки может погаснуть электричество.

Забрав с десяток свечей, Лукаша унесся.

– Что там насчёт забастовки? – спросил какой-то офицер у Филонова. – У вас что, даже официанты забастовали?

– Полковые комитеты отказались выслать солдатские караулы из солидарности с рабочими, – пролепетал юнкер.

– Хороши порядки в белокаменной! Мы готовы были по колено в крови по Москве пройти, а тут и в морду дать некому!

Андрейка и слушал, и не слушал эти разговоры, он, как лиса, попавшая в яму охотника, придумывал сто способов выскочить из нее. Толчётся здесь, на кухне, с «ключом от рая» в кармане и даже не увидел того, кому он предназначен.

И вдруг к отцу примчался перепуганный Лукаша.

– Папаша! Сам генерал Корнилов к вам в буфет идут!

Андрейка чуть тарелки не выронил. Стоп! Дело будет! Сейчас генерал получит своё. Сейчас он расплатится за Стешиного отца и за всех арестованных солдат. Запустив руку в карман, Андрей приоткрыл дверь кладовки и увидел корниловских офицеров у буфетной стойки. Они плотно окружили своего генерала.

– Вот полюбуйтесь! – указал один из офицеров-корниловцев. – У тыловиков ветчина, икра, балыки, колбасы, сыры. А на фронте порядочного чёрного сухаря нет!

– Нам на фронт солонину тухлую шлют! А себя вон чем ублажают, – обратился к генералу другой офицер.

– Откуда взяли? – раздался отрывистый голос Корнилова.

– Из Охотного ряда-с… господин генерал!

– Первое, что сделаю, перевешаю охотнорядцев.

– Всё самое свежее-с, – побледнел Филонов. – Что откушать изволите?

– Солдатский сухарь мне!

– Никак нет-с…

– Рюмку водки!

– Коньяки-с имеются… Мартель… Шустовские… – изгибался перед Корниловым, стараясь быть ниже его, Филонов.

– Мошенник! Из той же шайки! Повешу!

– Чего-о?! – пролепетал Филонов.

Но генерал отвернулся от него и звяк-бряк шпорами к выходу.

Внезапно погасло электричество, и наступившая темнота скрыла от Андрейки и Корнилова, и юнкеров, и настороженно-решительных офицеров, и всё вокруг. В непроглядной тьме протенькали серебряные шпоры генерала и смолкли.

«Каков Корнилов!», «Суворов!», «Наполеон!», «Солдатский сухарь ему, рюмку водки», «Настоящий казак!», «Виват Корнилову!».

– Огня, огня! – закричал обескураженный Филонов. – Караул!

Но офицерскому караулу было не до него. Офицеры метались со свечами по сцене Большого театра, а кто-то с высоты колосников сыпал на сцену и в зал большевистские листовки.

ЦАРСКАЯ ПЕРЕДАЧА

Андрейка, едва плетясь, возвращался домой после передряги в Большом театре. В его «боярском» кармане, кроме «ключа от рая», не было ни крошки. С досады он решил хоть попробовать, как стреляет этот драгоценный пистолет. Может быть, тут один обман и, кроме смеху, ничего бы не было, если б он пальнул в Корнилова?

Перебравшись через забор на склад фабрики, он прицелился в тюк с ватой. Сила выстрела превзошла все его ожидания. Хорошо, что никого не было рядом.

После удара курка по пистону порох внутри пистолета воспламенился, но выстрела не последовало. Из дырки, просверленной в стволе ключа, вырвалась дымная струя с таким зловещим ужасным воем, что в страхе Андрейка поднял пистолет повыше – где уж тут целиться! – уши захотелось зажать. Трах! От грохота взрыва стрелок свалился и не сразу пришёл в чувство. В ушибленной ладони даже рукоятки не было, всё улетело в дыму неизвестно куда.

Порох, которого оказалось с излишком, превратил Арбуза в негра.

«Эх, дело бы, если бы я в буфете трахнул, – говорил он себе. – Убить не убил, а уж напугал бы так, что кумир буржуйский больше бы в Москву не сунулся!»

С этой мыслью Андрейка и явился домой, слегка оглушённый и всё ещё томимый жаждой.

– Ну как, здорово на дармовщинку наелся? – спросил Андрейку Саша, оказавшийся уже дома. – Ты вроде не то опух, не то потолстел.

– Хорошо тебе смеяться! Ты не знаешь, как ловко Филоны нашего брата обдуривают, – таким одураченным Андрейка ещё никогда себя не чувствовал.

– И что же решили буржуи на Государственном совещании? – допытывался отец. – Вы же там представительствовали от нашего семейства, от завода.

– А шут их знает, чего-то решили…

– И почему генерал скоро уехал, не знаешь?

– Мне не докладывали.

– Интересно бы спросить, что ему не понравилось в Москве? То ли, что солдаты честь не отдали, то ли, что рабочие на колени не стали?

– Всё ему в Москве не понравилось. Особенно что в театре ему на голову большевистские листовки сыпанули.

– Ай-ай-ай! А он думал, его хмелем будут осыпать, как жениха?

– А про то уже песенка есть. – И Саша пропел:

Как невеста милого,
Ждал буржуй Корнилова.
От ворот поворот
Дал Корнилову народ!

Отец посмеялся и спросил:

– Что же он дальше будет делать после такого конфуза?

– Этого я не знаю.

– А что мы будем делать, Саша? – спросил Андрейка.

– Ты теперь подкормился. Давай включайся с новыми силами. Союзу поручено распространять листовки.

И Андрейка, конечно, включился, стараясь замять своё неудачное участие в Государственном совещании…

За это время не меньше огорчений перенесла и Стеша. Она побывала везде, где только смогла, и везде рассказывала о встрече с отцом, о двинцах-солдатах, подгоняемых прикладами в тюрьму. Везде её встречали сочувственно, обещали помочь. И в Совете, и даже в думе. И Люся, и дедушка Кучков. Но вызволить из тюрьмы солдат, обвинённых в измене, оказалось не так просто.

Не в силах дольше скрывать правду от матери, Стеша сказала ей тихо-тихо:

– А папаня наш здесь… – И заплакала.

– В тюрьме! – сразу догадалась мать.

– В Бутырке. Уже несколько дней. Надо бы ему передачу отнести.

– Где ж её возьмешь, доченька?

– У барышень Сакс-Воротынских. Они хоть и богатые, но добрые.

И Стеша с пачкой свежих газет отправилась в знакомый особняк. Барышни заказывали все газеты, даже большевистские. Главными читателями газет в богатом особняке были старики. Весь дом был набит стариками. Барышни не держали женской прислуги, убеждёенные покойным родителем, что от девиц одни ссоры да сплетни. Молодых лакеев и камердинеров на войну позабирали. Вот и остались в доме одни старики, удивительно жадные до новостей.

Старики эти были потомственные лакеи. Они гордились не только похвалами своих господ, но даже их наказаниями.

«Я своей барышне на руку нечаянно мадеркой капнул… Они как метнут взгляд – это что? А я ручку чмок, да и слизнул капельку. Так они меня салфеткой по носу и улыбнулись», – весь светясь, рассказывал в лакейской Иван. А камердинер Поль как-то погордился пощёчиной. Он подавал «своей» барышне что-то из одежды и не удержался, сказал комплимент насчет её лебяжьей шеи. Барышня больно хлестнула его по щеке.

«Оскорбились! – умилялся Поль. – Наша барышня настоящая аристократка».

Вот так и жила эта многочисленная команда, обслуживая трёх молодых девиц Сакс-Воротынских, блистающих здоровьем и красотой. Рослые, пышноволосые,

большеглазые, белозубые, они так приветливо всем улыбались, что казались Стеше принцессами.

Такие добрые красавицы человеку, попавшему безвинно в тюрьму, ни в чём не откажут.

Да, наверное, и старики лакеи посылочку соберут. Они её каждый раз по головке гладят, нежат и словами и взглядами. Ну и она им угождает – газеты первым несёт.

Стеша не ошиблась. Старики, выслушав её просьбу, оживились, засуетились. На ходу расспрашивали:

– Так, значит, в Бутырочке папенька? Ай-ай!

– Большевичок он у тебя красный. Ох-хо!

– За агитацию против войны в тюрьму попал, бедненький!

– Уж мы его угостим… Икорку он любит? Не откажется?

– Мы уж постараемся! Балычка, ветчинки… Не обидится? Горчички добавим.

Завертывают старички все в пергамент. И все это с особым лакейским удовольствием.

Стеша прямо таяла, глядя на добрых стариков.

Кулёк они ей заготовили – едва дотащить. Сам швейцар, положив кулёк на пузо, расшитое золочёными позументами, из двери вынес, сказал на прощание:

– Не растряси, доченька. Угостим твоего папаню-большевика по-царски. – И заколыхал животом, добродушно рассмеявшись.

Стеша ног под собой не чуяла, поспешая к Бутырской тюрьме. Оглядев у проходной очередь бедно одетых женщин, она довольно улыбнулась: ни у одной не было такого большого, плотно упакованного, красиво перевязанного кулька.

Женщин было много: молодые, пожилые, совсем старые – все они были печальные. Одна Стеша улыбалась. И вот настал час, когда вместе с другими она выложила для проверки на стол, возвышавшийся посреди тюремной приемной, свою «царскую» передачу.

Стеша развязала кулеёк, и на стол посыпались гнилые яблоки, тухлые яйца, заплесневелые куски хлеба, картофельные очистки и ещё что-то скверное…

Тюремщики отшатнулись. Стеша окаменела. Какой же колдун превратил яства в помойные отбросы?!

Она не помнила, как выбралась из тюремной приёемной. Очнулась от уговоров какой-то старушки.

– Не убивайся, не плачь, милая… Наши сыночки, солдатики несчастные, голодовку объявили. Ничего есть не будут, пока правды не добьются… А тюремщики об этом помалкивают, нас обманывают, передачки себе берут!

И вдруг до Стеши дошло: лакеи Сакс-Воротынских просто поиздевались над ней…

«Контрреволюционный мятеж генерала Корнилова!», «Революция в опасности!..» – была разбужена Москва криками продавцов газет. И забурлила белокаменная. Не было фабрики, завода, полка, учреждения, семьи, где бы не обсуждался мятеж генерала Корнилова. К чему стремится генерал? Снова посадить на престол Николая Второго, ныне здравствующего поблизости, в Царском Селе? Или самому стать властителем России? По слухам, в Петрограде паника, глава Временного правительства Александр Федорович Керенский в полной растерянности, ему не на кого опереться, окружающие его военные все корниловцы. «Нет, Керенскому несдобровать. Корнилов его непременно повесит», – говорили сочувствующие

мятежу. «А уж большевикам, меньшевикам, анархистам, эсерам – всем красным и даже розовым – генерал ни пуль ни виселиц не пожалеет!»

Тревожились даже те, кто лишь поиграл в революцию, поносив в феврале красный бант. К младшей барышне Сакс-Воротынской явился ходоком от всей обслуги самый старый слуга и, поклонившись в пояс, попросил дозволения повесить на парадном иконку Георгия Победоносца.

– Зачем? – спросила она.

– Многие делают так-с, в честь Лавра Георгиевича Корнилова… Для умилостивления-с, – кланялся старый слуга.

– Вот чепуха какая! Сёстры, слышали? – воскликнула барышня. – Для умилостивления какого-то выскочки, бурбона, невежи иконами обставляться! Как от градобития или пожара. – И рассмеялась.

– А вы не смейтесь, барышня, – перекрестился слуга. – Нам плохо будет. Красными прослыли. Мы, старые, пожили, а вам-то зачем погибать? Вся Москва помнит, как вы свободу изображали, под красным флагом раскатывали по всем улицам. О вас печёемся.

Но барышни так и не разрешили вешать Георгия Победоносца.

Вечером к барышням Сакс-Воротынским зашел помузицировать их добрый знакомый полковник Верховский. Он любил поиграть Шопена на их великолепном концертном рояле. И прежде чем сесть за рояль, полковник сообщил удивительную новость. Керенский, истратив все жалостные слова о вероломстве и неблагодарности Корнилова, обратился за помощью к… большевикам. К Ленину! Глава правительства из царского дворца просит помощи у своего противника, загнанного в подполье. Такого в истории ещё не бывало.

– Смешно! – сказали барышни.

– Однако большевики заявили, что они будут спасать не Керенского, а революцию. И теперь по призыву Ленина большевики повсюду организуют всеобщую забастовку рабочих, выступление матросов и солдат против корниловского бунта. Генерал Корнилов объявлен вне закона как мятежник, и по приказу законного правительства против него движутся московские полки.

– Вместе с большевиками?

– Против Корнилова – вместе, – ответил полковник Верховский и, ударив по клавишам, отдался музыке.

…Вскоре стало известно: питерский гарнизон отразил нашествие корниловцев. Разгрому мятежного генерала содействовали московские полки, вышедшие в тыл корниловским войскам. Когда они вернулись с победой в Москву, в их честь был устроен парад.

А через несколько дней солдаты-двинцы были выпущены из тюрьмы, и рабочие Москвы пришли встречать выходящих из тюрьмы солдат-героев.

Арбуз, Стеша, мальчишки – продавцы газет чувствовали себя тоже героями, ведь листовки, разнесённые ими по всей Москве, помогли сломать замки тюрьмы.

Среди толпы встречавших Андрейка увидел дедушку Кучкова в сопровождении пекарей. Два здоровенных парня притащили к дверям тюрьмы корзину, полную сдобы. Дедушка Кучков обнимал и целовал выходящих из тюрьмы солдат, одаривал бубликами и приговаривал:

– Сынки, родные! Милые вы наши! Примите вот, откушайте. Пекари мы…

Двинцы, улыбаясь, принимали его подарки.

Многие люди плакали.

А двинцы шли и шли. Многие пошатывались. Ослабевших после голодовки поддерживали товарищи. Время от времени из толпы раздавалось «ура».

Освобождённых усаживали на извозчичьи пролётки, в автомобили и увозили в военные госпитали.

Стеша так плакала, что сквозь слёзы едва не проглядела среди освобождённых отца. Он сам узнал её, когда, подсаживаемый народом, влезал в грузовик.

– Стеша, скажи маме, скоро буду! Мы в Озерковский госпиталь! На поправку.

Автомобиль, фыркнув, загрохотал по булыжнику.

КТО ОН, ПОЛКОВНИК РЯБЦЕВ?

Отработав в офицерском буфете, Филонов возвращался домой пешочком через Кремль и здесь обычно встречался с Лукашей, который в это время выводил на прогулку рыжего сеттера, любимца полковника.

– Ну-с, как развивается шахматная партия между Мининым и Пожарским? – спрашивал он сына. – Какие нынче ходы сделаны?

Мининым он называл московского городского голову эсера Руднева, Пожарским – полковника Рябцева. Перебрав в уме всех известных политических деятелей, старый лис Филонов решил, что именно они способны усмирить смуту и восстановить на Руси твёрдую власть.

В последнее время Руднев и Рябцев очень сблизились и проводили вечера за игрой в шахматы в кремлевской квартире полковника, чтобы, как они говорили, «почесать мозги на сон грядущий». Передвигая шахматные фигурки, игроки негромко переговаривались.

Лукашка с лакейской чуткостью улавливал их разговор.

– Сегодня полковник Рябцев опровергал господина Руднева, сказавшего, будто у Лавра Георгиевича есть шансы снова всплыть на поверхность. «Нет, сказал полковник, – история не любит неудачников».

– А городской голова что в ответ?

– Господин Руднев согласился и сказал: «У нас военная диктатура не пройдёт. Спасение России должно возглавить гражданское лицо, новый Кузьма Минин».

– Ход конём! Кого же он выдвигал в Минины?

– Господина Рябушинского, финансового туза. «Его, – говорит, – все деловые люди поддержат».

– Не пройдёт! Много наболтал, плохо прославился.

– Вот и полковник того же мнения, что и вы, папаша.

– Умён. Значит, не нашли ещё Минина. А кого прочат в Пожарские? Брусилова не называют?

– Нет, папаша…

В последнее время Филонова многое сердило. Главное – неустойчивость. Неустойчивость во всём: деньги-керенки неустойчивы; сам премьер неустойчив; в семье тоже неустойка: Глаша, красавица Глаша, приманка будущего ресторана «У Георгия», чуть не совершила глупость, задумав сочетаться гражданским браком с барчонком фон Таксисом. Хорошо, что на пути к этому несообразию оказался один решительный человек – слесарь телефонного завода Пётр. Встретил он барона и, взявши за грудки, сказал: «Отстаньте от девушки, барин, увлечёте её и бросите по вашему господскому обычаю. И тогда ох плохо вам будет!»

Глаша, оставив барчонка, влюбилась в этого слесаря. Беда с молодёжью! Скорей бы порядок наступил!

– Слушай их внимательно. Слова не пророни. Нам всё надо знать, чтобы в ходе не ошибиться, – наставлял Филонов Лукашу.

Вскоре случилось, что Лукаша прибежал в буфет к отцу с важной новостью.

– Играем главную нашу партию, папаша. На большой выигрыш. Кто – кого.

– С господином Рудневым?

– Нет, с самим Михаилом Константиновичем!

– Это кто же такой?

– Не знаете, папаша? – Лукаша был очень доволен. – А ведь этот шахматист ещё против царизма играл под таким именем. Важнейший шахматист!

– Масштабная игра, – в некотором недоумении изрек Филонов. – Любопытственно…

– Михаил Константинович красными двигает. Сильнейшие фигуры у него зовутся Мастяжарт, Бромлей, Гужон…

– Прибавь завод Михельсона, крепость большевизма! – уточнил Филонов-старший.

– Учитывается. А у полковника Рябцева в распоряжении Алексеевское военное училище, Александровское, Лефортовские кадетские корпуса. Школы прапорщиков.

– Это все слоны, ладьи, кони – фигуры боевые, да к ним нужны пешки!

– Пешки-юнкера!

– Отличные пешечки! Беленькие, чистенькие, толстоморденькие! Филонов-старший заходил кругами, потирая руки. – Постой! – остановился он. – А куда вы денете сто тысяч солдат Московского гарнизона?

– Полковник их обезоружил! Из всех ненадёжных полков винтовочки юнкерам, а солдатам одни учебные, негодные к стрельбе оставил.

– Наполеон! – всплеснул руками Филонов. – И что это за Михаил Константинович? Как это он с таким стратегом, полковником Рябцевым, решает сражаться? У него что, две головы на плечах?

– Больше, папаша! – посерьёзнел Лукаша. – Михаил Константинович – это конспиративная кличка Московского комитета партии большевиков.

Филонов присвистнул:

– Не знал… Вот не знал!.. Ну ты молодец! Здорово вокруг полковника образовываешься. Если он эту партию выиграет, ты в его коляске далеко уедешь. Ну а если не того… на повороте можно спрыгнуть!

Старый лакей усмехнулся, вспомнив, как он вовремя «спрыгнул» из царского поезда.

– Жалко, допустили мы с тобой одну неловкость. Ну с разведкой оружия у михельсоновцев. Упустили такой случай отличиться! – сказал отец Лукаше на прощание.

В ГОСТЯХ У ДВИНЦЕВ

Как-то полковник Рябцев вдруг вызвал к себе Филонова-старшего для разговора наедине. И спросил в упор:

– Скажите, господин Филонов, как живут, что думают известные вам михельсоновцы?

Филонов потупился.

– Точно сказать не могу. Обучаются военному делу. Все больше сдружаются с солдатами. Взяли под свою опеку выпущенных из тюрьмы двинцев.

– Так вот, узнать и доложить настроение этих самых двинцев и рабочих, – сказал полковник и повернулся спиной.

Разведать настроение солдат и рабочих Филонов послал младшего сына.

– Поди, Филя, сбегай в Озерковский госпиталь, куда Андрюшка Павлов каждый день бегает солдатские байки слушать. Там эти самые двинцы отлёживаются. Бойкий народ! Такого наслушаешься… Гостинчика вот понеси им к чаю. Скажи, от папеньки, от маменьки, – он дал кулёчек дешёвых конфет.

Филька рад стараться. В тот же день с Андрейкой и Стешей побежал к двинцам.

Полюбили Андрейка и Стеша двинцев. Что за люди такие! Всех смертей не испугались! А сами ну самый мирный народ. Простые, весёлые. Шутят, с ребятами забавляются. А Сапунов дядя Женя прямо волшебник какой-то. Его навещать в госпитале некому, родня живёт далеко от Москвы, а он вдруг говорит ребятам:

– Ко мне сегодня сестрички придут.

– Дядя Женя, они же далеко живут?

– Увидеть захотят – на крыльях прилетят, – ответил тот загадочно.

– Шутите вы всё! – не верит Стеша.

– Подождите немножко, постучат в окошко, – улыбнулся Сапунов.

И верно! Через какое-то время – тук-тук-тук раздалось в окно у его койки. Смотрят ребята, а это две нарядные птички-синички клювами стучат.

– Вот и мои сестрички! Здрасте-пожалте! Как ваш брат солдат живёт? Преотлично живет, семечки грызёт! – И дядя Женя Сапунов осторожно высыпает в приоткрытую форточку горсть семечек.

– Дядя Женя, как вы это сумели их приручить? Научите нас!

– Очень просто. Здесь всё учение – терпение. Чтобы птичку или зверушку приручить, надо к ней в доверие войти.

Если любимцем ребят был Сапунов, то для самих двинцев самым желанным гостем был дедушка Кучков. Они собирались около него, как дети вокруг сказочника. И что он только им не рассказывал! И про хитрых попов и монахов, и про известных московских дур и дураков, и о немыслимых причудах купцов. Даже про некоторые московские дома рассказывал истории.

Мог он рассказать и про знаменитую воровку Соньку Золотую Ручку, и про разбойника Ваньку Каина. Но все свои рассказы он всегда завершал воспоминанием, как в 1905 году он дрался на московских баррикадах с царским войском.

– Победили бы мы их, кабы у них пушек не было. Пушками-то они нас и погромили.

– И глаз тебе подбили из пушки? – шутливо спрашивал всякий раз кто-нибудь.

– Нет. Я уже тогда на глаз этот крив был.

– Да как же ты стрелял-то с одним глазом, дедушка?

– А с одним ещё способней, щуриться не надо. Стрельнёшь не моргнёшь, значит, не промажешь!

Шутки шутками, а не кто, как именно дедушка Кучков добился, чтобы двинцам, кроме хлебного пайка, добавляли ещё к чаю по калачу или по французской булке. Это были как бы подарки рабочих-пекарей солдатам, пострадавшим за народную правду.

После тюремных голодовок двинцы отъедались, радуясь каждому сухарю, не то что булочке. Да и чайку двинцы любили попить. Так что конфеты Фильки очень

пригодились. Угощались артельно. Солдаты, рабочие, мальчишки – все за один стол садились.

Филька, как и Андрейка, быстро в госпитале своим стал и, причмокивая с блюдечка чай, солдатские байки про войну слушал.

Запомнился ребятам рассказ отца Стеши Василия Боронина о том, как его расстреливал лучший друг, которого он от смерти спас – в рукопашной на себя удар германского штыка принял.

Был это ротный командир, храбрейший офицер из дворянского рода Морозовых. За спасение командира Василию Георгиевский крест дали. А выписался из госпиталя – побывку на родину. Матушка офицера в своё имение на поправку его приглашала. Как же! Наследника знатного рода спас. Побывал бы у неё солдат, да некогда: война идёт. Офицер Морозов его к себе приблизил, всюду вместе: и в разведке и в бою. Как побратимы! Вдруг революция. Когда царя свергли, Василий и говорит: «Зачем нам теперь воевать, ваше благородие? Мы, солдаты, штыки в землю – и по домам!»

Офицер Морозов вспылил: «Болван! Не твоё дело политика!»

И пошла между ними рознь. Василий за большевиков держит, офицер – за Корнилова. И так они разделились, что попал солдат под полевой суд, и присудили его за агитацию против войны к смерти. Чьей роты солдат, та и расстреливает. Вывели его в овраг, поставили у обрыва, нацелились в него свои товарищи. «Пли!» – скомандовал офицер Морозов. Залп раздался, а он стоит. Ещё залп – опять жив. Себе не верит. «Неужели пули меня не берут?» – думает. А оказалось, это солдаты вверх палили. Позеленел офицер, но пальбу отменил. Взял под руку Василия и повел в штаб. Идут лесом. Вынимает офицер наган и говорит: «Должен я по законам чести сам теперь застрелиться или привести в исполнение приговор над тобой».

Рассердился Василий: «Стреляйте, ваше благородие, если совесть позволит. Только скорей. Не то я за себя не ручаюсь». – «Ладно, дам тебе шанс – беги», – сказал офицер Морозов. «Мне бы надо ему в глотку вцепиться, а я сдуру побежал. Не промахнулся офицер. Мало того, когда я упал простреленный, для верности ещё в меня выпалил. Да рука у него всё-таки, видно, дрогнула. Живой я остался. Бросил меня Морозов в лесу, думал, я мёртв, да ошибся!»

– А у тебя на него рука не дрогнет, дядя Вася? – пристал Андрейка.

– Нет, не дрогнет! Они буржуи, мы пролетарии, у нас друг другу пощады нет. Один разговор: кто кого? Потому им, дворянам, свои имения-богатства дороже нашей жизни. Спасая их, они нас всех готовы перестрелять!

Вот как рассуждали двинцы, побывавшие под офицерской расправой.

УГОЩЕНИЕ

– Ты что, своих не узнаешь? – остановил Андрейка Стешу. – Глянь, голавлищи какие! Сознательные. Сами на удочку шли. Я закидывал да приговаривал: «На солдатское счастье!»

Но Стеша смотрела на голавлей и не видела их.

– Мертвец воскрес, – сказала она, не слушая Андрейку. – Офицер Морозов, который папу расстреливал, объявился.

– Вот ты чего испугалась! Да мы их завтра сами напугаем. Как выйдем все сразу со всех фабрик и заводов да как крикнем в один голос – все буржуи задрожат! На завтра у нас демонстрация молодёжи против войны назначена. Забирай улов, готовь папане угощение. Мне по своим делам спешить надо.

Стеша наконец пришла в себя, уставилась на голавлей, обрадовалась:

– Ой, Андрейка, жирные какие! Как пироги. Вот мы папаню накормим. От такого угощения он сил наберётся. Идем, маме покажем, какие у нас рыбочки. А то затужилась она совсем, что папу угостить нечем.

Когда они спускались в жилье Борониных, Стеша шепнула Андрейке:

– Радость-то у нас какая! Мама встала. Папаню ждет!

Андрейка пригляделся к сумеркам полуподвала и впервые увидел Анну Тимофеевну одетой. Она сидела, опираясь на спинку кровати.

– Вот папаня войдет, и я встану, – улыбнулась она Стеше. – Чтобы врасплох не застал, с утра теперь одеваюсь-прибираюсь!

Андрейка взглянул на неё и обмер. Такой красоты он ещё не видел. На бледном лице, как звёзды, светились большие глаза, оттененные синими кругами. На щеках еле проступал румянец. А волосы… Золотистые волосы были стянуты в тугой узел и блестели, как шёлк.

– Мамочка, ты посмотри, каких Андрей принес рыбин для папы. Ему там, по тюрьмам, по лазаретам, разве приходилось такое кушать? Вот уж угостим папаню на славу!

Мать не отзывалась. Она смотрела на себя в тусклое, старое зеркало, стараясь представить, какой её увидит после долгой разлуки любимый муж.

– Додержали мы её всё-таки, – шепнула Стеша Андрейке. – Вот и доведётся им свидеться…

Стеша завела Андрейку в чуланчик-кухоньку.

– Ты понимаешь, чудо какое? Совсем она чуть дышала… Я иногда даже зеркало к губам подносила, дыхание её ловила… А как узнала она, что отец домой придёт, откуда силы взялись! Поднялась: «Давай, доченька, одеваться. Войдёт, а мы обе на шею ему. Он ведь крепкий!»

Поделившись своей радостью, Стеша отпустила Андрейку, взяв с него слово явиться завтра к обеду.

Андрейка торопился: ему хотелось первому увидеть знамя, под которым он завтра пойдёт на демонстрацию с Союзом молодёжи.

Ну уж золотошвейки и постарались! Ночами работая, они вышили великолепное красное знамя. На большом куске густо-алого бархата нимбом золотые вышиты слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ниже восходящее золотое солнце, а под ним красными буквами: «Союз Рабочей Молодёжи Третий Интернационал».

Когда Андрейка увидел знамя, от восторга ростом выше стал.

– Дядя Уралов, – сказал он, привставая на цыпочки перед развёрнутым знаменем, которое прикрепляли к полированному древку, – а ведь такого и у царских полков не было.

– У пехотных не видал. Да и у гвардейских тоже.

…Нести знамя на демонстрацию Андрейке не пришлось. Знамя несли ребята дюжие, крепкие. Кто знает, на знамя и нападение может быть! Но Арбуз воспользовался своим малым ростом и пошёл под знаменем, держась за его золотистую кромку.

Это была замечательная демонстрация! Такой Москва ещё не видывала и не слыхивала.

Вначале с окраин города донеслись отголоски любимых песен молодёжи: «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу!», «Интернационал». Казалось, на притихший центр города наступают, наступают со всех сторон песни революции.

На балконы думы и Московского Совета вышли думские и советские депутаты. Появились плотные ряды молодых рабочих и заводских подростков с высоко поднятыми красными знамёнами и лозунгами. Над бесконечными рядами демонстрантов огненными прочерками полыхали слова: «Долой войну!», «Мир хижинам – война дворцам!».

В центре города колонны встретили юнкеров с примкнутыми штыками. В последний момент, узнав о демонстрации, командование торопливо выставляло оцепление, объяснив городским властям – Думе и Совету, – будто для охраны демонстрантов от возмущённой публики.

Резко бросался в глаза контраст между весёелыми, задорными лицами демонстрантов и мрачными, напряженными лицами юнкеров.

Казалось, река, ликующая в весеннее половодье, бурно несётся мимо оледенелых ещё берегов. С радостью смотрели большевики на это удивительное шествие. Признаться, многие не ожидали, что недавно возникшая юношеская коммунистическая организация может привести в движение такие массы молодёжи.

С удивлением смотрел на стройные ряды юных демонстрантов городской голова Руднев и полковник Рябцев.

– Да, внушительная сила… Дай им в руки оружие – и… готовое войско, – сказал полковник.

– Удивительны шутки революции! Целая армия молодых большевиков открыто марширует на виду правительственных войск, а ееё предводитель объявлен вне закона и скрывается где-то в подполье, – пожал плечами городской голова.

– Какую же армию он организует, выйдя из подполья?!

– А вот этого не следует допускать!..

ОПЯТЬ ПРО ЦАРСКИЕ КОВРЫ

Увы, на этот раз на рыбалке Андрейке не везло. Голавли не попадались, как он ни старался, как ни уговаривал их быть сознательными, говорил, не для себя старается – людям нужно. А вот к Фильке голавли так и шли, так и насаживались на крючок.

Филька посочувствовал другу и отдал ему несколько самых крупных рыб, с условием, что Андрейка проводит его к тётке. Вдвоём веселей от бойскаутов отбиваться, если те задумают рыбу отобрать и удочки поломать. В последнее время скауты так обнаглели, проходу от них не стало!

Спрятав под рубахи голавлей, которые трепыхались и липли к телу, мальчишки переулками, закоулками, пролазами сквозь заборы добрались до Кремля, минуя все бойскаутские заставы.

Тётка по голавлям очень заскучала. Что ни день, подай ей свежей рыбки из Москвы-реки. Беда, да и только! Отец строго-настрого приказал во всём богатой тётке угождать.

После отцовского нравоучения Филька теперь очень старался тётке угодить. У тётки Прасковьи Ивановны за каждую его рыбку улыбка, за каждую услугу по головке гладит.

Проскочили ребята в Кремль, глядь, а тётка опять ковры перед дворцом расстилает, солдатами командует, чтобы разувались, не попортили драгоценное имущество.

– Тетя Паня, а теперь для кого стараетесь? Царя-то нет! – спросил Андрейка.

– Царя-то нет, да царица осталась. Для Александры Фёдоровны.

– Царица вместе с царём арестована! – пояснил тётке Филька.

– Царя под стол, сама на престол. Это у них бывало, у Романовых. Так царица Екатерина сделала, тоже из немок была и тоже своего дурака скрутила.

– Ой, тетя Паня, путаете вы всё.

– Ничего не путаю! В газетах писали… Они резвые бывают, царицы-то. Для неё покои готовим. Для Александры Фёдоровны. Едет, не нынче завтра будет, – убеждённо сказала Прасковья Ивановна и снова принялась солдатами командовать, чтобы лучше ковры для царицы чистили.

Андрейка и Филька призадумались. Тётка в придворных делах человек сведущий. Прислушались, и солдаты про то говорят:

– Ох, братцы-арсенальцы, не к добру эти коврики развёртываются! Не иначе Александра Фёдоровна в штанах Питер немцам продаст, а сама в Кремль чесанет.

– Есть слух, она царя на миноносце вознамерилась в Англию сплавить, а сама сюда…

– От балтийских матросиков подальше.

– Да за такие проделки матросики с Александры Фёдоровны штаны снимут, юбку наденут!

Солдаты расхохотались. Но Андрейке было не до смеха.

– Ты, Филя, ублажай тётку, а я к своим. Недаром здесь ковры чистят. Для царя ли, для царицы, надо нашим рассказать.

Арбуз умчался.

На заводе многие цехи не работали. Во дворе было полно народа. Шёл какой-то спор-разговор. Увидел Арбуз Уралова – и к нему.

– Интересная модель! – крутанул Уралов ус, выслушав торопливый рассказ Андрейки про царские ковры. И обратился к рабочим, толпившимся во дворе: – Вот и ещё одно подтверждение, товарищи, к тому, о чём Ильич предупреждает. А ну, Арбуз, скажи, что в Кремле делается. Да погромче, чтобы все слышали.

Андрейка, собравшись с духом, прокричал о том, что в Кремле царские ковры чистят, чтоб подстелить под ножки царицы Александры Фёдоровны, которая вот-вот из Питера в Москву пожалует, и для убедительности Арбуз перекрестился.

По толпе прокатился хохот. Андрейка покраснел, но смеялся вместе со всеми. Оказывается, Александрой Фёдоровной прозвали рабочие Александра Фёдоровича Керенского.

На митинге в кино «Великан» большевики из Московского комитета разоблачили предательский план главы Временного правительства Александра Керенского сдать Петроград германцам, а самому сбежать из столицы в Москву. Михельсоновцы зашумели:

– Не дадим московской контрреволюции кремлёвские ковры изменнику расстелить!

– Долой предательское правительство Керенского!

– К оружию, товарищи! – грохотал зал.

Уралова обступили бывшие на митинге двинцы. К Андрейке подошёл Стешин отец.

– Эй, дорогой товарищ, это, оказывается, ты о моем семействе заботился? Мне Стешка рассказывала про Арбуза, который для них лучший друг. Значит, ты и есть Арбуз! Ну спасибо, парень!

Андрейка покраснел от таких похвал, хотел смыться, а двинец его за руку.

– В честь твоих забот пошли на званый обед в моё семейство. – И обратился к Уралову: – Отпустите до вечера вашего Арбуза в моё распоряжение.

– Валяйте погуляйте! – улыбнулся Уралов. – Только не загуляйтесь, учитывая обстановочку, бойцы!

Гордясь, что он причислен к бойцам, Андрейка важно зашагал к Боронину в гости.

Вот и знакомый дом, и ступеньки в полуподвал.

Боронин вошёл, и всё произошло, как мечталось: Стеша повисла у отца на шее, её мать прижалась щекой к его щеке. Солдат обнял обеих сразу и целовал поочередно то ту, то другую.

– Ну не плачьте вы… Зачем же? Такая радость…

– Да разве мы плачем? – говорила мать, отирая слёзы.

Стеша принесла и поставила на стол сковородку с шипящими, скворчащими голавлями.

– Богато живёте! – воскликнул Василий Боронин. – А мне не верилось, когда Стеша рассказывала. Думал, голодаете.

Мирная радость заполнила Стешину каморку.

ЖУК НА БУЛАВОЧКЕ

Вернувшись домой в неурочный час, Павлов-старший так бахнул кулаком по столу, что любимая бабушкина чашка раскололась. Подпрыгнула, и пополам!

– Опять двадцать пять! Станки остановлены. Теперь приспичило Керенского свергать. Слесари, токари, кузнецы вместо работы с ружьями бегают. Где Сашка? Где Андрей? Пойду их искать…

Такого ещё не было, чтобы сам отец за сыновьями гонялся.

Павлов вернулся домой поздно и очень злой. Его на завод не пустили: вокруг стояла вооруженная охрана. Пропускали только красногвардейцев. Сотни рабочих толпились вокруг завода. Многие требовали оружия. Против кого? Зачем?

Слухи ходили разные. Одни говорили, будто большевики уже взяли власть и Керенский бежал, а вдогонку за ним матросы, чтобы отнять все тайные печати, которые тот с собой унёс. А без печатей власть не власть. Другие заявляли, будто Керенский поехал к фронтовым войскам, чтобы солдат, которые в окопах, привести в Питер и в Кронштадт, а на их место отправить находящихся в Питере. Третьи утверждали, будто Керенский убежал из Питера потому, что там уже германцы, и Керенскому приходится пробираться в Москву, нарядившись бабой.

Все чего-то ждали. Уралов расхаживал, проверял караулы, нервно покусывал усы.

В заводские ворота вдруг въехала походная кухня, и всех красногвардейцев стали кормить солдатской пищей, как на войне.

Андрейка не растерялся и сумел съесть две порции, после чего залёг на обтирочном тряпье в углу цеха и хорошо вздремнул на сытый по-буржуйски желудок.

Разбудил его шёпот. Бакланов, Пуканов, Киреев сговаривались пойти добывать оружие. Андрейка подсказал им, где выйти лазейкой, миновав караулы, и за это был взят в компанию.

Ночь пала холодная, туманная, чуть моросило. Огни тускло светились лишь кое-где на перекрёстках да у подъездов богатых домов.

Подошли к одному бородачу в тулупе, из-под которого торчал ствол берданки. Только хотели наброситься на него – из темноты Гришка Чайник.

– Жук! – предостерег Андрейка друзей.

– На булавочке! – как на пароль отозвался Гриша. И, опознав михельсоновцев, откозырял.

Потом Гриша подошел к дворнику, шепнул ему что-то на ухо, и тот снял с плеча берданку. Гриша осмотрел её и на вытянутых руках преподнёс ребятам.

– Вот так культурнее! – сказал он назидательно, а дворнику разрешил пойти поспать, сказав, что охрану сегодня будут нести заводские патрули.

Так они обезоружили нескольких охранников, и ни один не подумал сопротивляться.

Берданки были громадные, тяжёлые, времен турецкой войны. Можно было бы и ещё добыть, но, взглянув на Андрейку, Гриша сказал:

– «Пистолету» нужен пистолет, а не такая бандура. Пошли, ребята! Подкатимся к одному моему знакомому, выпросим для Арбуза игрушку!

Гриша направился к своему дому, где он жил в полуподвале, а над ним занимал квартиру комиссар Временного правительства, уполномоченный Керенского по Замоскворечью.

Оставив ребят во дворе, Гриша легко открыл дверь отмычкой. Комиссар что-то писал, сидя за столом.

– Что за шутки?! – вскричал уполномоченный, шаря в столе оружие.

– Провалился за бумажки, – помог ему Гриша, извлекая револьвер. Шутки были – шутки кончились.

– Вы с ума сошли?! Мне с минуты на минуту может позвонить сам Александр Федорович Керенский!

– Спите спокойно, не позвонит. В бегах Александр Федорович. И боже вас избавь выходить из дому. Сидите смирно.

– Так это арест? По чьему полномочию?

– Никаких арестов. В Замоскворечье все тихо… Бери, Арбуз, играйся. Взрослым такие штучки ни к чему. – И Чайник, передав Андрейке браунинг, церемонно откланялся.

– Господи, неужели этот страшный большевик – наш любезный Гриша, который нас охранял, опекал, – прошептала супруга уполномоченного.

– Большевисткий оборотень! Как я раньше не догадался? – стукнул себя по лбу её супруг и бросился к окну.

С улицы донёсся мерный топот множества шагов. Под покровом ночи куда-то маршировала воинская часть. По чёткости шага, по плотности строя, по выправке уполномоченный определил: идут юнкера – оплот и надежда Временного правительства.

– Значит, действительно началось то, к чему так долго готовились. Юнкера идут навести порядок.

– Сюда! Ко мне! На помощь! – закричал уполномоченный Временного правительства.

Но строй проследовал мимо, и никто не обратил внимания на его крик.

– О боже! – заломил руки уполномоченный. – Такое решающее мгновение, а я в таком нелепом положении. Этого история мне не простит!

…Притаившись в подъезде, ребята смотрели на ровные ряды, на чёткий шаг, на блеск штыков. Юнкера шли в полном молчании. За каждой ротой везли пулемёты и патроны.

– Юнкера на войну тронулись, – прошептал Арбуз.

– На войну с нами, – проводив их взглядом, сказал Гриша. – Запомните, ребята, эту ночь, этот час…

Часть третья
ЧАС НАСТАЛ

– Наш час настал! – сказал Руднев, войдя в кабинет Рябцева. – Вот телеграмма Керенского, возлагающая на меня бремя власти.

– Час настал несколько раньше, чем мы предполагали. Большевики взяли власть в Петрограде, – встал навстречу городскому голове полковник.

– На зачинщиков бог! – обидчиво воскликнул Руднев.

– Бог-то бог, да Александр Федорович плох. Где он? Что с ним? Что за телеграмма?

– Несколько странная. Он дал её, покидая Зимний дворец, не указав, куда поехал…

– Ах, Питер, Питер! Лучше бы он достался Вильгельму, чем Ленину. Столица революции в руках большевиков! – посетовал Руднев.

– Сделаем столицей Москву. Кто владеет белокаменной, владеет Россией. В Москве у меня много верных штыков: юнкера, казаки, унтер-офицерские училища, школа прапорщиков. У большевиков здесь ни балтийских матросов, ни пушек Авроры и, главное, нет Ленина. Так с богом? Могу привести свои штыки в действие, с вашего разрешения. – Рябцев церемонно поклонился, щёлкнув каблуками.

– М-да… Волею обстоятельств я сейчас законный представитель незаконно свергнутого правительства. От меня должна исходить инициатива. Нам обещана поддержка: с фронта на Москву будут двинуты верные Временному правительству войска. Так что, не сбрасывая этого обстоятельства со счетов, я полагаю создать Комитет общественной безопасности и от его имени выступить против большевиков. А затем, когда они будут подавлены…

– Боитесь? И хочется и колется! – зло бросил полковник.

– Не за себя боюсь. За Россию. Может пролиться много крови.

– Без крови и дети не рождаются! – усмехнулся Рябцев. – А новые правительства подавно.

– Так вот, законные основания могут быть таковы, – потупившись, сказал городской голова. – В Москве как раз собрался Вселенский собор для выбора патриарха, и… по историческим аналогиям русское духовенство может пригласить нас с вами для усмирения всероссийской смуты.

– Что ж, можно и так! Вас в качестве Минина, меня как князя Пожарского.

– Было бы эффектно, если бы голос духовенства прозвучал из стен древнего Кремля, – просительно сказал Руднев.

– Вам нужен Кремль? Хорошо, я подарю вам его! – полковник широким жестом указал на зубчатые стены и башни, виднеющиеся в окне.

– Но в Кремле большевистский гарнизон…

– Это не ваша забота!

– И потом надо покончить с двоевластием…

– Захватить Московский Совет?

– Да. Если б можно, и… ликвидировать Московский комитет большевиков.

– Я уже приступил к этой операции. Все руководящие большевики собрались в здании Московского Совета, чтобы выслушать председателя оного Ногина, только что

прибывшего из Петрограда от самого Ленина. Вот я их… – И полковник сделал жест рукой, не вызывающий сомнений.

– Это было бы отлично! Всех разом… обезвредить. Но, проезжая мимо, я не заметил никаких признаков осуществления ваших намерений.

– А вы знаете, как хорьки душат кур? Тихо, бесшумно, беззвучно. Так аккуратно, чтобы ни единый крик петуха не пробудил хозяев.

Руднева несколько покоробило это странное сравнение, и он настороженно взглянул на полковника. А тот продолжал:

– Мои юнкера под командованием опытных офицеров тихо подкрадываются сейчас к большевистскому курятнику.

– Военная операция – это ваше дело, – засуетился Руднев. – Не вмешиваюсь! Поспешу в думу, чтобы организовать общественное негодование против большевиков, ну и все, что нужно по гражданской линии. – И с тем городской голова удалился.

Полковник поспешил к телефону проверить ход операции и отдать необходимые приказы.

И вдруг адъютант доложил, что с ним хотят говорить председатель Исполкома Моссовета Ногин и назначенный комиссаром Кремля Ярославский.

Рябцев обрадовался. Эти люди, рассуждал он, считали его вполне лояльным. Пожимали его руку, когда он, не поддержав мятежа Корнилова, послал против него полки Московского гарнизона. Но они не знали, что он действовал в своих интересах. Вероятно, они пришли к нему с миром, не зная, что им уже объявлена война.

И Рябцев решил сразу же пресечь всякую возможность мирного исхода этой встречи. Поэтому, не дав заговорить представителям большевиков, он набросился на них с упрёками:

– Какие у нас с вами могут быть переговоры, если вы считаете меня врагом? Без моего разрешения вы ввели в Кремль вышедшую из моего подчинения воинскую часть! Назначили через мою голову комиссара! Значит, я уже отстранен от командования? Это самоуправство! Ваши действия рождают противодействия! И я вынужден поступать с вами так же, как вы со мной. Смотрите, – Рябцев указал в окно.

Из кабинета было видно, как, обтекая Красную площадь, вдоль торговых рядов движется цепочка юнкеров с примкнутыми штыками.

– Что это значит? – строго спросил Ногин. – Это похоже на военный мятеж против законной власти!

– Мятеж против законной власти произошел в Петрограде! – наступал Рябцев.

– Разве вам не известно, что по поручению съезда Советов Ленин…

Рябцев перебил Ярославского:

– Ваш Ленин захватил власть, используя бунт большевиствующих солдат и матросов. В Москве это не пройдёт! Все попытки бунта будут пресечены. По моему приказу верные Временному правительству части занимают государственные учреждения, вокзалы, телеграф, телефон и прочие пункты. Бунтующие войска блокированы в казармах. Для сбережения ценностей Кремля от анархиствующих элементов и разграбления я заменю солдат юнкерами.

– Вы много на себя берёте, – сказал Ногин.

– Вы взяли на себя больше. Не имея на то никаких прав, свергли законное правительство Керенского.

– Правительство измены! – воскликнул Ярославский.

– По праву пролетарской революции, – сказал Ногин. – По требованию народных масс. И мы предлагаем вам: подчинитесь Советскому правительству!

– Оставим споры. Перейдём к делу, – жестко сказал Рябцев. – В Москве сила на моей стороне. На каждого большевика у меня два юнкерских штыка, – усмехнулся он. – Я предлагаю вам немедленно отправить обратно в казармы вашу большевистскую роту, незаконно введенную в Кремль. Приказывайте отрядам Красной гвардии оставаться для охраны фабрик и заводов. И только! После этого мы сядем за стол переговоров и решим, как выйти из сложившегося положения, чтоб не допустить в Москве кровопролития. Надеюсь, вам всё понятно? – самоуверенно закончил он.

Но его самоуверенность сбил крик вбежавшего вестового:

– Вас идут убивать! Солдаты!

Пробираясь по бушующему Кремлю со свежесмолотым кофе для полковника, Лукаша попал в водоворот стихийного солдатского митинга, который так и взорвался, когда дозорные со стен закричали, что Кремль окружают юнкера. Кто-то подал команду: «Караул, в ружьё!» Кто-то приказал сыграть на трубе тревогу. Одни солдаты уже тащили на стены пулемёты, другие занимали места за бойницами, третьи стали спешно рыть окопчики перед воротами, запутывая их колючей проволокой и заваливая дровами, бревнами.

Толпа, ощетинившись штыками, повалила к квартире Рябцева.

У Лукаши ноги подкосились, когда он понял, что этими солдатами сейчас владело одно желание – расправиться с Рябцевым. Как он обогнал солдат, как запер дверь парадного на засов, Лукаша не помнил. И вот он стоит перед полковником и кричит, рассыпая кофе на паркет: «Вас идут убивать! Солдаты!»

Схватив Лукашу за шиворот, полковник, словно щенка, выбросил его в прихожую и захлопнул дверь.

– Ну вот, полюбуйтесь, господа, на разгул солдатской стихии… Вот против чего я восстал.

– Эта стихия сметёт вас, – сказал Ярославский. – Смиритесь, полковник. Уберите ваших юнкеров, раздразнивших солдат.

– Согласен. Я отведу от Кремля юнкеров, вы выведете из стен Кремля роту сто девяносто третьего полка.

– О деталях договоримся за столом переговоров, – сказал Ярославский.

Ногин и Ярославский вышли к солдатам и объяснили, что полковник Рябцев готов подчиниться Советской власти. Юнкерам будет приказано уйти восвояси.

Сопровождаемые до ворот комендантом Кремля, молодым большевиком прапорщиком Берзиным, они уехали.

«НЫТРЫЛИТЕТ»

Когда Иван Васильевич Кучков и Андрейка подошли к расположению артиллерийской бригады, ворота оказались на запоре. В них давно и напрасно стучался двинец Зелёнов, посланный уговорить артиллеристов поддержать их своими пушками. Ворота охранялись усиленными нарядами унтеров и старшин под командой офицеров. Солдат видно не было.

– Здесь происходит недоброе, – волновался Зелёнов. – В этой бригаде много кулацких сынков. Недаром в бригаде эсеровское засилье.

– Среди солдат и сочувственные нам найдутся, – успокаивал его Кучков. – Здесь не одно кулачьё, в наводчиках и бывшие рабочие есть. Да и батраков немало.

– Но ведь их раскачать надо, организовать, пока офицерьё на свою сторону их не повернуло! Придётся лезть через забор. – Зелёнов подобрал полы шинели.

– Не лазь! Подстрелят, – остерёг его Кучков.

– В каждом заборе лазейка есть, – подсказал Андрейка.

Иван Васильевич, согнувшись, бросился вдоль забора, щупая и пробуя доски. Зелёнов подался в противоположную сторону. Первым обнаружил потайной лаз Андрейка – за помойкой. Хорошо, удобно. В случае если застукают, помои, мол, выносили.

Патруль заметил посторонних уже у входа в самый большой барак, где шёл митинг, попытался было задержать, да поздно. Пришедшие затерялись в массе артиллеристов.

На трибуне ораторствовал поп. Он читал обращение Вселенского святейшего собора к солдатам – не поддаваться антихристам-большевикам, не обагрять свои руки кровью православных.

– А моей кровью обагрять можно? – крикнул Кучков.

– Ты кто такой? – уставился на него председатель солдатского комитета. – Откуда взялся?

– Я ваш дедушка! С неба свалился! – Иван Васильевич полез на трибуну. Его пытались не пустить, но солдаты закричали: «Дать слово дедушке!»

– Благословите, батюшка! – отстраняя попа, склонился Кучков. – Вот видите, и благословения не дает. Значит, я для батюшки и неправославный! Господа офицеры, с которыми он в картишки перекидывается, меня могут и прикончить, пока вы нейтралитет держать будете! На запоры вас заперли, от свежего воздуха затворили. Почему я, революционер пятого года, депутат Московского Совета от пекарей, хлебный дедушка ваш, должен к вам через помойку лазить, а? Ух вы, нейтралы!

Солдаты притихли.

– Это кто распорядился никого к нам не пускать? – раздалось из толпы.

– Комитет не распоряжался, – ответил председатель.

– Значит, «ваши благородия» вами, как при царе, распоряжаются? Опекают, как детей малых? Скоро в нужники под конвоем поведут нейтралов!

– Провокатор! Демагог! Лишаю слова! – поднялся из-за стола председатель солдатского комитета, по-видимому, из эсеров.

– Я провокатор? Я демагог?! – двинулся на него Кучков.

На трибуну вскочил Зелёенов, зажав в руке солдатскую фуражку.

– Я от имени солдат-двинцев кланяюсь вам, товарищи, и прошу: да выгоните вы соглашателей, офицерских ставленников, буржуйских прихвостней! Захватили они ваш солдатский комитет. Не доведут до добра. Их душка Керенский сбежал, Временное правительство, изменившее революции, арестовано солдатами и матросами, власть перешла к съезду Советов.

– Врёшь! – грохнуло из зала.

– Убейте меня, если вру! Ленин сформировал Советское правительство. Ленин, который за мир народу, за землю крестьянам!

– Что здесь происходит?! – входя в барак, крикнул рослый бородатый полковник, чуть не оглушив притиснутого к дверям Андрейку.

– Вам слово не дано, господин полковник! – ответил ему Зелёнов. – Здесь солдаты решают свои, солдатские, дела… А вы занимайтесь своими, офицерскими.

– Молчать! Арестовать постороннего! Караул, в ружье!

Услышав команду полковника, солдаты, словно пчёлы из потревоженного улья, вылетели во двор, отняли винтовки у караульной команды и, наверное, перекололи бы офицеров, вздумай хоть один из них выстрелить. Потом кто-то растворил ворота, и солдаты выпроводили из казарм офицеров и занялись своими солдатскими делами.

Вновь избранный председатель солдатского комитета был большевиком.

– Сочувствующих у нас немало, но проявить себя пока не решались. Очень сильны были у нас эсеры, – объяснял он Кучкову, пытаясь дозвониться по телефону в Московский Совет. Но почему-то телефон переключали на штаб военного округа и в трубке раздавался строгий офицерский голос: «Из какого полка? По какому делу? Что произошло в бригаде?»

Председатель комитета улыбнулся и посадил к телефону самого горластого парня – ездового Федю, наказав ему на все вопросы отвечать: «Держим строгий нейтралитет!»

Федя всё понял, но никак не мог выговорить мудреное слово «нейтралитет» и отвечал:

«У нас строго. Нытрылитет!»

Так он ответил и самому Рябцеву.

Услышав «нытрылитет», полковник закричал:

– Да ты соображаешь, с кем говоришь, мерзавец? Я полковник Рябцев! Твое имя, звание?

– Ездовой Хведя!

– Передай трубку кому-нибудь из членов вашего комитета, болван!

– От болвана слышу.

– Я тебя пристрелю, негодяй! Да что у вас там?!

– Нытрылитет!

Комитетчик и Кучков от смеха сотрясались, слушая этот разговор.

Рябцев швырнул трубку и приказал поручику Ровному во что бы то ни стало либо овладеть бригадой, либо изъять у неё пушки. Сам Рябцев занялся Кремлем.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Лишь только за Ногиным и Ярославским захлопнулись железные ворота, как к ним подскочили юнкера, прятавшиеся в Манеже и во дворах напротив Боровицкой башни. Офицер, командовавший ими, успел просунуть носок сапога в дверь калитки и не давал закрыть её.

– Да легче вы, черти! – ругался он на солдат, затворявших её. – Ногу пожалейте! Прапорщик, пощадите, будьте человеком. Кажется, вы здесь командуете?

Берзин подошел к калитке.

– Очень приятно! Рында-Бельский к вашим услугам. А вы знаете последние новости? Нет! Так слушайте! Да пропустите меня. Не бойтесь. Хотите, подниму руки? Обезоруживайте! – И, широко улыбаясь, офицер Рында-Бельский вошёл в железную дверь.

– Ну, что вы скажете? – обратился к нему Берзин.

– А то я скажу, господин прапорщик, бросьте шутки шутить. Как офицер офицеру говорю, в гибельное дело большевики вас втравили. Сами уже договорились с Рябцевым о ликвидации своей лавочки, выговорили беспрепятственный выезд, и фью… А вас с солдатиками как заложников нам на закуску оставили.

– Я вам не верю!

– А вы себе поверьте. Своим ушам. Послушайте, какая в Москве тишина… Если бы большевики сопротивлялись, сейчас бы пальба шла.

Берзин и солдаты прислушались.

– Я боевой офицер. Посмотрите, ребята, на мои кресты. Солдатский Георгий не запросто офицерам даётся! Мы, русские люди, одной матери-родины… – плел офицер Рында-Бельский.

Солдаты забеспокоились.

– Узнать бы, товарищ Берзин, что там, за стенами?

– Телефоны перехвачены.

– Разведку послать, связных…

– Попробуйте высунуться. Вас юнкера переколют, – пригрозил Рында-Бельский. – Они вас бандитами считают, захватившими Кремль для грабежа его сокровищ.

– Да целы все сокровища! На кой они нам, бриллианты в шапках Мономаха? Нам земля да воля нужны, – сказал щербатый солдат. – Хоть проверяйте! Всё на месте. И кресты и золотые блюда.

– Вот юнкера сюда и стремятся, чтобы проверить. Слухами о грабеже Кремля вся Москва бурлит. Пустите их, и вся недолга.

– Пустил бобёр лису в хатку, да стала у него шубы нехватка! – осклабился щербатый. – Ты, ваше благородие, дитям сказки рассказывай.

– Берзина к телефону! – раздался голос вестового.

– Вот и отлично! Вы там выясните, кстати, кто я, пленный или гость? А мы пока покурим. – И Рында-Бельский развернул перед солдатами портсигар с вензелем и надписью «За храбрость».

– Ладно! С паршивой овцы хоть шерсти клок, – сказал щербатый и выгреб горсть папирос.

Засмеявшись, солдаты задымили.

– Зря вы, служивые, в эти дела ввязываетесь, – пуская дым колечками, гнул своё Рында-Бельский. – Вам вот-вот и земля выйдет и воля, недолго до Учредительного собрания, а вы тут жизнями рискуете в междоусобной драке. Какая вам польза за большевиков под пули? Нынче большевики, завтра меньшевики, кадеты, эсеры, все волки серы… А мужик один! Убили его, и нет хозяина… Пусть партии сами и дерутся между собой.

– А вы-то чего своей шкуркой рискуете, ваше благородие? Зачем в эту драку лезете? – прищурил глаз щербатый.

– Я ни в какую драку не лезу… Зачем же? Меня не трогают, и я не трону. Но если меня или моих юнкеров заденут. Извините!

– Да не тронем мы ваших юнкеров! Не мы к ним, а они к нам сунулись.

– Так ведь не к вам, к Кремлю. Оным русским сердцам тревожно за русскую славу!

– А зачем же штыки-то примкнули?

– Так ведь думали, тут анархисты-грабители.

– Большевики тут есть. А насчет анархистов… Да мы их, – погрозился щербатый.

– Ну а если так, пустите юнкеров и вместе с ними все хранилища и подвалы обойдите, осмотрите. Во избежание недоразумений выставите совместные караулы. В паре, юнкер и солдат. Дело я говорю?

– Оно и дело, кабы такое дело, – сказал солдат с мягким украинским выговором. – Да ведь не то дело, что сказано, а то, что сделано!

– А что может вам сделаться? Или вы юнкеров боитесь? Мальчишек! Ну вот тебя поставить. Экий детина! Неужели перед семнадцатилетним юнцом в дрожь тебя бросит?

– Ну-ну, – расправил широченные плечи «детина», – ещё чего?

– Так вот об этом и речь. Чего ваш Берзин топорщится?

Подошла смена караула.

– Что там слыхать, братцы, чего Берзин на телефонах повис?

Сменившиеся пошли искать Берзина.

…Берзин в окружении солдат, бледный, брал непрерывно звонившие телефоны и бросал трубки на рычажки. Дозвониться до кого-нибудь из центрального штаба Московского комитета не удавалось. Во всех трубках звучали настойчивые, предупреждающие голоса: то поручика Ровного, то городского головы Руднева, то начальника штаба округа генерала Кавтарадзе и ещё каких-то начальствующих лиц.

И все призывали его поскорее одуматься, не своевольничать, не идти одному против всей Москвы и России.

– Московские большевики подчинились приказу полковника Рябцева, распустили Красную гвардию…

– Верните в казармы поднятых вами солдат. Отворите ворота для юнкеров, ваших недавних товарищей. Не берите на себя ответственность за возможное кровопролитие!..

– Полевой суд вас как самозванца даже не расстреляет, а повесит… запугивали его на все лады.

После многих бесполезных попыток связаться с Московским Советом, с Военно-революционным комитетом, со штабом Красной гвардии Берзин услышал один только голос меньшевика Минора. Он посоветовал: немедленно открыть ворота, впустить в Кремль юнкеров, допустить думскую комиссию для проверки сохранности исторических ценностей.

Берзин вздохнул с облегчением: значит, всёе улаживается миром. И пошёл выполнять совет. Пошатываясь от усталости, он подошел к Боровицким воротам и сказал Рында-Бельскому:

– Что ж, поручик, давайте разведём по постам спаренные патрули моих солдат и ваших юнкеров.

Рында-Бельский широко улыбнулся, крепко сжал его руку, спиной распахнул калитку, пропуская застоявшихся за ней юнкеров, и левой рукой с наслаждением ударил Берзина по лицу. Он был левша.

Юнкера сбили Берзина с ног и принялись топтать. Солдаты растерялись, теснимые юнкерами, один лишь щербатый взмахнул прикладом винтовки, как дубиной, и рухнул, застреленный Рында-Бельским.

Ворвавшиеся юнкера растворили ворота, в них хлынули с криками «ура!» новые толпы юнкеров и устремились в Кремль, таща за собой пулемёты.

Рында-Бельский командовал теперь уже не один. Множество офицеров, сверкая погонами и саблями, отдавали команды.

Рябцев торжествовал. Обман удался. Все складывалось прекрасно. Кремль захвачен, Московский Совет окружен юнкерами. Навестив Рябцева и миновав солдатское побоище, несколько омрачившее прекрасное настроение, Руднев чувствовал себя новым Мининым. Ему уже мнился колокольный звон кремлёвских церквей, величественный ход духовенства в сверкающем облачении, с хоругвями и

иконами. Народ, на коленях умоляющий спасти Россию от смуты… Полковник Рябцев будет на коне… А он как же? В коляске? Неловко. Пешком? Не то… Как показывался перед народом Минин? Наверное, тоже на коне въезжал вместе с Пожарским в освобождённую Москву.

КАК АРБУЗ ОТ ПУШЕК ОТГОНЯЛ ЛЯГУШЕК

Офицеры-артиллеристы, изгнанные своими солдатами из казарм, рвались отомстить за свое бесчестие. Для верности они прихватили юнкеров и стали выжидать, когда в бригаде все угомонятся. Собравшись тайно, заговорщицки в здании Петровского дворца, офицеры, просидев без огней до глубокой ночи, тихо вышли в парк, словно боясь разбудить своих бывших подчиненных, спящих за квартал от них.

Нигде никто не окликнул их, не спросил ни пароля, ни пропуска. Всё шло удачно. Все как будто предусмотрено. Главное – застигнуть солдат врасплох. Нагнать панику. Не выпустить из казарм. Увезти у большевиков пушки.

Не звякнув штыком о штык, не прозвенев снятыми заранее шпорами, юнкера и офицеры подошли вплотную к забору, окружающему казармы бригады.

Было слышно, как вздыхают, переминаются с ноги на ногу лошади в конюшнях. Пахло остывшими кострами. Подсаживая друг друга, офицеры и юнкера полезли через забор.

Ни один часовой не заметил, как тенями мелькнули они от забора к пушкам, к конюшням, как рассыпались цепью перед казармами, как тихо стали открывать изнутри ворота…

И вдруг раздался крик. Это завопил спросонья Арбуз: кто-то в темноте наступил ему на руку. То ли юнкера подумали, что это сигнал, то ли нервы у них не выдержали, – они открыли огонь и тем выдали себя.

Солдаты-артиллеристы сыпали из всех окон и дверей бараков с яростью медведей, поднятых в берлогах на рогатины. В ответ на тявканье юнкерских винтовок и офицерских наганов раздалось грозное буханье берданок.

Кто напал? Где свои? Где чужие? В темноте не разберёшься! И солдаты палили просто вверх, для острастки, чтобы не побить своих.

Делу помог догадливый дед Кучка.

– Бей белоличек, бородачи! Лупи безусых, усачи! – орал он во всё горло.

Солдаты бросились врукопашную, с трудом отличая белолицых безусых юнкеров от своих бородатых, усатых товарищей. Кто-то запрягал, кто-то отпрягал коней, кто-то рубил постромки; одни тянули пушки к воротам, другие от ворот.

Схватка, внезапно начавшаяся, так же внезапно кончилась. Офицеры и юнкера исчезли, словно растворились в ночи.

Арбуз, притиснутый к забору, едва очнулся. По двору между коней и пушек метались артиллеристы, растаскивая перепутавшиеся упряжки, ругая юнкеров и офицеров за подлый налёт.

Весь остаток ночи и все утро по всем запасным полкам передалось: юнкера у батарейцев чуть-чуть пушки не увезли. Многие осмеивали оплошавших артиллеристов. А те злились и помалкивали, и, когда до них дошла весть, что юнкера окружили Московский Совет и находящихся там представителей рабочих и солдат, артиллеристы бросились запрягать орудия.

Вскоре, миновав Триумфальные ворота, загрохотали по булыжнику Тверской улицы пушки. Пляшут застоявшиеся кони, на них красуются ловкие ездовые, на лафетах молодые подносчики, дюжие заряжающие, усачи наводчики. А по тротуарам

поспешают бородатые ополченцы со своими «страшенными берданками». Спешат да поглядывают, как бы кто из окошек или из подъездов в артиллеристов не стрельнул.

Упряжка от упряжки соблюдает положенный интервал, чтобы в случае остановки пушка на пушку не наехала, не перепутались бы кони постромками.

Иван Васильевич Кучков на лафете первого орудия следовал к Московскому Совету как провожатый. На замыкающем орудии катил Андрейка.

«ДЕДУШКА» И «ВНУЧЕК»

Поглазеть на пушки сбежалось немало любопытных мальчишек. И уличных, и в гимназических фуражках. Андрейка, ревнуя, по-хозяйски покрикивал на них, отгоняя от орудий.

Иван Васильевич Кучков долго не выходил из Моссовета, куда он пошел вместе с Зелёновым и представителем солдатского комитета. Наконец он появился, встревоженный, поискал кого-то глазами и, увидев Андрейку, отозвал его в сторону, спросил шеёпотом:

– Ты врать горазд?

– Ей-богу, нет!

– А притворяться умеешь?

– А зачем? – удивился Андрейка.

– Надо! Бывает, без вранья не обманешь воронья. Гляди-ка, сколько их слетелось по наши души. Из каждого подъезда воронье-юнкерье выглядывает, как бы нас склевать половчее. В каждой подворотне стерегут.

Андрейка пригляделся. И впрямь, в ближайших подворотнях теснились, топтались начищенные юнкерские сапоги, в подъездах среди юнкерских форменных фуражек поблёскивали плоские штыки японских винтовок.

– Видал, как они нас в кольцо взяли? В Питере уже Советская власть объявлена, а здесь нам ультиматум предъявили – сдаться на милость господам офицерам, распустить Красную гвардию, распустить Московский Совет и признать их буржуйскую Городскую думу. Ну, Рябцев! Ну, Руднев! Связать бы их, подлецов-самозванцев, да пустить по Москве-реке. Наши товарищи хотели с ними по-честному договориться, а они вон какой подлый обман затеяли. Окружили нас и расправой грозят.

– А у нас пушки! – напомнил Андрейка.

– Без прикрытия и пушки что лягушки. Захватят их юнкера с налету, на нас же ими и заквакают. Нам с тобой надо поспешить в Замоскворечье. Решение принято такое: поднимать рабочий народ, всем депутатам Моссовета пробираться сквозь засады юнкеров в районы, призывать запасные полки к бою – солдат и красногвардейцев. Все телефоны у нас перехватили, все пути отрезали. Но мы проберемся!

Иван Васильевич склонился над Андрейкой.

– Мы с тобой простаками притворимся. Сможешь?

– Подучишь, постараюсь.

– Наука нехитрая. Я тебя стану бить, а ты плачь.

– Не сумею я, дядя Иван, плакать понарошке… Засмеюсь.

– Ну это ты не бойся. У меня заплачешь по-настоящему. Обманка у нас для юнкеров будет такая. Ты мой непослушный внучонок, убежал посмотреть, что на улицах делается. А я, твой сердитый дед-пекарь, поймал тебя и домой за ухо веду.

– Ладно! – согласился Андрейка, но вскоре пожалел, что не придумал что-нибудь другое.

Заприметив юнкерскую засаду, притаившуюся в ближайшей подворотне, Иван Васильевич так зажал ухо «непослушного внучка», что Андрейка издал визг, не вызывающий сомнения в натуральности, и стал выкручиваться.

«Строгий дед», давая «внуку» под зад пинки, протащил его мимо смеющихся юнкеров за ухо, выкрикивая такие обидные слова, что от одной только обиды можно было зареветь.

Так «дед» и «внук» удачно миновали юнкерские засады.

РЯБЦЕВ НЕ ВЕРИТ

Вы что-то преувеличиваете! – Рябцев отказывался верить сообщениям, поступавшим в штаб.

«Двинцами взят штурмом Коммерческий институт».

«Двинцы штурмуют интендантские склады».

«Двинцы захватили на Тверском бульваре здание градоначальства».

«На Скобелевской площади двинцами подбит грузовик, пытавшийся захватить пушки».

Грузовик, нахально подкатившийся к дверям Моссовета и чесанувший очередью из пулемета по его окнам, был действительно подбит гранатой одного из двинцев. Но все остальные сообщения были преувеличены. Не двинцы, а красногвардейцы и солдаты запасных полков совершали успешные атаки на юнкеров. Замоскворецкие красногвардейцы прошли было мимо Коммерческого института, но кто-то из двинцев предостерег: «Нельзя оставлять в тылу этакую занозу, братцы».

Короткая перестрелка, внезапный штурм, яростная рукопашная, и вот уже студенты-белоподкладочники в подвале, а красногвардейский отряд, выросший на двести бойцов благодаря захваченным винтовкам, поспешает на помощь хамовническим товарищам. Пальба раздается всё сильней.

Красногвардейцы устремились по Малому Каменному на Большой, решив захватить оба моста с ходу, одним броском. Но пулемётный огонь и пули юнкеров, засевших на кремлёвских стенах, приостановили напор.

Наповал был убит Саша Киреев. Он словно споткнулся и прилёг, прильнув щекой к мостовой, послушать топот ног пробегавших мимо дружков.

Отряд проник в здание электростанции и трамвайного парка. Через мост лихо промчался грузовик, набитый юнкерами. Они хотели с налету захватить электростанцию и оседлать мост.

Красногвардейцы открыли стрельбу. Грузовик попытался развернуться. Но под его колеса полетели гранаты. Юнкера посыпались на мостовую и подняли руки.

При штурме интендантских складов опять-таки кое-что придумал Кучков. Когда он, изрядно избитый юнкерами, пробирался к себе в Замоскворечье, обходя проходными дворами наполненную стрельбой и свистом пуль Сенную, миновав притаившуюся, молчаливую Пятую школу прапорщиков, объявившую нейтралитет, он очутился среди возмущенных бойцов.

«Умеют угощать ваши благородия себя винцом, нас свинцом!» – услышал Иван Васильевич.

«Вкусно хотят воевать беляки, на белых хлебах, со сливочным маслицем».

«Духовитые папироски покуривать да в нас постреливать в свое удовольствие!»

– Что здесь происходит, куманёк? – спросил Кучков, увидев Ваську Сизова у мешка семечек в нише ворот.

– Полное безобразие! – сплюнул Васька мимо громадных валенок, в которые были обуты его ноющие от ревматизма ноги. – Захватили юнкера склады и теперь граблют за милую душу. Сами всласть жрут, нашему брату не дают! Не подойти к складам. Начисто убивают. Остервенели! Нет у буржуев ни стыда, ни совести!

Васька сильно «качнулся» в сторону большевиков после того как узнал, что про Ленина все врали. Теперь он Керенского готов был задушить своими руками за ложь его и подлые обманы. Васька бесплатно угощал солдат семечками. И солдаты, подставляя карманы и горсти, обещали отблагодарить его консервами и папиросками, когда отобьют склады.

Взяв в кредит горсть, Иван Васильевич смешался с толпой солдат, грызущих семечки в нетерпеливом ожидании сразиться с беляками. Послушав, что говорят, Иван Васильевич поднялся по лестнице, откуда был виден бой. Потом спустился вниз, подошел к Сизову.

– Не могу я равнодушно наблюдать такой цирк. А ну, Вася, сымай валенки!

– Почему это сымай? У меня ревматизм, а погода – снизу сырость, сверху морось.

– Потому и сымай! Не то оскользнусь…

– А-а, – догадался Васька и с улыбкой стащил с себя валенки, приняв в залог сапоги Кучкова.

Переобувшись, Иван Васильевич сунул за голенища пару гранат, «одолженных» у солдат. Затем тихо, мягко, не оскользаясь, поднялся по лестнице, прошёл по сырой железной крыше и очутился как раз над юнкерами. Они весело постреливали с балкона по солдатам, не чуя беды.

Кучков прилёг, осмотрелся, бросил одну за другой гранаты вниз. Треск, взрывы, солдатское «ура!». И железные ворота складов под ударами прикладов поддаются.

Немало юнкеров осталось на месте после рукопашной. Только те и уцелели, кого резвые ноги вынесли. Страшен рассерженный солдат со штыком.

Кучков не торопясь слез по пожарной лестнице, снял валенки и сказал подбежавшему Андрейке:

– Снеси, Арбуз, Ваське, скажи спасибо да возьми мои сапоги. Я пока перекурю, притомился малость.

Андрейка с трудом дотащил Сизову валенки, набитые пачками папирос, подарок от солдат, уже охранявших интендантские склады.

Васька обрадовался, увидев в целости и невредимости свои валенки, и с блаженной улыбкой стал доставать из них папиросы.

Из подъезда Пятой школы прапорщиков вдруг стали выбегать офицеры и курсанты, будущие «прапора» во всеоружии.

Андрейка вздрогнул, узнав среди них одного из тех расстрельщиков, что явились когда-то к Люсе.

– Беги, Арбуз, упреди наших! – шепнул Васька Андрейке и закричал: – Эй, на постах! Поберегись!

Когда офицер, ловко орудуя саблей, заставил продавца семечек замолчать и «прапора» бросились к штабу красных, их встретила дружная стрельба красногвардейцев.

– Нашумел, скотина! – выругался поручик, пнув мертвого Ваську ногой.

…Узнав о потере интендантских складов, Рябцев взорвался.

– Трусы! Мальчишки! Спасовали перед шайкой солдат! Немедленно отбить склады! Иначе каждого десятого расстреляю! – пригрозил юнкерам раздраженный полковник.

Операция по захвату Москвы, так тщательно им подготовленная и так блестяще начавшаяся, вдруг стала осложняться какими-то нелепыми случайностями.

И вдруг опять новость: замоскворецкие красногвардейцы захватили баррикаду, прикрывающую подступы к штабу округа! Теперь, прежде чем атаковать интендантские склады, придется очистить эту баррикаду. Какими силами она захвачена? Не побежали бы опять юнкера!

Поручик Ровный предложил произвести разведку Замоскворечья силами скаутов, которые жаждут отличиться. А тем временем организовать мощный бросок к Брянскому вокзалу. По сведениям железнодорожников, эшелоны верных Временному правительству фронтовиков уже на подходе к товарной станции.

– Казаки не пойдут в конном строю на баррикаду. Собственных лошадей пожалеют, – зло усмехнулся Рябцев. – Придется юнкерам расчистить им путь. – И приказал спешно вызвать юнкеров из Алексеевского военного училища.

С предложением поручика Ровного Рябцев согласился. Определив задание разведки Замоскворечья, он приказал скаутам для маскировки одеться под уличных мальчишек. Ровный поцеловал двоюродного брата Вячика, вызвавшегося быть проводником разведчиков-скаутов, и, пожелав ему ни пуха ни пера, принялся звонить в Алексеевское военное училище.

И тут Лукаша подслушал такой телефонный разговор, что и пересказать страшно.

В ответ на требование выслать две роты юнкеров Ровному было сказано:

– Никак невозможно!

– Что за чепуха! Кто говорит со мной?

– Солдат Туляков!

– Какой еще солдат? Дайте трубку кому-нибудь повыше!

– Те, что были повыше, уже пониже…

После этих слов на лбу поручика выступили капельки пота. Он положил трубку и долго молчал, не зная, как такое доложить Рябцеву.

Что же произошло в Алексеевском военном училище? Почему воинственные юнкера, страстно желающие расправиться с революционным народом, не явились на призыв его, Рябцева?

А ларчик открывался просто.

ПОД СВИСТ МАЛЬЧИШЕК

Среди кадет, учившихся в Лефортовских корпусах, где помещалось и Алексеевское юнкерское училище, пожалуй, один лишь Котик не клял и не ругал большевиков. Ни имениями, ни поместьями его родители не владели. Отец его жил на военное жалование и после гибели на фронте оставил в наследство лишь офицерскую пенсию да набор орденов и медалей, которыми награждались его предки за службу в российской армии чуть ли не со времен Петра Первого.

Эти семейные реликвии приобрел у вдовы известный собиратель русских военных орденов и медалей полковник Синеусов, преподаватель истории. Он занимал обширную квартиру на третьем этаже одного из зданий кадетских корпусов. Не вмешиваясь в политику, старик заботился только об одном: как: бы сохранить свою драгоценную коллекцию в бурях революции.

Котик помогал Синеусову протирать замшей и раскладывать на бархатные подушечки вновь приобретенные реликвии, когда к старинным стенам корпусов с грохотом подкатили пушки.

Под восторженный гомон и свист уличных мальчишек ездовые отпрягли и увели в укрытия коней, наводчики и заряжающие установили пушки дулами на здания корпусов и, усевшись на лафетах, принялись грызть семечки.

Командование выслало к артиллеристам полковника Синеусова как самого старого и почтенного офицера.

– Откуда пожаловали, служивые? По чьему приказу? Зачем навели пушки на здания, в которых учатся дети? – спросил полковник Синеусов, обнажив седую голову.

– Из мастерских тяжёлой артиллерии мы, – ответили ему. – По приказу народа явились. Оберечь Москву от кадетских да юнкерских детских шалостей!

– Под дулами пушек желаете принудить наше командование соблюдать нейтралитет, насколько я понял?

– Так точно! – ответил за всех артиллеристов весёлый молодцеватый наводчик, подкрутив пшеничные усы. – Передайте вашим петушкам, чтобы сидели тихо, пока эта обедня не кончилась, – кивнул он в сторону Кремля, откуда доносилась стрельба. – Не то… – И наводчик озорно подмигнул, кивнув на пушки.

Строевые офицеры и юнкера возмутились солдатским ультиматумом. Многие требовали растворить ворота – и в штыки. Переколоть дерзких артиллеристов, и дело с концом!

Более осторожные удерживали нетерпеливых. Мастяжартовцы в отместку за своих товарищей разнесут корпуса, у них пушек много…

Решили, не ввязываясь в драку, проскользнуть под носом беспечно грызущих семечки артиллеристов, сесть в автомобили и дать полный ход. Не успеют артиллеристы довернуть пушки, как юнкерские штыки будут уже в распоряжении Рябцева.

Строевые офицеры подготовили две роты, машины, шоферов, разработали маршруты прорыва. Каждой машине – свой путь, чтобы не случилось затора, если одну подобьют. Договорились: вырвавшись из ворот, разворачиваться в ближайшие улицы и переулки, скрываясь за поворотами от артиллерийского огня.

Офицеров эта операция увлекала своей лихостью. Хотелось так обмануть «товарищей», чтобы было потом о чём рассказать.

Решено было пустить в качестве пробного шара один грузовик будто бы за продовольствием.

И вот в кузов автомобиля погружены бочки, ящики, корзины якобы для овощей. А в них пулемёты, накрытые рогожами и мешками, а в середине навалом юнкера с винтовками и гранатами. Рядом с шофёром сел усатый каптенармус.

Всё готово. Внезапно растворены железные ворота, и грузовик выкатывается под дула пушек.

– За продуктами, братцы! – машет бумажками каптенармус. – За картошкой, капустой и молочком также. Голодные дети плачут!

Артиллеристы, переглянувшись, пропустили.

Радуясь, что обманули простаков, юнкера помчались, не тронув прицепившихся к грузовику мальчишек. Один сам сорвался, но не убился. Запрыгал на одной ноге и показал язык. Шофер и каптенармус рассмеялись. Если бы они знали! Если бы они

знали, что язык показал им один из бойких продавцов газет, старый приятель Арбуза. Если бы они знали это, они бы не смеялись.

Мальчишки прицепились к грузовику прокатиться. Но, перевесившись через борт, чтобы лучше держаться, увидели под промасленным брезентом офицерские хромовые сапоги, и все со шпорами. Увидев такое, они отцепились, шлепнулись и помчались, кто прихрамывая, кто вприпрыжку, к своим на батареи.

– Дяденьки! – закричали они. – В грузовике юнкеров навалом!

Артиллеристы хотели пальнуть вдогонку, да поздно. Рассерженные, они бросились копать канаву перед воротами, чтобы ни одного грузовика больше не выпустить. Вскоре перед воротами будто земля разверзлась. Красногвардейцы потребовали от командования юнкеров сдать оружие и подчиниться Военно-революционному комитету. А для острастки ахнули из пушки. Юнкера в ответ открыли стрельбу. Красногвардейцы в долгу не остались. И пошла такая пальба, что полковник Синеусов за голову схватился. И, спасая свою драгоценную коллекцию, первым вывесил из окна квартиры белую простыню.

Напрасно ждал Рябцев юнкеров из Алексеевского: кроме грузовика с кучкой лихачей, никто оттуда не явился.

Поручик Ровный попытался выяснить точней, что случилось в Лефортове, и даже пригрозил телефонисту строгим наказанием. Но в ответ на его угрозы нахальный солдат послал его так далеко вместе с Рябцевым, что у поручика Ровного духу не хватило повторить адрес.

В этот неприятный момент и явился улыбающийся, самодовольный Руднев.

– Смею доложить, – сказал он, потирая руки, – по гражданской линии дела идут отлично. Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников, руководимый меньшевиками, предъявил ультиматум Ленину, угрожая всеобщей забастовкой, если он не прекратит своего безумства и не вернет власть Временному правительству. Комитет общественной безопасности рассылает обращение ко всем гражданам России, осуждающее действия большевиков. Вселенский собор православных церквей обратился ко всем верующим солдатам, объявив восстание большевиков сатанинским делом. А какие у вас успехи, полковник?

Рябцев чуть не послал к чёрту городского голову.

– Бои идут к концу, – ответил за него поручик Ровный. Красногвардейцы несут громадные потери. За один день боев на Остоженке-Пречистенке они потеряли убитыми двести с лишним человек.

– Это ужасно…

– Для них, конечно. Но и юнкера устали. Нужна краткая передышка.

– Да? – Лицо Руднева вытянулось.

– Кстати, пусть священнослужители пойдут депутацией в Московский Совет, – сказал Рябцев. – В облачении, с хоругвями, с иконами, как полагается. Увещевать смириться, не проливать понапрасну кровь невинных ради своей гордыни и прочее и прочее… И идти депутации духовенства нужно немедленно.

– Тактический прием? – поинтересовался Руднев.

– И весьма необходимый! Если большевики будут сражаться так же яростно, мы останемся без юнкеров.

Руднев удалился в некоторой растерянности, пообещав организовать выступление духовенства. Рябцев усмехнулся ему вслед.

– Пока святые отцы будут шествовать от Думы к Московскому Совету и обратно, мы снимем роты юнкеров, нужные нам для захвата вокзалов.

– Великолепный ход! – восхитился поручик Ровный.

– Возвращайтесь на Остоженку, взяв эти роты. Жду вашего звонка с Брянского вокзала!

Ровный щёлкнул каблуками, показав, что готов выполнить приказ.

СНАЙПЕР ЗА ШТОРОЙ

Делегация духовенства произвела должное впечатление. Когда из дверей Думы вышли архиереи и митрополиты в золотых и серебряных ризах, игумены и настоятели монастырей в чеёрных монашеских одеяниях и торжественно последовали вверх по Тверской, охраняемые высоко поднятыми крестами и хоругвями, не только юнкера осеняли себя крестным знамением, но и некоторые красногвардейцы, защищавшие подступы к Московскому Совету.

Озорной Федя предложил было пальнуть из пушки холостым, посмотреть, как «христово воинство» рясы задерёт. Но, схлопотав от отца затрещину, тоже перекрестился по его примеру.

Рында-Бельский расхохотался, узнав от Ровного секрет шествия духовенства.

– Поповско-большевистские переговоры! Вот так здорово придумано!

Подкрутив свои золотистые усики, он отправился поднимать в бой Пятую школу прапорщиков. Как только юнкера начнут движение по Остоженке и Пречистенке, он поднимет «прапоров» и ударит с тыла.

– Если я с «прапорами» захвачу интендантские склады раньше вас, мне ящик шампанского. Идёт?!

Ровный пообещал любимцу Рябцева не только ящик шампанского, а все, что тот пожелает: поручик Ровный был уверен в успехе.

Однако, приложив к глазам бинокль, Ровный увидел длинные штыки красногвардейских берданок, нацеленных на удирающих юнкеров. Впереди красногвардейцев бежал молодой красивый парень. В упоении боя он, вдохновенно размахивая винтовкой, играючи колотил прикладом по спинам сутулившихся в бегстве офицеров.

Поручик Ровный почувствовал такую досаду, что, не дав отдышаться прибывшей с Тверской роте «прапоров», сам повёл её на выручку оплошавших юнкеров.

Бегущих юнкеров удалось остановить, и вместе со свежим пополнением они пошли отбивать баррикаду.

Добрынин, командовавший красногвардейцами, вовремя повернул своих разгорячившихся бойцов и рассредоточил их в парадных и подъездах.

– Закрепимся на баррикадах! Очистим от контры особняки! Иначе дело не пойдёт, ребята! – командовал он.

…За этим боем из особняка фон Таксиса наблюдало две пары глаз: испуганные Глаши и зло – внимательные поручика. Приоткрыв гардину, поручик фон Таксис следил за действиями сторон, не торопясь принять участие в схватке. Наблюдая из своей комнаты за улицей, Глаша видела убитых, раненых, которые ползли, оставляя кровавые следы, и вся сжималась от ужаса при мысли: «А если и Петю вот так?»

Грохот прикладов в двери парадного отвлек Глашу от тревожных мыслей, и она побежала узнать, где швейцар и почему такая стукотня. Швейцар, видимо, сбежал, и Глаша отперла двери, чтобы их не сломали.

Перед Глашей стоял Пётр. Он был без фуражки. На его лбу запеклась кровь.

– Офицеры у вас есть? Контры прячутся? – спросил Глашу Добрынин.

– У нас никого такого нет, – пролепетала Глаша.

– Ну смотри! Ты ответишь в случае чего.

Глаша не поняла, в случае чего же она ответит, и быстро закрыла двери за удалившимися Добрыниным и его товарищами.

– Так, оказывается, твой любезный – предводитель красной банды? – прозвучал за ее спиной свистящий голос фон Таксиса. Он вошёл, ехидно усмехаясь.

– Петя Добрынин за народ. За народ! Понимаете? – вступилась Глаша.

– Значит, он один из тех, кто из последних хотят стать первыми! Нас в рабы, а сами в господа! Ну мы с ними расправимся!

– Вы ему не грозитесь. Юнкера ваши бегут. Прогнали их с баррикады. Смотрите, – Глаша приоткрыла гардину.

Но фон Таксис не пожелал смотреть и удалился.

Очистить особняки от белогвардейских снайперов Петр Добрынин не успел. Началась контратака юнкеров на захваченную красногвардейцами баррикаду. Притаившиеся в домах офицеры открыли огонь по красногвардейцам из форточек и слуховых окон.

Обозлённые юнкера, подстёгиваемые офицерами, перемахивали через заборы, обегали баррикаду проходными дворами, заходя с тыла. Отомстить за постыдное бегство, разделаться с «зарвавшимися» красногвардейцами было для них делом чести.

– Отходи, ребята! Окружают! Лепись в подъезды, залегай в подворотнях! – скомандовал Добрынин.

Поручик фон Таксис не стал вести огня из фамильного особняка. Он предпочёл выбрать позицию в соседнем особняке Сакс-Воротынских. Когда он появился перед барышнями с винтовкой в руках, они были несколько шокированы и не сразу поняли, чего он хочет.

– Спустить шторы! Сдвинуть поплотней! Придерживайте, чтобы не колебались! – Поручик распоряжался барышнями, как горничными.

И они, смущённые и растерянные, слушались. Да и позвать им было некого. Вся прислуга попряталась в подвалы, как только началась стрельба.

– Где у вас форточки?

Барышни сказали, что вместо форточек у них в доме открываются окна, образуя для вентиляции щели.

– Прекрасная позиция!

Пристроившись получше, фон Таксис повел прицельную стрельбу по защитникам баррикады. Барышни Сакс-Воротынские придерживали шторы, маскируя его.

Так же вероломно действовали и другие притаившиеся в особняках офицеры.

СЫНОК КУЗНЕЧНОГО ЦЕХА

Поручик Ровный, посматривая в бинокль, торжествовал. Наступал момент, удобный для броска к вокзалам. Он уже хотел отдать команду «броневики, вперёд!», но… Но со стороны Хамовников вдруг появились нагружённые фабричные грузовики, а с них повалили на мостовую какие-то тюки. Улица мгновенно была перегорожена новой баррикадой.

Кому пришла догадка построить подобную баррикаду, история неясная, но это была отличная выдумка. Тюки ваты набросали в грузовики со склада ближайшей текстильной фабрики. Помогая взрослым, мальчишки кричали:

– Вату ни одна пуля не пробивает! Мы пробовали!

Быстро, сноровисто, уютно устроились красногвардейцы за ватной баррикадой. Выросшая словно по волшебству, баррикада быстро обжилась. Со всех сторон к ней стекались солдаты, укрывшиеся во дворах и подъездах от юнкерской расправы, и уцелевшие красногвардейцы Добрынина.

Пётр Добрынин стал организовывать защиту баррикады от нажима юнкеров. Он старался наладить стрельбу залпами, притащив сохранённый в запасе ящик патронов. Увы! Патроны подходили только к трёхлинейкам, которых оказалось на баррикаде очень мало. А шумные берданки, французские, австрийские, бельгийские, японские и итальянские винтовки замолчали. Юнкера приближались, поигрывая штыками, почти не неся потерь. Оставалась надежда на гранаты и рукопашную.

И вдруг позади притихнувших бойцов раздался звонкий мальчишеский голос:

– А вот патроны! Кому патроны? Даю австрийские! Даю бельгийские! Берданские кому? Дарма отдаю, недорого беру! Разок стрельнуть прошу!

– Гляди, ребята, да это же Арбуз! – обрадовались михельсоновцы.

– Вовремя появился сынок кузнечного цеха!

– Ой, ловок!

– Наш пострел везде поспел!

Красногвардейцы, получив необходимые патроны, открыли беглую стрельбу. «Здорово пригодились накопленные патроны!» – радовался Андрейка и, расхрабрившись, попросил стрельнуть.

– Стрельни разок, – согласился кто-то из михельсоновцев.

Андрейка приложился, стараясь точно смотреть в прорезь прицела, взял на мушку офицера в заломленной фуражке и плавно нажал на спуск. Выстрела не последовало. Патроны, заложенные в винтовку, кончились.

Кончились патроны!

– У-р-ра! – юнкера, сверкая штыками, хромовыми сапогами, приблизились к баррикаде.

– Ур-ра! – словно эхо, отозвалось где-то позади за баррикадой, и над головой Андрейки замелькали шинели.

Откуда ни возьмись, набежали какие-то солдаты и, сбив юнкеров штыками и прикладами, погнали их по улице.

– Ишь мамин сынок, скалился, как волк, а закричал, как заяц, – отирая штык, ощерился бородатый солдат.

– На вот, робя, принимай, что собрали… Там ещё набросано!

Красногвардейцы тоже участвовали в этой атаке и возвращались вместе с солдатами, таща отбитое оружие.

– Да вы чьи? – спросил Добрынин солдат, угощавших махоркой рабочих.

– Мы-то? Саратовские! – сказал бородатый солдат и закашлялся.

– Кто ж вас послал нам на помощь?

– А никто… Сами малость подмогли.

– Дядя Сидор, это ты? – угадал своего друга Андрейка. – Ты ж уехал, дядя Сидор?

– А мы проездом домой мимоходом к вам завернули.

– С Павелецкого на Брянский? Это же не по пути!

– Подумаешь, велик крюк. Слышим, юнкера солдат бьют. Когда своих бьют, как тут не помочь! Нам здесь удобней с офицерьками-юнкерьками расправиться, когда они в куче. Рассеются по имениям, вылавливай их потом.

– Так вы же говорили, управляйтесь, мол, со своими буржуями сами.

– Чудак-человек! Чего там считаться? Ваши буржуи, наши помещики пущай будут общие! Заодно давай их пощелкаем!

– Ну и хитрый ты, дядя Сидор!

– А без хитрости нам нельзя…

Притаившиеся в особняках офицеры снова начали стрельбу.

Старый солдат приложился к карабину, щелкнул выстрел, и какой-то юнкер или офицер шумно покатился с крыши.

Вскоре подоспели солдаты 193-го полка, управившиеся с Пятой школой прапорщиков.

Продвижение юнкеров приостановилось. Броневики – надежда Рябцева, прячась в воротах, отфыркивались.

Священнослужители умоляли председателя Московского Совета прекратить кровопролитие. Преосвященный Макарий, митрополит Владимирский и Суздальский, повалился перед ним на колени.

Смущённый Ногин поднял с колен старца.

– Не мы начали кровопролитие, не нам его и кончать. Пусть юнкера прекратят смертоубийство и сложат оружие. Мы тут же прекратим стрельбу.

– И даруете всем жизнь? – спросил преосвященный Макарий.

– Повинную голову меч не сечёт, – сказал Ногин.

– Я передам ваши добрые слова!

Депутация духовенства заторопилась к выходу.

Красногвардейцы обеспечили охрану обратного шествия священников, но, как только те скрылись за поворотом Тверской, бросились в атаку на зазевавшихся юнкеров, с налёту захватили гостиницу «Националь», взяв под прицел здание Думы.

Со стороны Никитских ворот донесся грохот канонады.

– Слыхали? Это наши пушки бьют! – убеждённо сказал один из защитников ватной баррикады.

ПОЕДИНОК

Первый снаряд, посланный артиллеристами, угодил в колокольню церкви и разметал белогвардейское пулемётное гнездо. Раненый колокол отозвался на офицерскую гибель похоронным звоном.

Красногвардейцы Красной Пресни, приободрённые говором трёхдюймовок, готовились к атаке.

Перескочив какой-то каменный забор и очутившись во дворе богатого особняка, окружённого конюшнями и службами, Василий Боронин заметил за выступом стены притаившегося офицера.

– Сам бог привёл нам свидеться, ваше благородие! – узнав в офицере Морозова, окликнул его Боронин.

Морозов обернулся, присев на корточки, быстро взял Василия на прицел, щёлкнул затвором, но… обойма была пуста.

– Не судьба мне быть убитым от вашей руки, господин поручик!

– Это ты, Боронин? – выпрямляясь, растерянно спросил Морозов. – Разве я тебя не убил тогда?

Василий снял фуражку, и офицер увидел шрам, пробороздивший голову Боронина.

– Ваше тавро, ваше благородие.

– Стреляй… с-скотина! Чего медлишь?

– Может, курнуть желаете перед смертью? – Василий левой рукой стал доставать кисет из кармана.

Неожиданно офицер сделал стремительный выпад, но солдат вовремя отскочил от штыка.

– Не по-честному опять. Эх вы, дворянство! – усмехнулся Василий и приготовился к штыковому бою.

У солдата и офицера винтовки были одинаковые – тульские, штыки трёхгранные. И школа штыкового боя одна – русская. И силы фехтовальщиков были равны: офицер был лучше кормлен, солдат больше зол.

Выпад, еще выпад. Лязг штыков. Шумное дыхание.

– Нет, ваше благородие, вничью не выйдет! – крикнул солдат, схватив за штык винтовку офицера, потянул её на себя. Штык, поранив левую ладонь, мягко вошёл в предплечье. Преодолев боль, Василий, развернув правое плечо, с силой дослал трёхгранный в офицерскую грудь.

Офицер Морозов, негромко охнув, отвалился. Солдат Боронин, поискав среди истоптанного снега пласт почище, приложил снег к своей ране, чтобы остановить кровь.

– Добей, Василий! – прохрипел Морозов, сплёвывая кровь. Чёрная повязка слетела с его глаза и обнажила тёмную глазную впадину, страшную, как у черепа мертвеца.

– Раненых не добиваем! Поквитались, и хватит. Кровь за кровь. Штык не выдергивайте, ваше благородие. Изойдете кровью. Может, ещё выживете. Оставляю шанс!

Василий Боронин ушёл, опираясь на винтовку, пошатываясь. Офицер проводил его ненавидящим взглядом.

Весёлое время наступило для мальчишек – продавцов газет: им больше не приходилось собирать за них пятачки – газеты раздавались бесплатно всем, кто пожелает. И мальчишки распоряжались ими с великой щедростью. «Известия Московского Совета», «Социал-демократ» теперь выходили в Замоскворечье, а все остальные, буржуйские, закрылись. Не хотели их печатать рабочие.

Выкрикивая новости, бесстрашные мальчишки ухитрялись под обстрелом перебегать мосты и раздавали газеты солдатам, красногвардейцам там, где они сражались. Мальчишек всюду встречали с радостью и делились с ними кто солдатским сухарём, кто офицерской галетой, у походных кухонь угощали их горячими щами и кашей. И ребята старались. Не из-за харчей, конечно! Вот и Стеша прибежала на Пресню со свежей пачкой «Социал-демократа» и, раздавая газеты раненым красногвардейцам, встретила среди них своего отца.

– Ой, папка, на тебе лица нет! – закричала Стеша, увидев его. – Ты ранен?

– Есть немного, – улыбнулся отец.

К Василию Боронину подбежали девушки из «Третьего Интернационала», стали неумело перевязывать.

– Легче, спокойней, не волнуйтесь! – говорил им Василий. – А ведь заколол я его, – обернулся он к Стеше. – Офицера того… Угадал он меня по своей метке. – И отец указал на свой шрам.

– Вам надо бы в госпиталь! – перевязав раненого, сказала одна из девушек.

– Пустяки, царапина… Как там наши?

– Пошли вперед.

– Здорово их Морозов прижал пулемётами. Пулемётное гнездо было ликвидировано артиллерией. На колокольне Морозов, спасся.

Василий Боронин подозвал Стешу и наказал ей:

– Беги, дочка, домой. Скажи маме – пусть не волнуется, я жив-здоров. Наша берёт. Вскорости управимся, и я к вам насовсем вернусь!

И Стеша, раздав газеты, помчалась в Замоскворечье.

Зная все переулки-закоулки, добраться окольными путями до дома Стеше не стоило труда. Бежала Стеша по родному Замоскворечью вприпрыжку, тихо напевая: «Наша берёт, скоро папа придёт. Наша берёт, скоро папа придеё!» Бежала и вдруг заметила, что невдалеке от неё топают начищенные до блеска ботиночки. Взглянула и удивилась: бегут какие-то мальчишки-оборванцы. Одеты в отрепье, а щёки румяные. И ботинки новенькие. Чудно! Пригляделась Стеша и узнала среди ряженых нескольких гимназистов, не раз покупавших у неё газеты.

– Чего это вы так вырядились? Ну прямо огородные чучела! – рассмеялась Стеша.

– Вот как дам в нос за «огородные чучела»! – оскорбился какой-то гимназист.

Не дожидаясь исполнения угрозы, Стеша первая дала ему хорошего тумака. Гимназисты в драку. И тут Стеша закричала на всю улицу пронзительным голосом продавщицы газет:

– Наших бьют!

Вспоминая, как ловко замоскворецкие мальчишки переловили гимназистов-шпионов, какой у них был глупый и растерянный вид, когда вёл их в штаб, срамя на все лады, Гриша Чайник, Стеша, посмеиваясь, спешила домой, где её с нетерпением ждала мать.

– Мамочка, мамочка, послушай хорошие новости, родненькая моя! – затормошила она мать, лежавшую в постели.

Но не протянулись к ней слабые мамины руки, не приоткрылись ее глаза.

Прикоснувшись губами к материнским щекам холоднее льда, Стеша вскрикнула и потеряла сознание.

ВО ВРАЖЬЕМ СТАНЕ

По возвращении делегации духовенства Руднев передал полковнику Рябцеву ультиматум большевиков: они прекратят боевые действия, если противная сторона сложит оружие.

– Предложите им перемирие, – сказал Рябцев.

– Вы хотите дать им передышку? Красные же совсем выдохлись! удивился Руднев.

– Зачем лишнее кровопролитие? Всёе решат полевые войска, которые на подходе.

– Тогда не лучше ли полная непреклонность? Ведь мы одолеваем!

«Мы околеваем!» – чуть не вырвалось у Рябцева, который получил сведения о больших потерях юнкеров, не сумевших пробиться по Остоженке и Пречистенке к вокзалам, о ликвидации восстания Пятой школы прапорщиков, об успешных действиях красных на Пресне. Словом, обстановка складывалась угрожающая. Кроме того, на помощь московским красногвардейцам спешили отряды из подмосковных городов. Между тем фронтовые войска, верные Временному правительству, задерживались. Нужна была передышка. Все его расчёты летели в тартарары. Сдержав себя, полковник Рябцев сказал как можно мягче:

– Будем человечны прежде всего. Надо пожалеть раненых, которые валяются без медицинской помощи. Надо прибрать тела павших. Учесть страдания мирного

населения от затянувшихся боёв. Скажите это большевикам. Призовите их во имя человеколюбия придержать боевой пыл. Мне как руководителю военных действий неудобно проявлять мирную инициативу. Вам ясно?!

– Хорошо. Мы попытаемся убедить большевиков от имени думского комитета и духовенства, – проговорил несколько обескураженный Руднев.

Лукаша слушал этот разговор, набивая для полковника папиросы душистым табаком, и усмехался про себя. Он знал, для чего нужно было полковнику перемирие. Знал и помалкивал.

…Весть о перемирии возмутила замоскворецких красногвардейцев.

– Опять обманут нас беляки! Когда они нас били, перемирия не просили! Когда наша берёт, давай погоди, дай мне с силой собраться! – негодовал Иван Васильевич Кучков.

– Враги сыграли на нашем человеколюбии, – пояснил профессор Штернберг командирам Красной гвардии Замоскворечья. – Этот гуманизм нам может дорого обойтись. Но перемирие объявлено, и надо его соблюдать.

– В нашем штабе мало информированы о положении дел. Поскольку центр окружён, лишён телефонной связи с районами и сообщается только через курьеров, товарищам кажется, будто перемирие нам на пользу, – говорила Люся, принесшая из Московского Совета весть о перемирии.

– Вот давайте и организуем глубинную разведку, – предложил Штернберг. – Посмотрим, куда противник стягивает силы, как готовится использовать перемирие.

– Могут сгодиться хлебные повозки, – сказал Кучков. – Развезём людям хлебца и посмотрим, что и где.

– Это нужно сделать обязательно и независимо от разведки, – ответил Штернберг. – Женщины, старики, дети по вине взбунтовавшихся юнкеров действительно терпят бедствие. Но пока мы мобилизуем повозки, да пока они поедут, да пока вернутся. А белые в это время…

– У меня есть предложение, – сказал Апаков, командир красногвардейцев трамвайного парка. – Пошлём в разведку бронированный трамвай.

– Ну зачем же бронированный? – улыбнулся Штернберг. – Хлеб от пули не загораживают.

Все согласились. Задумались. В распахнутую форточку влился бой часов на Спасской башне.

– Хотел бы я знать, что придумывает теперь там, в Кремле, этот кровавый полковник Рябцев? – высказал вслух свои мысли Штернберг.

Между тем полковник Рябцев, поднявшись на Никольскую башню, смотрел на ночную Москву.

– Полюбуйтесь, как забавно. Большевики включили в своих районах электричество, и теперь нам прекрасно видно, где мы, где они, – говорил Рябцеву поручик Ровный.

Полковник долго и хмуро смотрел на освещённые районы, занятые красными. Кремль и прилегающие к нему площади и улицы казались тёмным островом среди светлого моря белокаменной Москвы. На этот темный островок с карканьем слеталось потревоженное светом вороньё.

У Лукаши голова разболелась от зловещего крика горластых чёрных птиц.

– Вы не утеряли связи с заводскими родственниками? – неожиданно спросил Лукашу полковник Рябцев и, не дожидаясь ответа, сказал: – Необходимо разведать

Замоскворечье. Надо точно узнать, какие резервы у большевиков. Откуда они черпают силы? На что ещё способны? Отправляйтесь, и немедленно!

– Слушаюсь, – сказал Лукаша, поеживщись.

Полковник направился вниз вслед за вестовым.

– Что нового у противника? – спросил он поручика Ровного, войдя в кабинет.

– На Ярославский вокзал прибыли красногвардейцы из Иванова под командованием Фрунзе. На Казанский – рабочие отряды из Голутвина и Коломны. По слухам, Ленин выслал в помощь москвичам эшелон матросов. Бои на Пресне умолкли. Большевики соблюдают перемирие. Из Замоскворечья через Крымский мост прошёл трамвай с хлебом для булочных.

– Узнать, проследить, не разведка ли? А где же фронтовые войска? Казаки?

– Фронтовики прибывают! – радостно доложил Ровный. – Рота пулемётчиков выгружается на вокзале беспрепятственно, не считая наскоков большевистских агитаторов.

– Отсечь от всякой агитации! Немедленно офицерский отряд Рында-Бельского туда!

– А если ему придётся с боем? Нарушим перемирие.

– К чёрту перемирие, если фронтовики уже здесь! – топнул ногой Рябцев.

…Когда отряд Рында-Бельского, сняв погоны, кокарды и нацепив для маскировки красные ленточки на штыки, беглым шагом, прижимаясь к домам, направился в район вокзала, на пути его встретился трамвай. Рында-Бельский так удивился, что даже приостановил движение отряда.

Давно уже не видели трамваев господа офицеры. А тут едет себе, вагоновожатый позванивает, трамвайщики повреждённые пути восстанавливают, оборванные провода исправляют, рабочие вносят в булочную корзины с хлебом.

Как всегда, к трамваю на «колбасе» прицепились уличные мальчишки, соскучившиеся по бесплатному катанью. Распоряжается хлебным снабжением какой-то интеллигент благотворительного вида, в очках.

Офицеры поклянчили у него свежего хлебца и, получив по мягкой французской булочке, вонзили в них зубы.

– Пошли, пошли, господа! – поторопил офицеров Рында-Бельский. Ему показался подозрителен интеллигентный благотворитель с записной книжечкой в руках. И он задержался, решив выяснить, что интендант в неё записывает.

– Вам тоже булочку? – спросил «благотворитель» и словно нарочно подставил Рында-Бельскому лист с графой, где были отметки о выдаче продуктов с названием булочных.

Корзины с хлебом таскал приземистый широкоплечий старик. «Ба! Да это тот самый дед, которого так лихо отделали юнкера за избиение внучонка. А вон и внук верхом на „колбасе“».

– Эй, знакомый! – поманил мальчишку Рында-Бельский. – Посмирнел твой дед после юнкерской науки?

– Посмирнел! – подмигнул мальчишка. – Вместо синяков и шишек даёт булочки да пышки.

– Ну то-то! – погрозил Ивану Васильевичу Кучкову Рында-Бельский и, успокоенный, повёл свой отряд к Бородинскому мосту, где маячили красногвардейские патрули.

Офицеры, подходя к мосту и готовясь к стычке, стали прятать недоеденные булочки в карманы.

– Отставить! – тихо скомандовал Рында-Бельский. – По-прежнему жевать. Идти непринуждённо. Обманем.

– К Добрынину скорей! – приказал профессор Штернберг, передавая Андрейке записку. – Надо предупредить об этих прохвостах. Обезвредить их.

Андрейка рванулся было, но неожиданно нос к носу столкнулся с Вячиком-мячиком.

– Арбуз, наше вам с кисточкой! Ты что, знаком с Рында-Бельским?

– Как видишь! – ответил Андрейка, видя, что вслед за Вячиком-мячиком подходят скауты и юнкера.

– Значит, ты не за красных? А мы думали, не разведчик ли? Мы, скауты, давно следим за вашим трамваем.

– На нём хлеб развозят, а я даром прокатываюсь и даром пропитываюсь. Что ни открошится, всё моё, когда таскать булочки помогаю. У хлебца да не наесться.

– А нам можно покататься?

– Пожалуйста! – разрешил Штернберг, слышавший этот разговор. – Только с условием помогать нам!

– С удовольствием! – раздувая ноздри от вкусного запаха свежих булочек, улыбнулся Вячик-мячик и впрыгнул на площадку.

Скауты последовали за ним, и трамвай тронулся в путь.

Юнкера проводили скаутов, поехавших кататься на трамвае у корзинок со свежими булочками, завистливыми взглядами.

Андрейка с независимым видом прошёл мимо юнкеров, засунув руки в карманы.

Словоохотливый Вячик-мячик, познакомившись с профессором, быстро выболтал ему, кто он, что он. Похвалился родством с поручиком Ровным и знакомством с Рында-Бельским.

Когда Вячик посетовал на неудачу скаутов с разведкой Замоскворечья, профессор сказал:

– Я вам помогу, господин гимназист, проникнуть в штаб замоскворецких большевиков без всяких переодеваний. Хотите?

– Ну конечно! – обрадовался Вячик-мячик.

– Я пошлю вас с требованием, сколько ещё нужно выпечь хлеба для булочных, и вы передадите его руководителям замоскворецких большевиков, в ведении которых находится самая большая пекарня города.

Штернберг быстро набросал несколько слов на обороте своей визитной карточки и передал её вместе с листками из блокнота Вячику-мячику.

– Профессор астрономии Павел Карлович Штернберг! – воскликнул Вячик, взглянув на визитную карточку. – Я бывал у вас на экскурсии в Московской обсерватории!

– Очень приятно. А теперь побывайте в штабе красных. У меня там свой человек. Запомните: её зовут Люся. Обратитесь к ней от моего имени. Она вам во всем посодействует.

Вячик-мячик, польщённый таким знакомством, обрадованный такой удачей, поспешил в Замоскворечье. Вот удача так удача! Скауты будут тяжёлые корзины с булками таскать. А он один за всех отличится!

Визитная карточка профессора действительно оказалась волшебным пропуском. Предъявляя её патрулям, Вячик-мячик вскоре добрался до штаба замоскворецкой Красной гвардии и очутился перед девушкой, в которой признал организатора Союза рабочей молодёжи «Третий Интернационал».

«Значит, наш тайный агент в стане большевиков?!» – Вячик-мячик чуть не подпрыгнул от такой догадки и протянул Люсе визитную карточку профессора, на обороте которой профессор шифром сообщил, что белые ведут перегруппировку сил с целью захвата вокзалов.

Гимназиста он просил придержать у себя.

Люся, прочитав написанное, улыбнулась и предложила:

– Садитесь и помогите мне принимать донесения и записывать.

У Вячика даже дыхание перехватило от удивительной удачи. То-то удивится его двоюродный братец, поручик Ровный, когда он явится к нему с такими ценными сведениями!

ФИЛЬКИН ФОРТЕЛЬ

Получив приказание полковника, Лукаша и не подумал выполнять его сам. Зачем рисковать собой, когда можно использовать Фильку? Пусть пробежится к родне в Замоскворечье. И Лукаша побежал отыскивать Фильку.

Рыжик как сквозь землю провалился. Тётки дома тоже не оказалось. Она воевала у входа в подвалы дворца с юнкерами, сторожившими загнанных туда солдат, уцелевших от торопливой расправы. Воевала тётка не из-за солдат. Она требовала отдать ей нечаянно попавшего в подвал Фильку.

– Филенька! Фильчик, отзовись! Где ты? Жив ли ты? – вопрошала тетка.

Но Филька не откликался на призывы тётки. Он не хотел расставаться с арсенальцами, прильнув к чуть живому от побоев юнкеров Берзину.

Отыскав тетку, Лукаша именем Рябцева распорядился найти и привести к нему брата. Юнкера выволокли из подвала упирающегося Фильку.

Лукаша отвел Фильку в сторону и объяснил, что он должен выполнить поручение полковника, высмотреть, что делается у красных в Замоскворечье, разведать все точно и не соврать.

– Без всяких фортелей, Филька! Не то отец шкуру спустит, – пригрозил Лукаша младшему брату и дал ему щелчок в лоб для острастки.

– Сведения принесёшь лично мне. Я буду тебя ждать в квартире полковника. Если отлучусь, подожди, – напутствовал он брата.

«Чего проще? Узнаю всё у мальчишек», – решил Филька и стал пробираться переулками, дворами, лазейками мимо красногвардейских застав в Замоскворечье.

В районе Швивой горки громыхали по мостовой пушки. Их везли кони. За пушками бежали мальчишки. Артиллеристы въехали в ограду ближайшей церкви, распрягли коней и пустили их пастись среди кладбищенской травы.

Мальчишки облепили церковную ограду. Им не терпелось увидеть, как палят из пушек. Филька тоже ни разу не видел, как стреляют пушки. Но артиллеристы не торопились. Одни зашли в церковь, сняли папахи и крестились. Другие влезли на колокольню посмотреть на Кремль.

– Дяденьки, стрельните! Дяденьки, стрельните! – просили мальчишки, и в их хор вливался голос Фильки.

Усатый артиллерист приметил Фильку и спросил:

– А ты откуда взялся такой рыжий-красный?

– А из Кремля.

– Давно ли?

– Сейчас, дяденька. Меня братик послал, чтобы я всё видел, развидел.

– Ишь ты какой! А что же твой братик сам не пошел посмотреть?

– А он при должности. Ему никак нельзя отойти от полковника Рябцева. Он ему кофей подает.

– Ой, врёшь! Ой, вихры потяну за враки! Ну и сказочник ты, брат! Ростом мал, а враньем велик!

– Да не вру я, дяденька! Вот землю съесть! Хоть разок стрельните, мне бежать надо.

– Если не врёшь, стрельнём, – пообещал солдат. – А ну скажи, где полковникова квартира? Только не шути, я там бывал, знаю. – И солдат повёл Фильку на колокольню.

Кремль с колокольни был отлично виден. И дворцы, и церкви, и мощёный двор – прямо как на ладони.

– А ну-ка укажи, где же та квартира.

Филька прищурился, приложил к глазу кулак, присмотрелся и определил:

– Вон в том углу. У полковника Рябцева в кабинете одно окно туда, другое – сюда. Вон, дяденька, стоит коляска у подъезда, парой запряженная. А над подъездом на третьем этаже квартира полковничья. А у братика комната без окон, во-он за тем углом. Отсюда не видать. Ну пальните теперь, дяденька?

– Вижу, не врёшь. Стрельну… Вот как нарушится перемирие, сразу и пальну.

– Скорей бы! – вздохнул Филька.

…Перемирие было нарушено белыми ночами. Обманув охрану Бородинского моста, офицеры набросились на красногвардейцев и перекололи их штыками. На вокзал они прорвались без выстрела. Быстро оцепили перрон, оттеснили пассажиров в залы и, обезоружив солдат, заняли все входы и выходы.

Железнодорожников они заставили принимать поезда под дулами пистолетов.

К каждому телеграфисту, дежурному, диспетчеру было приставлено по два офицера.

Главная, разведывательная, рота, составленная из наиболее надёжных солдат-ударников, беспрепятственно высадилась и мерным шагом проследовала в расположение белых, таща за собой пулемёты.

– Поздравляю с первой ласточкой, – доложил Рябцеву поручик Ровный.

– А где же весь батальон?

– Сейчас прибудет. Вокзал в наших руках, путь свободен. Рында-Бельский по поводу успеха уже атаковал вокзальный буфет. Молодец!

– Вот если бы так же успешно этот молодец атаковал не бутылочные батареи, а пушечные! – сказал полковник, вспомнив неудачный налёт Рында-Бельского на артбригаду.

Поручик Ровный сел за телефон и, когда дозвонился до дежурного по вокзалу, побледнел.

– Батальон пулемётчиков перехвачен! – тихо доложил он.

– Кем перехвачен?

– Варенцовой.

– Отрядом Варенцовой? Не слышал про такой отряд. Большевичка она известная, но отрядами не командует. Пропагандой занимается.

– Она их на товарной перехватила, – слушая сбивчивый рассказ дежурного, передавал Ровный. – Вышла на перрон и сказала: «Сынки! Я ваша мать, ткачиха ивановская. Сперва меня убейте, потом поезжайте убивать ваших братьев, рабочих». Среди солдат были ивановцы. Они узнали её и высыпали к ней из вагонов. А затем последовали за ней в распоряжение Военно-революционного комитета.

Рябцев выслушал, затем приказал, отчеканивая слова:

– Негодяя Рында-Бельского, прозевавшего наш батальон, расстрелять на месте там же, в буфете. Всеми наличными силами ударить навстречу прибывающим войскам, включая прорвавшуюся роту пулемётчиков. Баррикаду на Остоженке снести любой ценой. Жизнь и смерть нашего дела зависят от этого. Вы понимаете, поручик Ровный?

МОСКОВСКИЙ ГАВРОШ

Утро было холодное, промозглое. С неба то сочился дождь, то сыпала снежная крупа. Северный ветер пронизывал шинели солдат и ветхие пиджаки красногвардейцев. Расслабленные затишьем, они зябко дремали во дворах, в подъездах, на баррикаде, прислонившись к тюкам ваты. Смена выходить на улицу не торопилась. Один солдат Сидор поднялся и позвал с собой Андрейку.

На баррикаде лежали поверх тюков винтовки, солдаты и красногвардейцы дремали рядом. А при некоторых винтовках и хозяев не было, видно, ушли погреться.

Завидев Сидора и Андрейку, солдаты и красногвардейцы попросили:

– Покарауль, дядя Сидор. Мы живо, только чайком погреемся, – и, оставив громоздкие винтовки на баррикаде, устремились к битком набитой чайной.

Убедившись, что у белых тишина, солдат Сидор согласно кивал на просьбы знакомых и незнакомых. На баррикаде вскоре остались они вдвоём с Андрейкой: самый старый и самый юный солдат Красной гвардии.

Андрейка гордо расхаживал вдоль баррикады, охраняя доверенное им оружие. Сидор подрёмывал.

Набежала снежная туча, осыпав баррикаду белой крупой, и вдруг, словно гонимые северным ветром, из всех переулков посыпались юнкера. Они летели, овеваемые позёмкой, бесшумно, будто бестелесные духи.

Андрейка, увидев их, пальнул из ближайшей винтовки. Затем из второй, из третьей. Стрелял он не целясь, ничего не видя, оглушённый своей пальбой. Но солдат Сидор вёл прицельный беглый огонь. Его пули косили бегущих юнкеров.

Баррикада ожила. Услышав стрельбу, из чайной Бахтина, как пчёлы из рассерженного улья, выскакивали солдаты и красногвардейцы. Бежавшие юнкера запнулись, встреченные плотным огнём.

Андрейка заплясал от радости и уронил чью-то винтовку с бруствера на мостовую по другую сторону баррикады. Недолго думая Андрейка перемахнул через бруствер, поднял винтовку и… упал от сильного толчка в спину.

– Мальчишку убили! – услышал он словно издалека чей-то крик.

– Вот они! – крикнул Добрынин, увидев перед собой юнкеров. – Сами в руки даются! Бей их, ребята! – И перемахнул через баррикаду.

Красноармейцы и солдаты не отставали от Добрынина. Юнкера, не ожидавшие такого яростного отпора, попятились, побежали.

В Петю Добрынина вселился какой-то воинский дух. Забыв о ноющей ране в плече, о саднящей боли в голове, он побежал вперёд, размахивая винтовкой, в которой уже не было патронов, по пятам отступающих юнкеров. Красногвардейцы не

отставали от своего бесстрашного командира, и таким образом они прорвались к сумрачному зданию штаба округа. Дорогу к нему преграждала высокая поленница дров, за которой попрятались юнкера.

– За мной, в обход! – крикнул Добрынин.

Его боевым азартом невольно залюбовался фон Таксис, с горечью наблюдавший бегство юнкеров.

– А ведь хорош! – пробормотал он, прицеливаясь в Добрынина.

– Давай, давай, окружай, ребята! Чтобы ни один контра не ушёл! – подзадоривал Пётр красногвардейцев.

Рассчитав, что в суматошной стрельбе его выстрел пройдёт незамеченным, поручик рискнул послать пулю в грудь своего соперника. Если бы он не знал Добрынина, то, пожалуй, воздержался бы.

Пробитый пулей навылет, Пётр застыл на мгновение, словно удивлённый, и рухнул на землю.

Фон Таксис бежал, полз, затаивался в мусорных ямах и после унизительного бегства всё же выбрался к тётушкиному особняку. Фон Таксису не терпелось сообщить Глаше о смерти её красного генерала.

Поручик нашёл девушку в её комнатке на мансарде. Она задумчиво смотрела в окно и даже не заметила, что он вошел. Проследив за её взглядом, поручик заметил внизу перевязочный походный пункт и спросил негромко:

– Ну и что вас там привлекает? Скучное это дело – перевязывать стонущих раненых.

– А то привлекает, что девушки помогают своим товарищам, которые бьются за свободу, а я сижу тут в золочеёной клетке.

– Вот как? – вспыхнул фон Таксис. – Да они бы вас к себе не подпустили! Вы для них чужая.

– Не совсем, – сказала Глаша. – Вон та девушка меня бы рекомендовала… Люся самая главная по работе среди женской молодёжи.

Фон Таксиса словно пронзило. Та самая! Красивая, колючая, не побоявшаяся назвать их расстрельщиками. Интеллигентка, переметнувшаяся к красным. Ну вот и встретились на узкой тропиночке.

– Глаша, принесите воды. Мне что-то нехорошо, – попросил он.

Привстав на цыпочки, поручик открыл форточку и стал прицеливаться, выбирая, куда лучше – в висок или в сердце. И тут вбежала Глаша с тяжёлым хрустальным графином и граненым стаканом на подносе.

– Как вам не стыдно! Там же раненые, девушки!

Поручик стал протирать оптический прицел изнанкой лайковой перчатки. Глаша кинулась к окну и заколотила графином по стеклу. Посыпались осколки.

И тут фон Таксис обрушил на голову Глаши удар приклада.

Оттолкнув мёртвую девушку, фон Таксис бросился бежать. Скорей к своим. В штаб военного округа. Затеряться там среди офицеров.

Садами, дворами, пролазами в заборах поручик пробирался к штабу. И, возможно, ему удалось бы избежать возмездия. Но он соблазнился ещё одной целью. По осаждённому штабу из окна высокого жилого дома метко бил бомбомёт. Офицеров штаба не спасали ни высокие поленницы дров, ни каменный забор. Что ни разрыв – чья-то офицерская смерть.

Лицо бомбомётчика, озаряемое вспышками выстрелов, заворожило фон Таксиса. Забыв осторожность, он торопливо стал выбирать позицию.

– Ты ранен? Тебе помочь, солдатик? – над фон Таксисом склонился старый слесарь-водопроводчик.

– Отодвинь-ка вот эти железки. Я его сейчас! – поручик стал тщательно целиться в бомбомётчика.

Он не успел нажать на спуск, он услышал зловещий голос:

– Умри сам, убийца!

От страшного удара раскололся череп… Но поручик успел увидеть свою смерть – старика рабочего с обломком водопроводной трубы в руке.

КОГДА ЗАГОВОРИЛИ ПУШКИ

Полковник Рябцев решил применить артиллерию. Он вызвал к себе командира казачьей батареи, стоявшей в Кремле, и, склонившись над картой Москвы, уточнял с ним план действий. Было решено вывести пушки на Остоженку, прямой наводкой разрушить баррикады и очистить путь к вокзалу.

Это была последняя возможность соединиться с прибывающими с фронта казаками и солдатами, ещё не перешедшими на сторону красных.

– Пока большевики не применили тяжёлой артиллерии, мы опередим их – и дело с концом! – напутствовал командира батареи Рябцев.

И вдруг кабинет вздрогнул, донесся короткий звон колокола со Спасской башни и смолк. Рыжий сеттер, любимец полковника, соскочив с кресла, забился под диван.

– Что это значит? – Рябцев взглянул в окно: над Спасской башней таяло тёмное облачко.

– По-моему, пристрелочный, – сказал артиллерийский офицер.

– Откуда? Выясните. И подавите немедленно своей батареей, – приказал Рябцев.

…Снаряд, угодивший в Спасскую башню, прилетел со Швивой горки. Филька видел, как его заправили в ствол артиллеристы под восторженные вопли мальчишек.

Когда появились раненые красногвардейцы и солдаты и сказали, что взять Кремль без пушек нельзя: за каждым зубцом – юнкер, на каждой башне пулемёт, «кровью истечём, а не возьмём», артиллеристы наконец решились «пощупать» гнёзда юнкеров.

– Попугаем их, братцы? – спросил Туляков. – Рыжий не врёт, – потрепал он Фильку по пламенным вихрам. – Что Рябцев живёт в Кремле, и я знаю. А вот в какой квартире, сейчас уточним.

Туляков влез на колокольню, откуда хорошо был виден Кремль, и указал артиллеристам цель. Артиллеристы стали доворачивать одну из пушек, наводить её, поднимая ствол на квартиру Рябцева.

Затем заряжающий отвел замок, как дверцу печки, подносчик подал ему снаряд – тяжеленный, с острой мордочкой, чуть маслянистый. Заряжающий загнал его в ствол, и снаряд охотно вошёл, причмокнув. За ним дослали медную блестящую гильзу с порохом. Дверца защёлкнулась.

– Товсь! – крикнул Туляков весело. – По белым чертям, святой Кремль захватившим…

Бородатый наводчик перекрестился.

– Огонь! – скомандовал Туляков.

Его команда совпала со звоном часов на Спасской башне: «Бам!» Башня окуталась дымом, и часы, жалобно загудев, умолкли.

Мальчишки от восторга взвизгнули. Филька подскочил. А Туляков почесал маковку и сказал:

– Кончилась царская музыка!

Второй снаряд разорвался у подъезда, отбросив пролётку с лошадьми.

– Нас берут в вилку, господин полковник, – определил офицер-артиллерист.

Рябцев не спеша, поигрывая мускулами лица, стал собирать в портфель бумаги, адъютанты быстро скатали карту, рассыпая разноцветные карандаши. И, не подбирая их, направились к черному ходу, куда уже поспешил артиллерийский офицер.

Лукашу вынесло следом с верхней одеждой полковника и кофейником. Под грохот разрывов все спустились во внутренний двор, и полковник негромко приказал:

– В Александровское училище. Оттуда удобней руководить боем. Мой командный пункт будет там. Собаку! – топнул он на вестового.

И Лукаша побежал за сеттером, вспомнив, что при первых же разрывах снарядов тот забился под диван. Влетев в кабинет, он стал доставать собаку из-под дивана половой щёткой. Сеттер упирался, огрызался. Лукаша вспотел, изнемог. Наконец, отодвинув тяжеленный диван, он взял упрямого пса на руки.

– Ну слава богу! – сказал он.

И в этот момент Лукашу ослепила молния, он услышал гром. Лицо его обожгло болью. Он хотел крикнуть и не смог. В горле бурлило, язык холодел. Впотьмах Лукаша стал шарить одной рукой выход. Съехав на животе вниз по перилам, скользким и липким от его крови, он наконец вышел из здания. Но и на улице не было света.

– Брось собаку, идиот! У тебя же глаза выбиты! – выругал его полковник.

«Как же я жить буду?» – ужаснулся Лукаша и повалился без чувств, выпустив из рук невредимого сеттера.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Остановившись перевести дух у храма Христа Спасителя, Вячик-мячик стал свидетелем меткости стрельбы красной артиллерии. Она била отовсюду и громче всех с Воробьёвых гор. Над крышей штаба военного округа вдруг возник чёрно-красный смерч, и в его вихре с грохотом исчезла украшающая его башенка. Это было так страшно, что Вячик-мячик упал от страха. Даже когда он добрался к своим в Александровское училище, перед его глазами всё ещё стоял этот огненно-чёрный смерч, а в ушах гудело эхо взрыва.

В вестибюле Вячик встретил своего двоюродного брата поручика Ровного. Тот был какой-то растерянный, невнимательный. А Вячик сыпал ему скороговоркой:

– Я был в самом штабе красных! Там главным Штернберг. Знаменитый профессор астрономии. Не было прицелов, поставил к пушкам профессора математики Гопиуса. Не было снарядов, доставили с мызы Раево. Не было винтовок, нашли в эшелоне на путях сорок тысяч. Раздают всем солдатам и рабочим. Отряды красногвардейцев едут из всех подмосковных городов. Из Тулы оружейники. Из Иванова ткачи. Ждут балтийских моряков из Петрограда.

– Ты что здесь разводишь панику, гимназист? – схватил его за шиворот какой-то перебинтованный офицер с сумасшедшими глазами. – Ты агент большевиков? Подосланный?

– Я скаут! Я говорю только правду. Я был в самом штабе красных. Я все узнал… Если вы сдадитесь, вам сохранят жизнь. Это сказал профессор астрономии Штернберг…

– Значит, по-твоему, наша песенка спета?! Изрублю каждого, кто так думает! – офицер сорвал с лица бинты, и Вячик угадал в нем Рында-Бельского, неузнаваемо обезображенного.

– Я не вру! Будет обстрел! Будет…

Только успел выкрикнуть Вячик эти слова, как раздался страшный грохот и на головы всех посыпалась штукатурка. Рында-Бельский скрылся в меловой пыли, как дьявол в преисподнюю. Но ненадолго. Вячик получил от него такую трёпку, из которой не вышел бы живым, не трахни в угол дома ещё один снаряд. Осколки высадили окна вестибюля, и все повалились на пол.

Запомнилось Вячику, как в зал вошёл очень бледный полковник Рябцев и сказал:

– Приказываю пробиваться в Кремль.

– Поздно! Юнкера уже выходят из его ворот с поднятыми руками. Без вашего приказа! – ехидно крикнул Рында-Бельский. – Но я красным не сдамся! – И, выхватив пистолет из кобуры, Рында-Бельский выстрелил в себя.

– Это конец! Если такие, как он, вот так умирают, – сказал Рябцев.

…Стеша очнулась только через несколько дней в чужой комнате, на чьей-то постели. Оглядевшись, она поняла, что находится у кого-то из соседей. Но почему она очутилась здесь? Где хозяева квартиры? Недолго раздумывая, Стеша вышла из чужой квартиры и поспешила домой.

Их жильё было на запоре. Растерянная, вышла Стеша на улицу и увидела старушку нищенку, которой не раз подавала копеечку. Старушка, завидев её, подошла, вынула из сумки кусок хлеба и протянула его Стеше, сказав:

– Покушай, сиротка, спаси тебя Христос!

– Какая же я сиротка? У меня папа. У меня мама.

Старушка заплакала и сквозь слезы тихо сказала:

– На Новодевичьем кладбище твоя мама! Под кремлёвской стеной твой папа!

Стеша не помнит, как очутилась она на Новодевичьем кладбище. Здесь было столько свежих могил, что среди них не нашла она материнскую. Кого-то ещё хоронили. Слышалось унылое пение попов и плач родственников. Ни одного знакомого лица. Хоронили всё больше людей в военном – юнкеров и офицеров.

И вдруг Стеша увидела Фильку. Шёл он заплаканный.

– Мы Глашу похоронили, – проговорил он, всхлипывая. – Вон там, под деревьями, она будет лежать…

– А где наши, не знаешь? – шепотом, словно боясь разбудить мёертвых, спросила Стеша.

– На Красной площади, – проговорил, отирая слёзы, Филька.

– Андрея не встречал?

– Нет. Пойдем на Красную площадь. Туда все ребята побежали. Наверно, и Арбуз там.

Над Красной площадью проносились осенние тучи. В их разрывы изредка проглядывало солнце, освещая стену Кремля, под которой резко выделялась чёрная земля, забросанная еловыми ветками и грудами венков.

Люди шли и шли мимо, снимая шапки, кланяясь, крестясь. Неподвижно стояли на посту солдаты и красногвардейцы. К ним подошли Стеша и Филька, робея, чтобы спросить, не похоронен ли здесь отец Стеши.

И вдруг один из солдат с перевязанной рукой, стоявший на посту, закричал:

– Дочка! Стеша!

Это был отец Стеши. Она прильнула к нему, а он зашептал:

– Не плачь! Не будем слез лить. Мы отомстим им за всех. За нашу маму. За всех погибших.

Сдерживая слёзы, Стеша спросила, не встречал ли он Арбуза.

Отец пожал плечами, а какой-то солдат с забинтованной головой, на которой едва держалась папаха, сказал с широкой улыбкой:

– Не убили его! Прострелили здорово, гады, когда он за баррикады прыгнул за упавшей винтовкой. Хотел я ему помочь, а меня тоже в лоб железный воробей клюнул. Ухватил я мальчишку в охапку – и в госпиталь. Доктора ко мне. А я им приказываю: моя рана подождёт, у мальчишки крови меньше. Давайте его штопайте. Это защитник баррикады. Герой! Перед всем народом за него отвечать будете.

– Да где ж сейчас-то Андрей? – прервала солдата Стеша.

– Заштопали доктора приятеля моего, Арбуза. Все раны крепко залатали. Ну он вскоре очнулся и спросил меня: «Как там дела, дядя Сидор». – «Наша берёт!» – сказал я. Он успокоился и заснул. Ищите его в госпитале.

Филька и Стеша отыскали указанный солдатом госпиталь, но Арбуза там не было. Там лежал с забинтованной головой командир полка Померанцев, который сказал:

– Знал я такого паренька по прозвищу Арбуз. Его раны были хорошо штопаны, забинтованы, но уж очень бойкий был мальчишка. Когда он спал, вбежали красногвардейцы с завода Михельсона. Андрей проснулся, когда михельсоновцы закричали: «Ура! Наша взяла! Юнкера сдались! Кремль освобождён!»

Мальчишка, забыв про свои раны, вскочил с кровати и тоже стал кричать «ура!». Швы на ранах разошлись, и от потери крови он умер.

Фильке и Стеше не поверилось, что человек мог умереть от радости.

Они спросили медицинских сестёр, как была фамилия умершего мальчика. Сёстры ответили, что его фамилия была Андреев.

– Это не Арбуз! – сказал Филька. – Их фамилия Павловы. Я знаю. Наши дедушки, бабушки из одной деревни.

И Филька и Стеша побежали искать Арбуза.

Но они так и не нашли Андрейку. Историю про мальчика – героя баррикады рассказывали многие, и все по-разному. И называли разные имена. Одни говорили, что его звали Павликом, другие – Андрейкой. Девушки из Союза рабочей молодёжи «Третий Интернационал», сами побывавшие под огнём белогвардейцев на баррикадах, говорили, что руководитель их отряда Люся звала этого мальчика с голубыми глазами Васильком. А ребята из кузнечного цеха утверждали, что его звали Арбузом.

Наверно, их много было, геройских мальчишек. И много их погибло, помогая отцам и братьям отстоять Советскую власть.

Одного из таких героев увидел во время похорон жертв Октябрьских боёв в Москве Джон Рид, американский журналист, написавший потом книгу под названием «10 дней, которые потрясли мир» о том, как победила Великая Октябрьская социалистическая революция.

…Узнав, что юный герой был тяжело ранен при защите баррикады и умер от бурной радости, услышав о нашей победе, Джон Рид улыбнулся ему как живому.

– У тебя счастливая смерть, московский Гаврош! – сказал он, бросая горсть земли в братскую могилу. – Хотел бы и я умереть вот так в победном бою за свободу.

А друзья Андрейки не поверили в его гибель.

– Нет, нет, не погиб Арбуз! – убеждала Стеша Фильку. – Не таков он, чтоб поддаться смерти.

– Не таков, не таков! – поддакивал Стеше Филька. – Он наверняка где-нибудь воюет. Говорят, на Дону белоказаки против нас поднялись. На помощь шахтёрам туда матросы из Питера поехали. Наверняка Арбуз к матросам пристроился!

Вот так убеждали они друг друга, мечтая тоже попасть на войну с белогвардейцами и где-нибудь на полях сражений за Советскую власть встретиться с весёлым, храбрым, никогда не унывающим Арбузом.

Публикуется по: Богданов Н.В. Легенда о московском Гавроше. – М., 1988.